

Содержание

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСТАНЦЕВ

Зарема Шаукенова, Елена Бурова, Юлия Кучинская, Асара Муканова	Религиозная идентичность в семейных стратегиях казахстанцев 7
Тимур Козырев	Ислам в Казахстане: идентичность, общество, государство..... 19
Еркин Байдаров	Этносоциальная проблематика мусульманской уммы Казахстана.....37

РОЛЬ И МЕСТО ХРИСТИАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Таисия Мармونتова	Христианство в современном Казахстане.....56
--------------------------	--

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МИРОВОЙ ОПЫТ И КАЗАХСТАН

Анатолий Косиченко	Мировой опыт выстраивания конфессиональной политики..... 73
---------------------------	---

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Каиржан Абдыхалыков	Предпринимательское образование в системе высших учебных заведений РК..... 104
----------------------------	---

РЕЦЕНЗИЯ

Антон Морозов	Кусаинов А.М. Экономика Казахстана: Новая экономическая политика.....119
----------------------	---

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Мадина Нурғалиева**,
руководитель Представительства КИСИ
при Президенте РК в г. Алматы

Ответственный за выпуск Алмас Арзикулов
Редактор-корректор Наталья Шестакова
Верстка Елена Тушкова

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644. ISSN 1562-6318

При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в типографии ОО «КРОИВА» г. Алматы, ул. Ч. Валиханова, д. 115. Тираж 500 экз.

Мазмұны

ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ ДІНИ БІРЕГЕЙЛІГІ

Зарема Шәуқенова, Елена Бурова, Юлия Кучинская, Асара Мұқанова Тимур Козырев	Қазақстандықтардың отбасы стратегиясындағы діни бірегейлік.....	7
Еркін Байдаров	Қазақстандағы ислам: идентитет, қоғам және мемлекет.....	19
	Қазақстан мұсылмандар уммасының этноәлеуметтік мәселелері.....	37

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ХРИСТИАН ДІНІНІҢ РӨЛІ МЕН ОРНЫ

Таисия Мармонтова	Қазіргі Қазақстандағы христиан діні.....	56
--------------------------	--	----

КОНФЕССИЯЛЫҚ САЯСАТ: ӘЛЕМДІК ТӘЖІРИБЕ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН

Анатолий Косиченко	Конфессиялық саясатты қалыптастырудағы әлемдік тәжірибе.....	73
---------------------------	--	----

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КӘСІПКЕРЛІК БІЛІМ БЕРУДІҢ ДАМУЫ

Қаиржан Абдыхалыков	ҚР жоғары оқу орындар жүйесіндегі кәсіпкерлік білім беру	104
----------------------------	--	-----

РЕЦЕНЗИЯ

Антон Морозов	Құсайынов А.М. Қазақстан экономикасы: Жаңа экономикалық саясат.....	119
----------------------	---	-----

KAZISS
Қазақстан Республикасының
Президенті жанындағы
Қазақстанның стратегиялық
зерттеулер институты

1994 жылдың қазанынан тоқсан сайын шығып тұрады.

Бас редактор **Мадина Нұрғалиева**,
ҚР Президенті жанындағы ҚСЗИ
Өкілдінің жетекшісі (Алматы қ.)

Шығаруға жауапты Апмас Арыққұлов
Редактор-корректор Наталия Шестакова
Беттеу Елена Тушкова

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 010000, Астана қ., Бейбітшілік көшесі 4, тел. 8 (7172) 75 20 20, факс 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал ҚР Баспа ісі және бұқаралық ақпарат жөніндегі ұлттық агенттікте 1997 жылдың 8 қыркүйегінде тіркелген, тіркеу куәлігінің №644. ISSN 1562-6318
Журналда жарияланған материалдарды көшіріп басқан жағдайда журналға сілтеме жасалынуы міндетті.

Жарияланған мақала авторларының пікірі редакция көзқарасын білдірмеуі мүмкін. «КРОИВА» ҚБ баспаханасында басылып шығарылды. Алматы қ., Ш. Уалиханов көш., 115 үй. Тиражы 500 дана.

Contents

RELIGIOUS IDENTITY IN KAZAKHSTAN

- Zarema Shaukenova,** Religious Identity in Family Strategies
Elena Burova, in Kazakhstan.....7
Yuliya Kuchinskaya,
Asara Mukanova
- Timur Kozyrev** Islam in Kazakhstan:
Identity, Society and the State 19
- Erkin Baydarov** Ethno-social Problems of Muslim
Community in Kazakhstan 37

ROLE AND PLACE OF CHRISTIANITY IN KAZAKHSTAN

- Taisia Marmontova** Christianity in Modern Kazakhstan.....56

RELIGION AND BELIEF POLICY: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND KAZAKHSTAN

- Anatoly Kosichenko** World Experience in Development
of State-Confessional Relations.....73

EVOLUTION OF ENTREPRENEURIAL EDUCATION IN KAZAKHSTAN

- Kairzhan Abdykhalykov** Evolution of Entrepreneurial Education in the System
of Higher Educational Institutions of Kazakhstan.....104

BOOK REVIEW

- Anton Morozov** Kusainov A.M. Economy
of Kazakhstan: New Economic Policy 119

KAZISS
Kazakhstan Institute
for Strategic Studies under
the President of the Republic
of Kazakhstan

Quarterly since October 1994

Editor in Chief **Madina Nurgalieva,**
Head of Almaty Office of KAZISS
under President of Kazakhstan

Responsible for publication Almas Arzikulov
Editor-corrector Natalya Shestakova
Layout Elena Tushkova

Address: 4 Beibitshilik str., Astana, 010000, Republic of Kazakhstan.
Phone: 8 (7172) 75 20 20. Fax: 8 (7172) 75 20 21. E-mail: office@kisi.kz.
The journal was registered by the National Agency of press and information of
the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644. ISSN 1562-6318
All copies from this journal should be made with reference. The opinion of the
editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of PA "Kroiva" CH. Valikhanova St., 115.
Copies 500.

Редакционный совет

- Баглан Майлыбаев** — председатель Редакционного совета, заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Мадина Нургалиева** — шеф-редактор, руководитель Представительства Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК в г. Алматы, кандидат политических наук
- Андрей Чеботарёв** — директор Центра актуальных исследований «Альтернатива», кандидат политических наук
- Геннадий Чуфрин** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Гульмира Илеуова** — директор ОФ Центр социально-политических исследований «Стратегия», кандидат социологических наук
- Гульнар Насимова** — заведующая кафедрой политологии и политтехнологий Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор политических наук, профессор
- Константин Сыроежкин** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Марат Шайхутдинов** — заместитель Секретаря Совета Безопасности РК, доктор исторических наук, профессор
- Мартин Брусис** — доктор социологических наук, Высшая школа исследований Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана (Германия)
- Рахман Алшанов** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Синтия Каплан** — профессор Калифорнийского университета (США)

Редакциялық кеңес

- Бағлан Майлыбаев** — Редакциялық кеңестің төрағасы, Қазақстан Республикасы Президентінің Әкімшілігі Басшысының орынбасары, заң ғылымдарының докторы
- Мадина Нұрғалиева** — Бас редактор, Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институты Өкілдігінің басшысы (Алматы қ.), саяси ғылымдарының кандидаты
- Андрей Чеботарёв** — «Альтернатива» өзекті зерттеулер орталығының директоры, саяси ғылымдарының кандидаты
- Геннадий Чуфрин** — РҒА корреспондент-мүшесі, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Гүлмира Илеуова** — «Стратегия» әлеуметтік-саяси зеттерлеулер орталығы ҚҚ-ның директоры, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты
- Гүлнар Насимова** — әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Саясаттану және саяси технологиялар кафедрасының басшысы, саяси ғылымдар докторы, профессор
- Константин Сыроежкин** — Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстанның стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор
- Марат Шайхутдинов** — ҚР Қауіпсіздік Кеңесі хатшысының орынбасары, тарих ғылымдарының докторы, профессор
- Мартин Брусис** — әлеуметтану ғылымдарының докторы, Шығыс және Оңтүстік-Шығыс Еуропаны зерттеудің жоғары мектебі, Людвиг-Максимилианның Мюнхен Университеті (Германия)
- Рахман Алшанов** — «Тұран» ағарту корпорациясының президенті, ҚР жоғары оқу орындары қауымдастығының президенті, экономика ғылымдарының докторы, профессор
- Синтия Каплан** — Калифорния университетінің профессоры (АҚШ)

Editorial Board

- Baglan Mailybaev** — Chairman of Editorial Board, Deputy Head of Administration of President of Kazakhstan, Doctor of Law
- Madina Nurgalieva** — Editor in Chief, Head of Almaty Office of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan, Candidate of Political Science
- Andrey Chebotarev** — Director of “Alternativa” Center for Contemporary Studies, Candidate of Political Science
- Gennadiy Chufirin** — Corresponding Fellow of Russian National Academy of Science, Doctor of Economics, Professor
- Gulmira Ileuova** — Director of “Strategia” Public Foundation for Social and Political Studies, Candidate of Sociology
- Gulnar Nasimova** — Head of Political Science and Political Technologies Department, al Farabi Kazakh National University, Doctor of Political Science, Professor
- Konstantin Syroezhkin** — Chief Research Fellow of Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan, Doctor of Political Science, Professor
- Marat Shaykhudinov** — Deputy Secretary of Security Council of Kazakhstan, Doctor of History, Professor
- Martin Brusiš** — Graduate School for East and Southeast European Studies Ludwig-Maximilian University of Munich (Germany), Doctor of Social Science
- Rakhman Alshanov** — President of “Turan” Educational Corporation, Chairmen of Kazakhstan Universities Association, Doctor of Economics, Professor
- Cynthia Kaplan** — Department of Political Science, University of California Santa Barbara, Professor (the USA)

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СЕМЕЙНЫХ СТРАТЕГИЯХ КАЗАХСТАНЦЕВ

Зарема Шаукенова¹, Елена Бурова²,
Юлия Кучинская³, Асара Муканова⁴

¹ Директор Института философии, политологии и религиоведения (ИФПиР) КН МОН РК, член-корреспондент НАН РК, доктор социологических наук, профессор.

² Главный научный сотрудник ИФПиР КН МОН РК, доктор философских наук, профессор.

³ Директор по проектам ОО «Научно-исследовательская ассоциация «Институт демократии», кандидат социологических наук.

⁴ Менеджер по проектам ОО «Ассоциация социологов Казахстана», кандидат социологических наук.

Аннотация. В данной статье анализируется религиозная идентичность в семейных стратегиях казахстанцев. Результаты мониторинга мировоззренческих ориентаций казахстанской семьи репрезентируют неоднозначные процессы ментальных трансформаций по таким демаркационным линиям, как «светскость/религиозность», «традиционная/новая религиозность». Влияние религиозного фактора на достижение современной идентичности посредством социализации имеет далеко не однозначные последствия: в условиях религиозной конверсии как значимого тренда приводит к утрате традиционной и порождению новой субкультуры.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, казахстанская семья, религиозная конверсия, религиозная идентичность, социализация.

ҚАЗАҚСТАНДЫҚТАРДЫҢ ОТБАСЫ СТРАТЕГИЯСЫНДАҒЫ ДІНИ БІРЕГЕЙЛІК

Зарема Шаукенова, Елена Бурова, Юлия Кучинская, Асара Муканова

Андатпа. Бұл мақалада қазақстандықтардың отбасы стратегиясындағы діни бірегейлік мәселесі талданған. Қазақстандық отбасының дүниетанымдық бағдарын

бакылау нәтижесі «зайырлылық/діндарлық», «дәстүрлі/жаңа діндарлық» сияқты демаркациялық шекара бойынша ділдік трансформациялардың біржақты үдеріс екендігін көрсетті. Әлеуметтендіру арқылы заманауи бірегейлікке қол жеткізуге деген діни фактордың ықпалы біржақты емес: діни конверсия жағдайында маңызды тренд ретіндегі дәстүрлі мәдениеттің жоғалып, жаңа субмәдениеттің пайда болуына алып келуі мүмкін.

Түйінді сөздер: діни-өнегелі құндылықтар, қазақстандық отбасы, діни конверсия, діни бірегейлік, әлеуметтену.

RELIGIOUS IDENTITY IN FAMILY STRATEGIES IN KAZAKHSTAN

Zarema Shaukenova, Elena Burova, Yuliya Kuchinskaya, Asara Mukanova

Abstract. The authors' analysis is focused on religious identity and its role within family strategies in Kazakhstan. The findings, resulted from continuous observation, reveal that in ideological terms, the families in Kazakhstan undergo the processes of rather ambiguous character along such demarcation lines as “secular/religious”, “traditional/new religiosity”. The impact of the religious factor through socialization on the identity that is being currently molded may have the consequences that are not all uniform: the process of religious conversion, given that the latter is a significant trend, may lead to the loss of the traditional and generation of a new subculture.

Key words: ethical and moral values, family in Kazakhstan, religious conversion, religious identity, socialization.

Введение

В условиях многообразных трансформаций с 1990-х гг. прошлого столетия роль религии и ее влияние на достигаемую идентичность (как индивидуальную, так и групповую) существенно изменилась. Этап суверенного развития Казахстана изменил мировоззренческую атмосферу общества, в том числе по такой демаркационной линии, как «светскость/религиозность». В Казахстане выстраивается обновленная система ценностей и единство казахстанского общества в немалой степени зависит от возможности трансляции традиций, укоренения духовно-нравственных парадигм, общих для различных поколений и воспроизводимых в семейной группе. В этих процессах кардинально переосмыслена воздействующая роль религии на духовно-нравственное развитие личности. Казахстан — светское государство с соответствующей системой воспитания и образования, и поэтому мировоззренческие ориентации, культивируемые в семье, становятся базовыми для последующей нравственной, знаниевой и идейной социализации.

Методы исследования

Мониторинг мировоззренческих ориентаций казахстанской семьи выполнен Научно-исследовательской ассоциацией «Институт демократии» по заказу Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК в рамках грантового проекта Комитета науки Министерства образования и науки РК «Институт семьи как фактор стабильности казахстанского общества» в апреле 2012 г. и в апреле 2013 г. в формате анкетирования методом «*face to face*» городских и сельских жителей Республики Казахстан с охватом всех регионов страны: 14 областей и гг. Астаны и Алматы. Исследования проведены среди взрослого (старше 18 лет) населения Казахстана по многоступенчатой случайной репрезентативной национальной выборке, учитывающей пол, возраст, национальную принадлежность, уровень образования, место проживания (по типу населенных пунктов), уровень доходов, занятость и сферы занятости. Ошибка выборки $\pm 1,8\%$. Выборочная совокупность составила 3000 респондентов. Результаты были обработаны с использованием специального программного обеспечения *SPSS for Windows* (версия 19).

Результаты исследования

Семья как, безусловно, приоритетная базовая ценность (она значима для 82—85% казахстанцев) и устойчивая группа, способствующая социализации в условиях трансформирующегося социума, требует измерений и интерпретаций в проекции на религиозность. Анализ показывает, что уклад, традиции и система ценностей в современных казахстанских семьях достаточно специфичны и отображают не только тенденцию возрастания религиозной компоненты, но и изменения в *соотношении светских (30,3%), светско-религиозных (21,3%) и религиозных (46,8%) семей* (рис. 1).

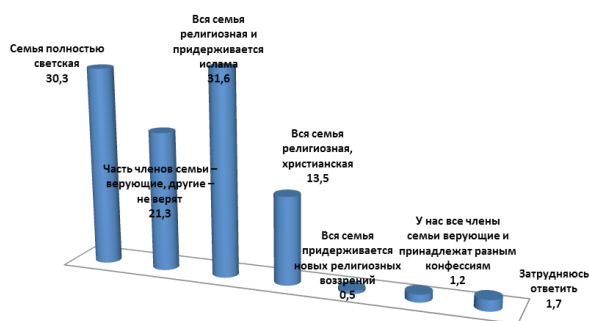

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Ваша семья является светской или ее члены (частично или полностью) верующие?» (в %, N=3000)

Новизна социальной ситуации фокусирует научный интерес на теоретической реконструкции масштабов религиозного образа жизни казахстанских семей. Ареал религиозности уточняется (в сторону существенного сужения), когда респонденты отвечают на вопрос о следовании определенным традициям в семье (рис. 2).

Мониторинг проявил обстоятельства, в соответствии с которыми: а) *собственно религиозный образ жизни* (включающий в себя не только обрядность, но, прежде всего, соизмерение жизненного уклада с религиозной доктриной, канонами религиозной жизни) отличает не более 14% семей; б) более 70% респондентов, так или иначе, связывают жизнь семьи со следованием религиозной традиции, причем выясняется, что в их числе более 43% отмечают *совмещение в образе жизни семьи традиций религиозности и светскости*; в) *следование светскому образу жизни* характерно менее чем 10% семей.

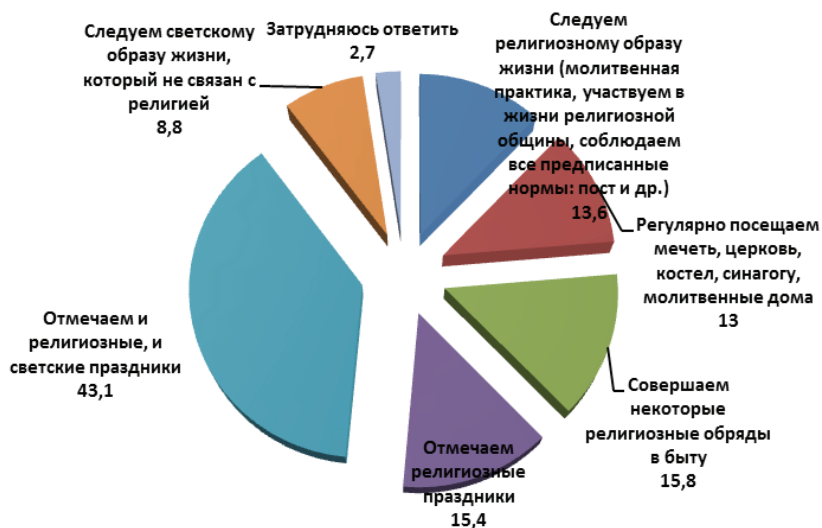

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие религиозные или светские традиции Вы сохраняете и развиваете в своей семье?» (в %, N=3000)

В современных условиях существенно модифицировались мировоззренческие парадигмы (как в отношении смыслообразующих жизненных концептов, так и в отношении идеалов). Респонденты оценивали возможности формирования духовно-нравственных ценностей в разных мировоззренчески ориентированных семьях (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «В каких семьях имеется больше возможностей для формирования духовно-нравственных ценностей (любви, милосердия, взаимопонимания, взаимопомощи, толерантности)?» (в %, N=3000)

Преимущественной точкой зрения стало суждение о том, что процесс формирования духовно-нравственных ценностей не зависит от религиозной или светской ориентации семьи (так считает почти каждый третий респондент — 31,6%). На то, что в семьях, исповедующих традиционные религии, больше возможностей для формирования духовно-нравственных ценностей, потому что именно в них четко определены критерии добра, любви, ненасилия, указал каждый четвертый респондент (23,3%). Каждый шестой (17,3%) полагает, что наиболее благоприятная духовно-нравственная атмосфера создается в светско-религиозных семьях, где сочетаются светские и религиозные ценности, а 11,5% выбрали суждение о том, что в казахстанском обществе ни в светских, ни в религиозных семьях нет стремления к духовно-нравственному развитию из-за господства культа материального потребления. 9,2% респондентов отметили, что только в светских семьях создается должная духовно-нравственная атмосфера, поскольку в таких семьях в полной мере учитываются реальные условия современной жизни и осуществляется процесс постепенной трансформации ценностей. Затруднились с ответом 6,9%.

За время суверенного развития религиозность населения выступила одним из значимых мировоззренческих индикаторов. Распределение суждений об интегрирующей роли религиозной веры на жизнь семьи выявило такую палитру суждений (рис. 4).

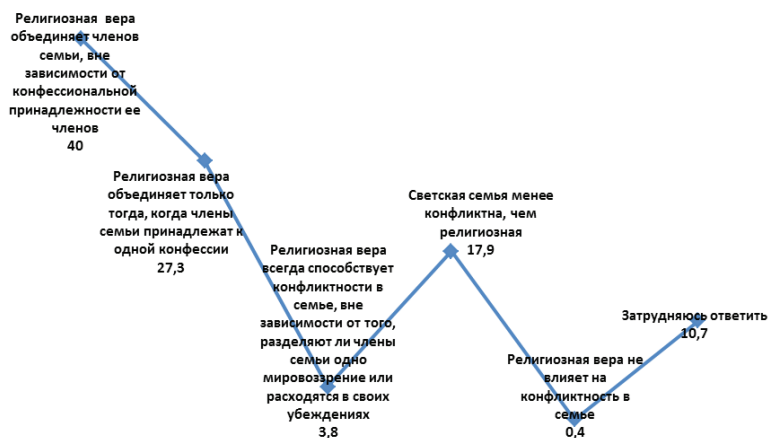

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, объединяет ли членов семьи религиозная вера или, напротив, создает условия для конфликтов?» (в %, N=3000)

Выступая в качестве фактора социализации, религия в современном Казахстане способствует как *акцентированию процесса традиционной этноконфессиональной идентичности*, так и *расширению возможностей религиозной конверсии*, которая становится одним из явных трендов религиозности и означает не только утрату позиций традиционных религий, но и выступает весьма существенным фактором изменения культурной идентичности, сдвигая ее маркеры.

В Казахстане как многоконфессиональном и полиэтничном государстве разворачивается своеобразная этнорелигиозная ситуация. Она вызвана тем, что в период суверенизации значительно возросла численность религиозных организаций и групп, новые религиозные движения разного толка (на nive исламизации, евангелизации, неоориенталистики, сетевого маркетинга и проч.) достаточно «успешно» интегрировались в толерантное казахстанское общество, мировоззренческий плюрализм привел к возрастанию масштабов религиозной конверсии. В результате казахстанцы утрачивают традиционные (этнокультурно-исторически предписанные) конфессиональные статусы и обретают новые религиозные и нередко квазирелигиозные идентификации.

В связи с возрастанием роли религиозного фактора в жизни общества на уровне семейной группы массово проявляются нетипичные в прошлом ситуации, когда члены семьи (не только в полиэтничных, но и в моноэтничных) становятся носителями различных религиозных убеждений, переходят к новому образу жизни. Видимые последствия религиозной конверсии связаны не просто с переменной ценностно-

смысловых концептов мировоззрения, но и с факторами, существенно трансформирующими личностную и групповую (не только семейную, но и социально-профессиональную) идентичность.

Отношение к процессу религиозной конверсии выявило картину, когда почти каждый второй респондент (46,1%) не будет против изменения религиозных предпочтений своих родных, так как видит в возможности такого выбора реализацию права на свободу совести; каждый третий респондент (34,1%) не поддерживает религиозную конверсию среди родных, так как полагает обязательность культурно-исторической преемственности в этноконфессиональной идентичности, рассматривая ее как «связь с предками»; безразличное отношение к процессу религиозной конверсии среди родных выразили 16,7% респондентов; 2,5% респондентов показали свое полное понимание процесса религиозной конверсии, поскольку сами переменяли религиозные убеждения (рис. 5).

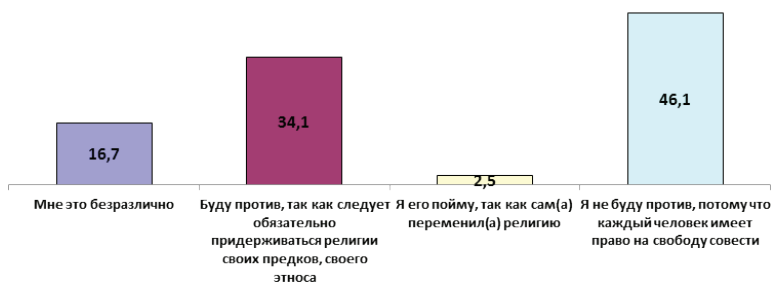

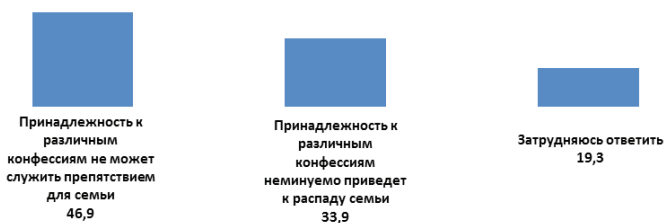
Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Если Ваши родные решат или уже решили сменить религиозные убеждения, то как Вы к этому отнесетесь?» (в %, N=3000)

Тенденциальность религиозной конверсии как значимого тренда фиксируется нарастающим числом обращений граждан в консультационные центры с просьбами о помощи возвратить родных, близких, друзей, коллег из нетрадиционных для Казахстана религиозных организаций. Анализ более чем 300 историй казахстанских семей, члены которых обратились за психологической, юридической, религиозно-этической помощью в связи с включенностью в процессы религиозной конверсии¹, показывает, что пребывание в новых религиозных организациях различной направленности приводит к таким изменениям, как распад семейных отношений (при условии расхождения религиозных предпочтений супругов, родителей и детей), нарушение физического/психического здоровья (в результате применения лекарственных

¹ Исследование было осуществлено в 2009—2013 гг. в рамках проектной деятельности Общественного фонда «Информационно-консультативная группа «Перспектива» по социальному заказу Министерства культуры и информации РК, акиматов г. Астаны и Алматы методом «case study».

средств, проведения очистительных/оздоровительных процедур, совершения медитативных практик), снижение достигнутого ранее социального статуса (в ситуациях отказа от учебы, от активной профессиональной или общественной деятельности), утрата имущества семьи (через отчуждение, дарение религиозной общине), разрушение бизнеса, трудовых коллективов.

В обстановке религиозной конверсии поиск новых идентичностей в контексте изменения мировоззренческих убеждений часто проявляется как конфликтная ситуация, предшествующая распаду семьи. Анализ общей установки на оценку респондентами прочности семьи в случаях несовпадения религиозных убеждений членов семьи показывает, что почти половина респондентов (46,9%) убеждены, что принадлежность к различным конфессиям внутри семейной группы не может служить препятствием для прочности семьи, но в то же время практически каждый третий респондент (33,9%) высказал противоположное мнение о том, что несовпадение мировоззренческих предпочтений членов семьи неминуемо приведет к ее распаду (рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, может ли быть крепкой семья, члены которой придерживаются различных религиозных убеждений (принадлежат к разным конфессиям или кто-то — верующий, а кто-то — атеист)?» (в %, N=3000)

Религиозная идентичность все чаще не совпадает с традиционной (культурно-исторически предписанной) этнической идентичностью, и если сравнивать ответы на вопрос о межконфессиональной толерантности и межэтнической сплоченности на уровне такой группы, как семья, то выясняется, что респонденты чаще допускают возможность достижения межэтнического, чем межконфессионального компромисса между родными и близкими.

Респондентам предлагалось оценить ряд параметров, проявляющих различные проекции религиозности не только в семье респондентов и их родных, но и среди окружения — друзей, коллег, соседей. Для индикации были выбраны такие параметры, как: а) образ жизни (светский, религиозный, а также без акцентированной мировоззренческой ориентации); б) соотношение традиционной этнической и предписанной

культурно-исторически религиозной принадлежности и присутствие религиозной конверсии; в) религиозная толерантность/нотолерантность, воспитываемые в семье по отношению к другим мировоззрениям; г) культивирование идеала космополитизма, с одной стороны, и воспитание гражданственности и патриотизма — с другой; д) востребованность религиозных знаний и необходимость религиозного воспитания; е) место и роль религиоведческих знаний и образования (рис. 7).

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Выберите, пожалуйста, наиболее типичные позиции, которые соответствуют ситуациям из Вашей жизни, из семейной жизни друзей, коллег, соседей» (в %, N=3000)

Обобщение позиций, соответствующих ситуациям в семьях «первого» (своих и родных) и «второго» (друзей, коллег, соседей) круга, указало на такие тенденции динамики религиозности сквозь призму семейной социализации, как:

- отсутствие фокусированной мировоззренческой ориентации (светской или религиозной) в жизни семей (42,5—43,5%) перед выбором светского (30%) или религиозного (12,5—16%) образа жизни;
- доминирование толерантного отношения к мировоззренческому разнообразию (31,2—40,2%) перед религиозной нетерпимостью (6,9—11,7%);
- признание за казахстанцами права выбора нового религиозного опыта и принятия нетрадиционных для историко-культурного ареала религиозных верований (17,4—23%), тождественность этнорелигиозной идентичности в соответствии с культурно-исторической традицией

(23,4—27%) наряду с фиксируемым переходом в другую веру по принципу религиозной конверсии (7,1—9,8%), развернутой по типу не только интеллектуальной, но и социокультурной;

– превалирование в семейной социализации установок на формирование гражданственности и воспитание патриотизма (29,8—41,6%) перед тенденцией культивирования идеи космополитизма (6,1—8,3%).

Формирование мировоззрения, которое призваны систематически и ответственно осуществлять по отношению к молодым поколениям семья, общество и государство, предполагает институционализацию как светского, так и религиозного дискурсов. В этой связи важно проявить масштабы потребностей сограждан в религиозных и религиозоведческих знаниях и предложить приемлемые с точки зрения конституционной законности средства получения как религиозного, так и светского воспитания и образования. Респонденты отмечают недостаточность у них религиозных знаний (17,5—19,6%), востребованность религиозного воспитания (16,5—19,5%) и важность религиозоведческого образования (16—23%). При этом от 24 до 30% респондентов заявляют о том, что религиозоведческое образование должно быть факультативным, а не общеобязательным.

Религиоведческое обучение в системе светского образования должно быть обязательным и направленным как на информирование учащихся и студентов, так и на формирование у них представлений о многообразии религий, культуuroобразующей роли мировых религий, функций религии в истории и в современности, а также об использовании религии как политического ресурса. Предмет «Религиоведение» должен помочь молодежи в понимании и принятии системы общечеловеческих ценностей (как сплава общезначимых светских и религиозных духовно-нравственных концептов) в качестве базовой матрицы мировосприятия и соответствующего мироотношения.

Адаптация к рыночным условиям в Казахстане совпала с существенной трансформацией мировоззрения (рис. 8).

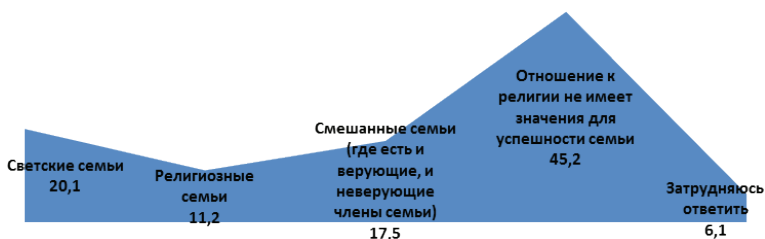

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Какие семьи в Казахстане успешнее адаптировались к современным условиям (в плане доступа к образованию, наличия хорошей работы, достигнутого уровня жизни)?» (в %, N=3000)

Анализ ответов респондентов о том, какие семьи оказались более успешными в эти непростые годы, выявил следующие особенности:

– подавляющее число респондентов (45,2%) выбирают утверждение о том, что отношение к религии не имеет значения для успешности семьи в условиях рынка. Каждый пятый (20,1%) респондент считает, что более адаптивными оказались светские семьи, примерно столько же (17,5%) полагают, что хорошо адаптировались к рынку смешанные (в мировоззренческом аспекте) семьи, в которых есть как верующие, так и атеисты. Только 11,2% респондентов указали на то, что религиозные семьи успешно адаптировались к рынку, который, как известно, требует своеобразной парадигмы ценностей.

Для сохранения атмосферы стабильности казахстанского общества важна преемственность традиции, а она связана с семейными установками на коммуникативные практики (рис. 9).

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «С какими семьями Вы предпочитаете поддерживать дружеские отношения?» (в %, N=3000)

Более половины респондентов (63,8%), оценивая свои предпочтения на уровне группового дружеского общения, выбирают утверждение, что мировоззренческая ориентация семьи (как светская, так и религиозная) не имеет значения для коммуникаций, так как главные критерии межсемейного общения — это взаимное расположение, доверительность и поддержка. Число респондентов, чьи семьи общаются с теми, кто разделяет сходные мировоззренческие (имея в виду религиозные) убеждения, так как в этом случае совпадают жизненные позиции, — 14,2%. 11% респондентов полагают, что большие возможности для общения открываются при установлении коммуникаций с семьями религиозно-светской ориентации. О выборе общения только со светскими семьями, когда отсутствуют мировоззренческие разногласия, сообщили 5,7% респондентов.

Выводы

Анализ значений показывает, что:

- казахстанские семьи оказываются непосредственно вовлеченными в процессы формирования и утверждения религиозной идентичности;
- процесс трансформации ценностно-смысловых мировоззренческих концептов на уровне семьи непосредственно связан с возрождением традиции религиозности с одновременным сохранением светской ориентации и их своеобразным смешением с явным преобладанием последнего тренда;
- ориентации семей на культивирование определенного типа мировоззрения определяют направленность групповых межсемейных коммуникаций, которые выстраиваются преимущественно в соответствии с принципами открытого и толерантного диалога;
- институционализация рыночных преобразований, либерализация и демократизация жизни привели к необходимости адаптации к новым условиям семейных групп, причем без видимых преимуществ по признаку отнесенности к религиозной вере.

Мониторинг религиозности в проекции на семейную идентичность проявил тенденцию сохранения устойчивости казахстанского общества, стремление к консолидации, к достижению стабильности и духовному возрождению в ситуации высокой степени толерантности к выбору мировоззренческих предпочтений, «спокойному» восприятию процессов религиозной конверсии, востребованности как религиозного, так и религиозоведческого образовательного и просветительского дискурсов.

В период с 2014—2016 гг. по программе «Народ в потоке истории» Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК осуществляет проект «Роль религии в историческом и духовно-культурном развитии Казахстана: традиции и современность». В рамках проекта проводятся социологические исследования, продолжающие изучение представленной в настоящей статье проблематики. Результаты данных исследований будут обобщены и опубликованы в ближайшее время.

ИСЛАМ В КАЗАХСТАНЕ: ИДЕНТИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

Тимур Козырев

Политолог, религиовед, кандидат филологических наук, магистр теории нации и национализма. Эксперт Международной Тюркской академии

Аннотация. В статье рассматривается роль ислама в структуре современной казахской идентичности, которая на сегодняшний день серьезно недооценивается. По мнению автора, ислам (как система религиозных верований и практик, а также его историко-культурное наследие) имеет большое значение для формирования казах(стан)ской идентичности. Помимо этого, автор оспаривает точку зрения, согласно которой повышение роли ислама в обществе может представлять угрозу светским устоям государства в Казахстане. Таким образом, в Казахстане должна быть та или иная форма кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений, без полного исключения ислама из публичной сферы. Особо важным вопросом является предотвращение геттоизации практикующих мусульман, к которой могут вести некоторые запретительно-ограничительные практики по отношению к ним. Помимо этого, в статье подробно обсуждаются методы идеологической работы по профилактике религиозного экстремизма.

Ключевые слова: ислам, формирование идентичности, историческое сознание, государственно-конфессиональные отношения, практикующие мусульмане, светское государство.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ИСЛАМ: ИДЕНТИТЕТ, ҚОҒАМ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТ

Тимур Козырев

Андатпа. Осы мақалада ислам дінінің қазіргі заманғы қазақ идентитетінің құрылымындағы ролі қарастырылады; автордың пікірінше, бұл мәселеге қазіргі таңда тиісті деңгейде мән берілмей жатыр. Мақалада исламның (діни сенім және амалдар жүйесі ретінде, сондай-ақ, оның тарихи-мәдени мирасының) қазақ (стандық) идентитеттің қалыптасуындағы ролі зор деген тұжырым алға тартылып жатыр. Бұдан тыс, автор Қазақстандағы ислам рөлінің күшеюі мемлекеттің зайырлы құрылымына нұқсан тигізуі мүмкін деген пікірдің қателігін дәлелдеп көрсетеді.

Осылайша, Қазақстанда мемлекеттік-конфессиялық қарым-қатынастардың кооперациялық (яғни, исламды қоғамдық өмірден аластатпайтын) моделі қолданылуы жөн деген қорытынды жасалынады. Мақалада ерекше мән беріліп отырған таңы бір мәселе — ғибадат қылушы мұсылмандарды геттоизацияға ұшыратпау; оларға қарсы бағытталған кейбір шектеуші практикалар дәл осындай нәтижеге апарып соқтыруы мүмкін. Бұлардан тыс, мақалада діни экстремизмнің кеңінен таралуының алдын алу бағытындағы идеологиялық жұмыстың тәсілдері мен әдістері талқыланады.

Түйінді сөздер: ислам, идентитеттің қалыптасуы, тарихи сана, мемлекеттік-конфессиялық қарым-қатынастар, ғибадат қылушы мұсылмандар, зайырлы мемлекет.

ISLAM IN KAZAKHSTAN: IDENTITY, SOCIETY AND THE STATE

Timur Kozyrev

Abstract. The article is discussing the role of Islam within the structure of modern Kazakh identity, which is widely underestimated nowadays. The author argues that Islam both as a system of religious beliefs and practices as well as its historical and cultural heritage is of significant importance for Kazakh(stani) identity formation. Further, the author dismisses the viewpoint according to which the increasing role of Islam in the society is threatening the secular state in Kazakhstan. Therefore, a kind of cooperation model of state-religion relationships should be implemented in Kazakhstan without total exclusion of Islam from the public sphere. Of especial importance is the issue of preventing ghettoization of practicing Muslims to which banning some practices may lead. The methods of ideological work preventing the spread of religious extremism are also discussed in the article.

Key words: Islam, identity formation, historical consciousness, state-religion relations, practicing Muslims, secular state.

Введение

Государственно-конфессиональные отношения для большинства стран Центральной Азии — это вопрос о формате взаимодействия государственных органов с религиозными институтами, о степени допуска религии государством в публичную сферу и т.п.

Однако для Казахстана выбор модели государственно-конфессиональных отношений — это нечто гораздо большее, чем просто вопрос о месте религии в обществе и отношении к ней со стороны государственных институтов.

Без большого преувеличения можно утверждать, что для нашей страны этот вопрос неотделим от всей широкой проблематики нацио-

нально-государственного строительства и, по сути, является вопросом выбора национальной идентичности и цивилизационной ориентации Казахстана.

Драматичные события в стране и мире, отражаясь в общественном сознании, придают указанной проблематике дополнительную остроту, порождая противоречивые интерпретации.

В настоящей статье мы коснемся ряда сложных и порой деликатных вопросов, касающихся роли и места ислама в современном Казахстане. Все соображения, высказанные ниже, представляют собой личную экспертную позицию автора.

Методы исследования

При написании настоящей статьи использовались методы полевого исследования, глубинного интервью, текстологического анализа и системного анализа. Респондентами глубинных интервью выступили представители мусульманского духовенства (ДУМК), традиционных верующих и некоторых нетрадиционных исламских течений, чиновники Агентства РК по делам религий и региональных Управлений по делам религий. В целом в основу статьи лег двухлетний опыт работы в Научно-исследовательском и аналитическом центре (НИАЦ) АДР РК.

Казах и/или мусульманин: ислам в казахской идентичности

Как известно, предки казахов впервые познакомились с исламом еще в период арабских завоеваний; впоследствии ислам в полном объеме исповедовала правящая элита и значительная часть населения Золотой Орды и Казахского ханства и, наконец, полная и реальная исламизация всей Степи окончательно завершилась в XIX столетии. Таким образом, суннитский ислам по праву считается традиционной религией казахского народа, что, в свою очередь, определяет его принадлежность к *мусульманской цивилизации*.

Тем не менее, как в силу своего географического положения на стыке ареалов трех великих цивилизаций, так и по причине ряда катаклизмов, через которые прошел Казахстан в XX столетии, можно сказать, что казахский этнос (а вместе с ним и гражданское сообщество нашей страны в целом) все еще находится на стадии *выбора своей цивилизационной ориентации*.

Оставшийся в наследство от советской эпохи и до сих пор не преодоленный до конца кризис казахской идентичности делает возможными дискуссии на тему, является ли Казахстан вообще мусульманской страной, тогда как низкий уровень религиозной безграмотности (в т.ч. части

экспертов) приводит к неспособности разделить такие принципиально разные понятия, как «*мусульманская страна*» (историко-культурная категория) и «*исламское государство*» (политическая категория), что, в свою очередь, придает упомянутой выше дискуссии совершенно неуместную степень накала и остроты.

Порой приходится слышать высказывания вроде «Казахстан — не мусульманская, а светская страна!»¹. Для придания «исторической легитимности» антиисламским настроениям порой делаются ссылки на Чокана Валиханова, которого можно по праву считать «духовным предтечей» соответствующего течения мысли среди части казахской интеллигенции². На сегодняшний день такого рода высказывания нередко делаются людьми, принадлежащими к интеллектуальной элите. К слову сказать, по мнению некоторых зарубежных специалистов, наблюдающийся сегодня процесс *люмпенизации народного ислама* в ряде мусульманских стран (с хорошо известными последствиями) является именно результатом *оторванности светских элит* соответствующих стран от ислама не только как от религии в ее мировоззренческом аспекте, но и от его культурного наследия — будь ситуация иной хотя бы в *культурологическом* плане, многих негативных последствий можно было бы избежать [1].

Учитывая, что цивилизационная принадлежность любой нации составляет ее ментальный стержень и фундамент самосознания, можно со всеми основаниями опасаться, что *несформированность национальной идентичности*, означающая ослабленный *духовно-ментальный иммунитет*, может при развитии неблагоприятных сценариев иметь крайне негативные последствия — вплоть до *потери государственности*.

На этом фоне в казахстанском информационном пространстве нередко муссируется идеологема «казахи никогда не были истинными мусульманами»³. В дополнение к этому периодически имеют место

¹ В действительности «исламским государством» называется государство, конституция которого основана на законах шариата, тогда как «мусульманской страной», согласно критериям ОИС, признается государство, которое:

- либо управляется по законам шариата (т.е. является исламским государством);
- либо большинство его населения составляют мусульмане;
- либо его правитель (президент либо премьер-министр) является мусульманином.

Два из трех перечисленных критериев присущи Казахстану, притом что и одного из них достаточно, чтобы считаться мусульманской страной.

Вообще, в общепринятом научном дискурсе понятие «мусульманская страна» подразумевает определенные *историко-культурные и демографические реалии*, но совсем не обязательно политический строй. Иначе говоря, Казахстан является вполне мусульманской *страной* в том самом смысле, в котором Польша является католической страной, Япония — буддийской и т.п., оставаясь при этом светскими *государствами*.

² «...Я не верю в бога и с Магометом состою в личной вражде» [2]. Наиболее ярко его антиисламские взгляды были изложены в записке «О мусульманстве в степи» [3].

³ Хотя казахские кочевники и в самом деле отличались в прошлом меньшим уровнем религиозности по сравнению с оседлыми соседями и в казахской культуре и по сей день сильны пережитки доисламских верований и традиций, тем не менее, с точки зрения *конструирования современной политической нации*, особенно в аспекте создания национальной истории, принципиально важно четко разграничить этническую историю казахского народа и его политическую историю. В контексте последней, прежде всего, самоочевидным является тот факт, что никакое связанное повествование об истории Казахстана немислимо

глубоко деструктивные по самой своей сути попытки *противопоставить друг другу ислам и этнонационализм*, например вбросы неоязыческих идей («тенгрианство», «номадизм» и т.п.). В качестве следующего логического шага⁴ поднимается вопрос, почему бы казахам не перейти дружно в протестантизм, как Южная Корея («Братья по крови, не то что европеоидные турки и арабы!»).

С другой стороны, деятельность ряда экстремистских группировок, выступающих от имени ислама и, наконец, террористические акты, происшедшие за последние два года, также закономерно вызвали у определенной части общества настороженное отношение ко всему, что касается ислама.

Тем не менее все сказанное выше остается актуальным, и соответствующий круг проблем требует тем более внимательного и вдумчивого подхода.

без истории Казахского ханства: именно оно является первым государством собственно казахов и в этом смысле слова предтечей современной казахстанской государственности.

Столицей Казахского ханства в XVII—XVIII вв. был, как известно, г. Туркестан (в прошлом Яссы), где расположен мавзолей известного духовного подвижника Кожы Ахмета Яссауи, в котором были похоронены многие выдающиеся исторические деятели из всех трех жузов, а также большинство казахских ханов. Таким образом, мавзолей К.А. Яссауи является как *религиозным символом*, так и нагляднейшим материальным доказательством того фундаментального факта, что все казахские роды издавна обладали общим *политическим самосознанием* – что само по себе есть наиважнейший постулат, значимость которого для казах(стан)ской национальной историографии трудно переоценить. Наличие такого внушительного доказательства, как туркестанский «пантеон», делает принципиально невозможными любые маломальски серьезные попытки ревизии данного положения (попытки некоторых деструктивных сил доказать «несостоятельность» казахской государственности, якобы отсутствия у нее исторических корней, имели место с 1991 г. и порой предпринимаются и по сей день).

Даже один только этот факт дает основания сказать, что любая попытка каким-либо образом «изъять» мусульманскую составляющую из современного казахского исторического самосознания чревата опасностью *разрушить его фундамент*. Вопрос же о том, *насколько реально были* (или наоборот, не были) исламизированы казахские кочевники в период Казахского ханства, оказывается гораздо менее существенным, чем кажется на первый взгляд. С точки зрения *конструирования национальной идентичности* важным оказывается совсем другое.

Помимо этого, можно сказать, что в основу формирования казахского политического союза племен и родов в XV в. была заложена именно *мусульманская идентичность*. Так, например, некоторые родоплеменные группы (такие как *найман*, *кыпшак*), вошедшие в состав Казахского ханства, представлены также среди соседних с Казахстаном *немусульманских тюркских этносов*, например в Горном Алтае (РФ). Однако в состав казахского племенного союза вошли исключительно и только *исламизированные родоплеменные группы*.

Наконец, самый поверхностный экскурс в казахский язык (именно язык представляет собой живую «летопись» любой культуры) красноречиво показывает принадлежность казахской культуры именно к *мусульманскому цивилизационному ареалу*. Достаточно сказать, что практически вся «культурная» лексика в казахском языке имеет арабское происхождение или арабский корень, как то, например: *мемлекет* — «государство», *меденет* — «культура», *ғылым* — «наука», *қала* — «город», *кітап* — «книга», *ақыл* — «ум», *рух* — «дух», *пікір* — «точка зрения», *дін* — «религия», *имандылық* — «нравственность», *намыс* — «честь», *ождан* — «совесть», *Отан* — «Родина»... (полный список займет много страниц).

⁴ Поскольку неоязычество является лишь лозунгом, лишенным конкретного идейного содержания (по сути, единственным его содержанием является негативное отношение к исламу), вне зависимости от субъективных намерений «тенгрианцев» и/или «номадистов», вполне *логичным продолжением* оказывается именно идея *перехода в другую крупную религию*, например в христианство, которому сторонники неоязычества фактически расчищают путь, несмотря на псевдонационалистическую риторику.

Нередко сторонники перехода казахов в протестантизм сами бывают атеистами или людьми без определенных религиозных убеждений. Рассуждают они фактически по принципу, «что угодно, лишь бы не ислам». В случае же конкретно с протестантизмом, то здесь имеет место также стремление приблизиться к Западу в надежде на различного рода дивиденды в будущем. В качестве еще одного «плюса» протестантизма (весьма симптоматично) преподносится то, что он «мало влияет на бытовую сферу».

Ислам и общество: деликатные вопросы

Говоря о роли ислама в Казахстане, невозможно обойти ряд деликатных вопросов, беспокоящих общество, особенно светски ориентированную его часть.

Как известно, наиболее общим местом у религиозных радикалов, выступающих от имени ислама, является их убежденность в необходимости *изменения общественного и государственного устройства* Казахстана в соответствии с их представлениями о шариате.

В связи с этим порой можно слышать мнение, что так называемый исламский радикализм — это вовсе не «радикализм», не отклонение от нормы, а просто сам ислам изначально и, по сути, враждебен светскости. Мы считаем, что по данному вопросу невозможно стыдливо отмалчиваться до бесконечности и потому необходимо некоторые вещи проговорить четко вслух.

Да, с одной стороны, ислам на самом деле является религией, которая, помимо общих для большинства религий представлений о Боге-Творце, человеческой бессмертной душе и базовых нравственных принципах, также имеет *свою позицию практически по всем вопросам* жизни человека и общества — от канонов искусства до юриспруденции, от правил поведения за столом до вопроса об идеальной экономической модели. Именно в этом смысле ислам порой называют всеобъемлющей религией. В переводе на более сухой академический язык это означает, что ислам как система убеждений и практик *потенциально* действительно способен занять собою все социальное пространство в отличие, например, от того же протестантизма или дзэн-буддизма.

Со своей стороны, *светское государство* хотя и не является синонимом государства атеистического, тем не менее оно объективно нуждается в том, чтобы оставалось определенное *социальное пространство*, «свободное» от религии. Сама история возникновения первых светских государств в Западной Европе наглядно показывает наличие взаимосвязи между этими двумя вещами.

Таким образом, возникает как бы «непреодолимое противоречие», на котором играют религиозные экстремисты, путем ряда смысловых подмен и манипуляций толкающие своих адептов на преступные деяния, вплоть до терактов.

Этот же самый вопрос будоражит радикальных сторонников секуляризации, которые, даже не осознавая своего собственного радикализма, при этом нагнетают нездоровую обстановку вокруг ислама в стране, подозревая всех практикующих мусульман в недостаточной благонадежности.

Однако если исходить не из доктрин, абстрактно взятых в их целостности каждая, а из *реалий конкретного общества* (казахстанского) на конкретном историческом этапе его развития (XXI в., построение национального государства), то ситуация окажется намного менее трагичной.

В условиях реалий Казахстана ислам и светскость «фатально несовместимы» лишь тогда, когда:

- либо исламские положения толкуются превратно или как минимум *односторонним* образом (подробнее см. ниже);
- либо саму светскость начинают (сознательно или бессознательно) возводить в роль своего рода квазирелигии, самодовлеющей догматичной идеологии, забывая о том, что в мире существует множество моделей светскости, различий между которыми порой больше, чем сходства, именно потому, что они отражают реалии разных обществ, непохожих друг на друга, и их *прагматические* потребности в каждом конкретном случае⁵.

Такого рода недоразумения приводят к нагнетанию напряженности в обществе, а именно между его светским и исламским секторами, причем граница эта проходит *внутри государствообразующего казахского этноса*, что особо опасно в долгосрочной перспективе.

Излишним будет говорить о том, что ученому-исследователю в подобной ситуации все труднее становится сохранить нейтральность, так как любая высказанная точка зрения по такого рода проблематике может легко быть интерпретирована как выпад в пользу одной из сторон против другой. Это, в свою очередь, сильно затрудняет научное, опирающееся на современную методологию исследование ислама — как его социологического аспекта, так и богословско-философского [4].

Следует особо подчеркнуть, что гармония светско-исламских отношений в Казахстане может быть нарушена как в результате провокаций со стороны религиозных радикалов, так и в результате непродуманных действий со стороны отдельных представителей госорганов.

Однако вернемся к деликатным вопросам. Высказываемые порой опасения, что естественный рост мусульманской религиозности в Казахстане впоследствии может привести к «тотальной исламизации» общества, вплоть до смены государственного строя⁶, представляются сильно преувеличенными.

⁵ При этом существует ряд вопросов сугубо теоретического характера (таких, например, как исторический генезис и точное определение современных *границ* самого понятия «светскость» [4], его *модификации* в различных культурологических контекстах, различия (как реальные, так и мнимые) между светской и исламской концепцией государства и т.п.), требующих серьезной научной разработки.

⁶ Из чего логически делается вывод, не всегда произносимый вслух, но вполне конкретный, что росту религиозности необходимо, «пока не поздно», поставить «надежный заслон» в виде запретов и ограничений, максимально осложняющих жизнь практикующим мусульманам, тем самым превращая их в маргинальную социальную группу (подробнее см. ниже).

С одной стороны, в казахстанском обществе с его крайне низким стартовым уровнем религиозности (об исторических причинах которого — отдельный большой разговор) того самого социального пространства, свободного от присутствия религии, на порядок больше, чем объективно требуется для поддержания «необходимого минимума» светскости. Иначе говоря, религиозности казахского и казахстанского общества «еще есть куда» расти и расти, не сталкиваясь со светскими устоями государства.

Кроме того, нам представляется, что стихийный (именно стихийный) рост религиозности общества, скорее всего, имеет некий «естественный потолок». Особенно это касается постсоветского казахстанского общества с его изначально низким уровнем религиозности.

Возможно, это прозвучит несколько цинично, но факт остается фактом. Религия, при углубленном следовании ей, требует отказа от целого ряда вещей, от которых многие люди (если не сказать прямо: большинство) никогда не откажутся добровольно, без принуждения. В таких странах, как Иран или Саудовская Аравия, с их теократическим строем, функцию принуждения берет на себя само государство.

Поскольку казахстанское государство, очевидно (!), само не станет вводить религиозные запреты и принудительно насаждать исламский образ жизни «сверху», сценарий стихийной всеобщей исламизации «снизу» представляется практически нереальным. Как бы ни усилились позиции религии (относительно того, что есть сейчас), в любом случае для приверженцев светского образа жизни всегда останется вполне достаточно социального пространства.

Даже в такой стране, как Египет (около 80% населения совершает пятикратный намаз), позиции противников теократии оказались намного сильнее, чем первоначально казалось. Что же касается Казахстана, то, как говорится, без комментариев...

С другой стороны, укрепления позиций традиционной конфессии большинства населения⁷ требуют и объективные нужды национального

⁷ В контексте мусульманской идентичности Казахстана одним из наиболее сложных является вопрос о полной интеграции русского (и в целом европейского) населения в единую гражданскую нацию. Однако, с другой стороны, возможно, следует отказаться от догмы о необходимости и самой возможности всеобщей и равномерной интеграции.

Можно предположить, что русские в Казахстане после всех ожидаемых изменений этнодемографического баланса займут в итоге социальную нишу, аналогичную той, которую занимают сегодня, например, стамбульские греки, армяне и евреи. Это немногочисленные, но экономически процветающие этнические группы, чрезвычайно влиятельные в экономике г. Стамбула, где проживает около четверти всего населения Турции. Они в совершенстве владеют государственным турецким языком, однако сохраняют свою обособленную идентичность, стержнем которой является их конфессиональное самосознание.

При этом они прекрасно чувствуют себя в Турции и не собираются «репатриироваться» на историческую родину, хотя в полной мере частью турецкой нации они так и не стали — и, что принципиально важно, сами не стремятся к этому. В настоящее время они представляют собой социокультурный анклав, бесппроблемно сосуществующий с окружающим большинством.

Казахстанских русских и других этнических европейцев с немусульманскими меньшинствами Турции типологически сближает, помимо всего, и то, что уровень их урбанизации, равно как и процентная доля успешных представителей среднего класса среди них в среднем выше, чем среди основной части населения.

строительства, и укрепления духовных основ независимости. Помимо уже сказанного выше, учитывая цивилизационное и геополитическое окружение Казахстана, без большого преувеличения можно сказать, что его мусульманская идентичность (еще раз: не путать с «исламизацией» государства!) является некоторым образом гарантией суверенитета страны.

Именно имидж мусульманской страны может быть надежным сдерживающим фактором для могучих соседей Казахстана в тех самых случаях, когда энтузиазм некоторых политиков по поводу интеграции с нами зашкаливает далеко за рамки здорового экономического прагматизма⁸.

Безусловно, надо отдавать себе отчет в том, что поддержание имиджа мусульманской страны на практике будет означать определенное усиление позиций ислама в обществе, и на этот счет существуют определенные опасения у некоторой его части, однако по этому поводу уже подробно говорилось выше. С другой стороны, противники любого усиления ислама должны принять это для себя как «меньшее из зол», как своего рода плату за гарантию национального суверенитета.

При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет не о призыве искусственно «усиливать» позиции ислама, а опять же, об объективном процессе, который и так идет в обществе. Его не следует как тормозить, так и искусственно ускорять. Его нужно просто перестать бояться. Бояться сейчас надо не призрака «исламизации», а угрозы утраты независимости страны в ближайшие годы — если не де-юре, то де-факто. Текущая геополитическая и геоэкономическая ситуация к этому вполне располагает.

Следует также отдельно отметить тот факт, что, по данным относительно недавних социологических замеров, в Южном регионе (где уровень религиозности населения наиболее высок) наблюдается самый низкий по стране уровень напряженности в конфессиональной сфере [5]. Напротив, на западе Казахстана (где показатель общего уровня религиозности — один из самых низких по Казахстану) напряженность в той же сфере наиболее высокая. Иначе говоря, можно сделать вывод, что высокий уровень религиозности населения как таковой на практике не приводит к прямо пропорциональному росту радикализма; последний усиливается как раз там, где религиозные традиции в целом слабы.

Следует подчеркнуть, что речь идет не об искусственной «анклавизации», а лишь о процессе, который и так объективно имеет место (в частности, процесс консолидации этнических русских вокруг Православной церкви в Казахстане) и которому просто не надо мешать ввиду его естественного характера.

⁸ Ввиду безнадежного неравенства весовых категорий, практически единственным для Казахстана способом надежно защитить себя от чрезмерного интеграционного энтузиазма соседей остается «сделать так, чтобы им самим расхотелось» или, иначе говоря, «стать невкусными» для них. Именно цивилизационный фактор может сыграть здесь решающую роль.

Принимая в расчет все сказанное выше, необходимо также четко понимать более общую, стратегическую цель государственной политики на данном направлении. С учетом сложности ситуации в мире в целом и геополитического положения Казахстана в частности, мы считаем, что здесь необходим прагматический, не идеологизированный чрезмерно подход, учитывающий:

- реально существующие вызовы и угрозы;
- настроения различных секторов общества;
- объективные нужды национального строительства.

Так что же делать?.. Выводы и практические предложения

Учитывая, с одной стороны, все высказанные выше соображения касательно конструктивной роли ислама, а с другой стороны, при всем при этом абсолютно реальную угрозу религиозного экстремизма, манипулируемого зарубежными «друзьями» нашей страны, представляется возможным сформулировать нижеследующие выводы и практические предложения.

Первое. Неотложной необходимостью является выработка и артикулирование четкой позиции ислама и государства по отношению друг к другу — некой идейной основы для долгосрочного «социального договора» между ними, более конкретной, чем общие слова о толерантности.

По ряду деликатных вопросов должна быть выработана четкая позиция *Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК)* — и одновременно (в целом та же) позиция для идейного вооружения тех специалистов, кто занимается профилактикой религиозного экстремизма и противодействием ему, в том числе и работой по переубеждению радикалов⁹.

Исходя из предлагаемого прагматического подхода, непосредственной целью работы с конкретным радикально настроенным индивидом или группой является устранение прямой опасности для общества, отказ радикальных верующих от антиобщественных действий и конкретно от тех убеждений, которые непосредственно толкают на таковые

⁹ В последнем случае аудитория также делится на тех, кто уже «заразился» идеологическим вирусом экстремизма, но еще не перешел черту, не совершил преступление, и тех, кто уже отбывает наказание в местах лишения свободы. Работа с теми и с другими также имеет свою специфику.

Следует отдельно отметить тот факт, что ДУМК далеко не все может озвучивать публично — достаточно вспомнить неадекватную реакцию многих комментаторов в интернете, когда летом 2011 г. верховный муфтий А. Дербисали обратился к предпринимателям с просьбой не повышать цены на продукты во время оразы. Совершенно невинное пожелание главы муфтията было встречено эмоциональными комментариями, вроде «Кто дал ему право лезть в политику?! У нас светское государство!» и т.п. Учитывая обстановку в обществе, имамы ДУМК вынуждены быть гиперосторожными. В их положении всегда лучше недоговорить, чем сказать лишнее. На этом, увы, нередко спекулируют радикалы, обвиняя ДУМК в «утаивании правды» от верующих. Однако необходима продуманная, в том числе шариатски обоснованная конструктивная позиция для донесения ее до сознания радикально настроенной части верующих (к счастью, пока очень небольшой, но расслабляться, тем не менее, смерти подобно).

действия. На практике это означает, прежде всего, необходимость говорить с религиозными радикалами на «их языке», оперируя их кругом понятий и, исходя из этих самых понятий, подводить их к естественному выводу о своей неправоте.

Прежде всего, должно быть четкое понимание конечной цели работы с аудиторией — чего именно мы хотим добиться от конкретного человека или группы людей? От каких именно неправильных убеждений они должны отказаться, чтобы остальная часть общества могла спать спокойно? Должны ли представители государства пытаться внушать верующим мусульманам идею, что светская Конституция — «лучше» Корана и Сунны? Или просто у радикальной части верующих «что-то не так» с их собственным пониманием шариата — что в итоге и приводит к антиобщественным проявлениям? И что именно не так?

Что касается казахстанских сторонников радикальных перемен под знаменем ислама, то их представления о шариатских нормативах нередко бывают упрощены и в итоге искажены. Так, прежде всего, у них отсутствует целостное, системное знание шариата, в частности осознание его иерархичной структуры, то есть различия разных блоков его предписаний по степени их актуальности в зависимости от конкретных условий¹⁰. Кроме того, ими совершенно не учитываются реалии современного мира в целом и Казахстана в частности, что объясняется, помимо всего прочего, отсутствием качественного светского образования у многих из них¹¹.

В действительности вполне возможно, не отступая от базовых принципов исламской религии, тем не менее успешно и аргументированно доносить до верующих ту простую мысль, что ислам изначально был ниспослан, прежде всего, как духовное и нравственное руководство для каждого человека в отдельности, как индивидуальный путь к спасению в Вечности и лишь во вторую очередь — как социальная, экономическая и другая модель для общества в целом.

¹⁰ Особенно это касается уголовного блока шариата относительно наказаний (худуд). Даже в шариатских государствах сегодня эти предписания выполняются не всегда в том виде, как настаивают доморощенные радикалы в странах СНГ.

¹¹ Более того, на сегодняшний день в мире в целом имеется крайне мало специалистов, владеющих знанием и методологическим аппаратом светской социологии, юриспруденции, современных экономических концепций, с одной стороны, и одновременно также исламской юриспруденции, экономики и концепции общественных отношений — с другой.

Потребность в таких специалистах и в проведении соответствующих исследований тем более актуальна, что многообразие прецедентов, зафиксированных в Сунне пророка Мухаммада, требует глубоких знаний во всех перечисленных сферах для адекватной оценки степени соответствия многих из этих прецедентов тем или иным современным реалиям, не имевшим прямых аналогов во времена раннего ислама.

Однако в большей части мусульманского мира на сегодняшний день по различным причинам отсутствуют условия не только для реализации подобных проектов, но даже для четкого артикулирования их актуальности. А недостаток таких квалифицированных оценок, в свою очередь, создает благодатную почву для распространения экстремистских идей, основанных порой на дилетантских интерпретациях.

У казахстанского экспертного сообщества есть шанс стать пионером в этом крайне важном деле.

Более того, блок шариатских предписаний, адресованных обществу в целом, будучи изначально (в структуре самой религии ислама) не то чтобы «на втором месте» по значимости, но второстепенным по отношению к духовному развитию человека, в условиях казахстанского общества как бы отодвигается по своей практической актуальности еще ниже по иерархической лестнице.

Отсюда естественным образом вытекает, что занятие политической деятельностью в лучшем случае отвлекает верующего мусульманина в Казахстане от главной цели, а экстремизм однозначно уводит от нее в противоположную сторону.

Анализируя истоки псевдорелигиозного экстремизма и донося четкий антиэкстремистский месседж до верующих, исходить надо из той фундаментальной истины, что ислам по сути своей — религия добра. Следовательно, если деятельность той или иной исламской группы становится разрушительной, вредной для общества, то это практически всегда является симптомом того, что данной группе присущи какие-то заблуждения именно в религиозном плане — в *ақиде* (вероубеждении) либо в *манхадже* (методологии донесения призыва). Соответственно, опираясь на методику теологии, можно выявлять такие ошибки и доходчиво разъяснять их верующим на языке религии.

К примеру, у такфиры-«джихадистов» имеют место грубейшие нарушения шариатских правил вынесения *такфира* (обвинение в неверии) и объявления вооруженного *джихада* (начиная с неправильного определения его объекта). Партии «Хизб-ут-тахрир», помимо увлечения совершенно не исламскими по происхождению политическими концептами, свойственны также причудливые особенности в вероубеждении, в том числе, например, по вопросу о *тақдире* (предопределении), относящемуся, между прочим, к самым основам мусульманской веры — к ее шести столпам. Салафиты мадхалитского направления злоупотребляют понятием *бидъат* (недозволенное новшество в религии), под которое у них несправедливо попадают многие традиции казахского народа, по сути не противоречащие исламу. Можно привести и другие примеры. Такого рода «слабые места» (еще раз подчеркнем, с чисто теологической точки зрения) имеются практически у всех деструктивных течений в современном исламском мире. Именно по этим местам необходимо наносить идеологические удары, последовательно выступая при этом с позиций истинных исламских ценностей.

Наконец, следует особо отметить, что озвученный выше тезис о роли ислама как духовного стержня национального суверенитета имеет и «обратное действие». На сознание радикально настроенных молодых мусульман серьезное воздействие оказывает простая идея, что сохранить казахское государство, пусть даже самое светское, — это в любом случае намного лучше для развития ислама в Казахстане, чем попасть в состав одной из соседних немусульманских держав.

Именно «национал-патриотический» довод может быть успешно использован для работы с идейно колеблющейся мусульманской молодежью¹². Следует учитывать, что во многих случаях дело приходится иметь с людьми совсем молодыми, не имеющими жизненного опыта, но зато с очень чувствительной эмоциональной сферой. Это обстоятельство при умелом подходе многократно облегчает работу с ними.

Второе. Разумеется, работа не должна ограничиваться профилактикой экстремизма. Необходимо, основываясь на исламской социальной доктрине¹³, активно внедрять идеологемы: «*Мусульманин — значит, государственный!*», «*Соблюдающий муслим — гражданин со знаком качества*» и т.п.

Отдельно следует подчеркнуть, что постулаты «казах — мусульманин в своей основе» и «Казахстан — мусульманская страна» (активно используются целым рядом специалистов, занятых в сфере реабилитации лиц, подвергшихся влиянию экстремистской идеологии, а также отбывающих наказание за экстремистскую деятельность) принципиально важны не только для конструирования национальной идентичности, но также (и даже в первую очередь) именно в контексте противодействия религиозному экстремизму.

Напротив, упомянутые выше контридеологемы «казахи — не истинные мусульмане» и «Казахстан — не мусульманская страна» пропагандируются не только в среде секуляристски настроенной либеральной интеллигенции. Те же самые (!) установки составляют стержень идеологии такфиризма — наиболее опасного из радикальных течений, представленных на сегодняшний день в Казахстане. Именно опираясь на тезис о том, что подавляющее большинство окружающих — якобы не мусульмане, сторонники этой экстремистской идеологии с легкостью объявляют «джихад» как против власти, так и против рядовых сограждан¹⁴.

Третье. Основываясь на этом, а также на принципиально важной роли ислама как компонента национальной и исторической идентичности казахского народа, следует постепенно прийти к следующей модели взаимоотношений между казахстанским светским государством и исламским сообществом:

¹² Более того, автору достоверно известен прецедент, когда пятеро молодых такфиристов в г. Актобе под руководством опытного теолога посетили фильм «Жаужүрек мың бала»; после сеанса трое из пятерых отказались от радикальных взглядов, а оставшиеся двое — задумались.

¹³ Речь идет, в частности, о концепции повиновения правителю, которая, вопреки широко распространенному заблуждению, распространяется и на мусульманских правителей в странах со светским государственным устройством. Не менее важно то место, которое ислам уделяет социально-политической стабильности, антонимом которой является понятие «фитна» (смута).

Помимо этого (и прежде всего), актуальна нравственная сторона шариата, который ошибочно воспринимают как просто «свод законов» — такие его аспекты, как стремление к справедливости, высокий уровень социальной ответственности, поиск равновесия и «золотой середины» во всех вопросах жизни.

¹⁴ Мусульмане против мусульман не могут вести вооруженный джихад по определению. Если признается базовая идея, что Казахстан — хотя и светское государство, но при этом все же мусульманская страна с правителем-мусульманином, в этом случае непреложным становится не только повиновение правителю и неприкосновенность жизни и имущества окружающих мусульман, но и признание прав немусульман, живущих в Казахстане по единому общественному договору с мусульманами.

– со стороны *практикующих мусульман* — полная лояльность национальному государству и принципиальный отказ от вмешательства в политику;

– со стороны *государства* — подчеркнутое уважение к верующим и полная свобода индивидуальной религиозной практики¹⁵, включая ее внешние атрибуты.

Следует подчеркнуть, что казахстанское государство и казахстанский ислам объективно *нуждаются друг в друге*: как государство нуждается в опоре на духовную традицию общества, так и любая организованная религия объективно нуждается в институте государства.

Не по этой ли причине деструктивные силы всех видов и мастей делают сейчас все возможное, чтобы противопоставить друг другу ислам и государство в Казахстане? Вопрос риторический.

Нашей целью сегодня должны быть стабильность и мир в обществе, устойчивое развитие нации и государства в обозримой перспективе.

Возвращаясь к вопросу о потенциальных угрозах государственности Казахстана, в контексте религиозной ситуации их может быть две:

– либо *дестабилизация* при внешнем участии, которая, как показывает недавний зарубежный опыт, может начаться с отдельных регионов, причем при активном участии конкретных экстремистских групп на местах (не способных поменять политический строй в стране, но вполне способных взорвать обстановку в отдельно взятом городе или области);

– либо более абстрактная и неосозаемая, но от этого не менее реальная причина — все та же *неполная сформированность идентичности* нации, в том числе и в ее конфессиональном аспекте (см. выше).

Иначе говоря, как крайности в религии, проявляемые некоторыми заблудшими представителями отечественной уммы, так и чрезмерное ослабление исламского самосознания народа одинаково чреваты фатальными последствиями для страны.

Четвертое. Из сказанного в предыдущем пункте на практике вытекает два простых, но принципиально важных вывода:

– с одной стороны, проблема религиозного экстремизма — абсолютно *реальна и стратегически актуальна* в государственном масштабе, несмотря на ее относительную локализованность в ряде конкретных регионов;

¹⁵ Слово «индивидуальной» мы выделяем намеренно, чтобы тем самым подчеркнуть следующий важный момент.

Трудный на первый взгляд вопрос о том, где пролегал та граница, до которой казахстанское светское государство может идти навстречу верующим (например: «Если сегодня разрешить хиджабы в школах, не потребуют ли они завтра раздельного обучения для мальчиков и девочек или еще чего-нибудь?» и т.п.), на самом деле имеет простой и четкий ответ: эта граница пролегает там, где кончаются индивидуальные права граждан и начинаются права и интересы других граждан. Например, право носить хиджаб является индивидуальным, это личное дело каждой мусульманки. Напротив, требование раздельного обучения с неизбежностью затронуло бы всех граждан, и именно поэтому оно не должно выдвигаться.

– с другой стороны, политика государства в отношении *экстремизма* и политика в отношении *ислама* в целом должны быть четко *разграничены*.

В стратегической перспективе источником угрозы является не религия как таковая, а конкретные экстремистские группы на местах, обезвреживание которых является первой необходимостью. Последнее должно осуществляться путем как оперативной работы со стороны компетентных государственных органов, так и идеологической борьбы с экстремистской идеологией.

И в этой борьбе чрезвычайно плодотворной может быть опора на *конструктивный потенциал традиционной религии* — иначе говоря, религиозному экстремизму как религиозной идеологии должна быть противопоставлена другая религиозная идеология (разумеется, в сочетании с целым комплексом иных мер, в первую очередь в социальной сфере).

Именно в тандеме с институтами традиционной религии государство может эффективно блокировать распространение религиозного экстремизма (противопоставляя ему *конструктивную религиозную идеологию*), а также попутно решить целый ряд других актуальных задач — таких как укрепление нравственных ценностей в обществе, сохранение историко-культурной преемственности, поддержание стабильных и взаимовыгодных связей с исламским миром и т.п. В этой связи необходимо принятие комплексных мер по поддержке традиционной конфессии большинства населения¹⁶.

¹⁶ По нашему мнению, в будущем может быть рассмотрен в том числе и вопрос о *государственном финансировании* ДУМК. Опираясь при этом следует на опыт таких европейских стран, как Германия, где давно уже практикуется государственное финансирование традиционных конфессий (в случае с Германией — лютеранство и католичество).

Действующий Закон РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», в отличие от старого Закона РК «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», позволяет это делать. Прежняя формулировка «никакая религия или религиозные объединения не пользуются никакими преимуществами по отношению к другим» (Глава I, ст. 4) в действующем законе изменена на гораздо более широкую формулировку «никакая религия не может устанавливаться в качестве *государственной* или *обязательной*» (п. 3 ст. 3).

Формулировка прежнего закона «государство не финансирует религиозные объединения» (см. там же), в действующем законе изъята; соответственно, действует юридический принцип «что не запрещено, то разрешено».

Наконец, предложенное выше ни в коей мере не противоречит п. 2 ст. 3 действующего закона («Религиозные объединения <...> равны перед законом»). Равенство перед законом означает единство базовых правил, но не буквальное равенство. Для сравнения: ветераны ВОВ имеют некоторые права, которыми не пользуются другие граждане, однако это (очевидно!) не противоречит принципу всеобщего равенства перед законом.

Государственное финансирование муфтията необходимо, поскольку вопрос о *материальном обеспечении имамов* в любом случае останется на повестке дня. Превращение пожертвований от верующих (например, за проведение жаназа, чтение Корана и т.п.) в основной источник доходов, с одной стороны, не может решить *материальные проблемы сельских имамов* (на которых ложится немалая нагрузка в общем деле противодействия религиозному экстремизму), а с другой стороны, порой негативно сказывается на моральном облике представителей ДУМК. Последнее, очевидно, только на руку оппонентам государства, заинтересованным в дискредитации «официального» муфтията.

Если же предложить переход ДУМК на полное *самофинансирование*, что означает его превращение в могущественную, *полностью самостоятельную структуру*, в этом случае встает вопрос о готовности самих госорганов к работе в таком формате. Именно поэтому государственное финансирование представляется оптимальным решением вопроса.

Прежде всего, речь идет о гармоничном сочетании трех векторов развития:

- повышение религиозной грамотности населения и духовенства на качественном уровне;
- сохранение и укрепление образовательного и интеллектуального потенциала, унаследованного Казахстаном от советского периода;
- укрепление национального самосознания, этнонациональной идентичности, прежде всего, государствообразующего казахского этноса.

Сочетание глубоких познаний в религии с качественным светским образованием и высоким интеллектуальным развитием граждан, а также с глубокой погруженностью в родную культуру и знание истории своей страны в средне- и долгосрочной перспективе должны сделать невозможным сколько-нибудь масштабное рекрутирование верующей мусульманской молодежи в ряды экстремистских организаций, основывающих базовые постулаты своей идеологии на дилетантских или как минимум односторонних трактовках положений религии, без учета реалий конкретного времени и общества.

Что же касается оптимальной для Казахстана модели светскости, то это *не сепарационная модель* (ориентированная на сдерживание развития религии, ее максимально возможное вытеснение не только из госсектора, но и из публичной сферы), а *кооперационная* — четко разграничивающая функции государственных органов и религиозных объединений, но при этом не отделяющая религию от общества и оставляющая возможность для конструктивного сотрудничества государства с религией, в том числе в противостоянии религиозному экстремизму.

В частности, в Послании Президента Казахстана Н.А. Назарбаева «Стратегия «Казахстан-2050» — новый политический курс состоявшегося государства» сказано: «Поручаю Правительству совместно с моей Администрацией разработать государственную программу по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. В то же время я хочу предостеречь нацию. *Борьба с экстремизмом не должна превращаться в охоту на ведьм и перерастать в борьбу с религией*» (Стратегия «Казахстан-2050» — новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстана Н.А. Назарбаева. 2012. URL: www.akorda.kz).

Пятое. Прочитированные в предыдущем пункте слова Главы государства прозвучали как нельзя своевременно: одним из наиболее акту-

---

Наличие соответствующего европейского опыта автоматически снимает возражения, согласно которым государственное финансирование одной из конфессий якобы «противоречит принципу светскости государства» (на чрезвычайно успешный опыт Турции мы здесь нарочито не ссылаемся).

Что касается государственного финансирования второй крупнейшей конфессии Казахстана (православное христианство), в этом нет объективной необходимости, поскольку Православная церковь в Казахстане (ПЦК) является дочерней структурой Московского патриархата, от которого и получает полное обеспечение, включая ежемесячную зарплату священников.

альных на сегодняшний день вопросов является предотвращение *социального отчуждения* практикующих верующих, их маргинализации и геттоизации. Именно *социально отчужденные группы* («социальные гетто») представляют собой наиболее благоприятную среду для распространения экстремистских и деструктивных идей. К такому отчуждению приводят три основных фактора:

- изначальная *отчужденность социальных маргиналов* (составляющих значительную часть потенциальных рекрутов для религиозно-экстремистских организаций);
- целенаправленная *идеологическая обработка* молодых верующих со стороны идеологов экстремизма, внедряющих в сознание верующих неадекватные трактовки положений религии (прежде всего, правовых ее аспектов);
- проявления «светского радикализма» (например, фактическая *дискриминация практикующих верующих* при трудоустройстве и т.п.) со стороны *отдельных* представителей госорганов, руководителей учреждений¹⁷.

Можно возразить, что активно практикующие мусульмане, аккурратно совершающие пятикратный намаз, по различным подсчетам, составляют максимум 1,5—2% от общей численности отечественной уммы. Однако эта цифра амбивалентна:

- с одной стороны, такой доли активно практикующих верующих, очевидно, *мало, чтобы заметно изменить общество* в целом в обозримой перспективе, иначе говоря, видеть в них «угрозу светскости» было бы явной ошибкой;
- с другой стороны, радикализация упомянутых 1,5—2% (которую можно предотвратить, прежде всего, путем элементарного избегания наиболее грубых ошибок со стороны представителей госорганов) может создать серьезные проблемы в масштабах государства.

Иначе говоря, попытка загнать их, «пока еще не поздно», в некое социальное гетто, чтобы таким образом остановить дальнейший рост религиозности населения, была бы непростительной стратегической ошибкой, в том числе именно потому, что радикализация даже тех активных верующих, что уже есть, вполне достаточна для весьма опасных последствий для казахстанского общества.

Отсюда вытекает, что, даже с точки зрения последовательного секуляриста (но не доктринера, а трезвого прагматика, последовательного

¹⁷ Вообще, следует четко понимать, что «роль религии в обществе» является абстракцией, на практике неотделимой от реальных, живых верующих.

Масштабное вытеснение религии из публичной сферы в реальности достижимо только путем принятия целого комплекса дискриминационных мер по отношению к практикующим верующим (если не де-юре, то де-факто). Здесь необходимо отбросить иллюзии и называть вещи своими именами.

В то же время очевидно, что любая системная дискриминация приведет к усилению напряженности в обществе, к радикализации умеренных верующих, что даст «козырные карты» в руки проповедников религиозного экстремизма, многократно облегчая пропаганду антигосударственных идей

государственника), цель заключается не в том, чтобы остановить рост религиозности, а в том, чтобы направить его в конструктивное русло.

В контексте вопроса об укреплении национальной идентичности, в том числе в ее конфессиональном аспекте, это еще более очевидно.

Список литературы

1. *Mardin, Şerif*, 1992. Türkiye'de din ve siyaset, Makaleler 3, der. Mümtaz'er Türköne ve Tuncay Önder [Религия и политика в Турции, Статьи 3, ред. М. Тюркёне и Т. Ондер]. İstanbul: İletişim Yayınları. Цитируется по: Ocak, Ahmet Yaşar. İslâmi bilimler ve modernleşme sorunu // Türk bilim adamlarının bakış açısından İslâm ve modernite. Derleyen: Gönül Pultar [Исламские науки и проблема модернизации // Ислам и современность глазами турецких ученых. Ред. Г. Пултар]. — İstanbul: Remzi Kitabevi, 2007.
2. *Валиханов Ч.Ч.* Статьи. Переписка. — Алма-Ата, 1947. — С. 111.
3. *Валиханов Ч.Ч.* Избранные произведения. — Алма-Ата, 1958. — С. 187—195.
4. *Рахнамо А.* Практические проблемы становления светского государства в мусульманском обществе: опыт Таджикистана. Секуляризм и ислам в современном государстве: что их объединяет? Материалы международного круглого стола. — Алматы, 2008: КИСИ при Президенте РК. — С. 214—235.
5. *Черных, И.А.* Казахстан в 2013 году: Актуальные вопросы развития страны через призму общественного мнения (Аналитический доклад). — Алматы, 2014: КИСИ при Президенте РК. — С. 120, 125.

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА МУСУЛЬМАНСКОЙ УММЫ КАЗАХСТАНА

Еркин Байдаров

Ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК и Евразийского научно-исследовательского института (ERI) при МКТУ им. А. Ясави, кандидат философских наук

Аннотация. Обзорная статья посвящена этносоциальной проблематике мусульманской уммы (общины) Казахстана, переживающей, как и все казахстанское общество, сложный период социальной трансформации всех аспектов своей жизнедеятельности. Мусульманская община Казахстана играет весомую роль в социально-политической, социально-экономической и культурной жизни республики, что и неудивительно, так как более 70% граждан страны относят себя к этой мировой религии. В статье показана актуальность исследования данной проблематики, ее цели и задачи, научная новизна, практическая значимость исследования, а также ее методология. Освещается роль мусульманской уммы Казахстана в системе государственно-исламских отношений, уделяется внимание ее современному состоянию в социальной стратификации казахстанского социума, уровень религиозности основных мусульманских этносов страны и т.д. В статье делается вывод, что этничность и религиозность для мусульман Казахстана являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности, которая, прежде всего, сегодня немыслима вне контекста исламской традиции. Обращение к фундаментальным духовным ценностям ислама, сформировавшимся на протяжении многих столетий его развития, может способствовать укреплению межнационального единства и сохранению этноконфессиональной идентичности казахстанцев.

Ключевые слова: идентичность, ислам, Казахстан, конфессия, социальная стратификация, умма, религиозность, этническая и религиозная идентичность.

ҚАЗАҚСТАН МҰСЫЛМАНДАР УММАСЫНЫҢ ЭТНОӘЛЕУМЕТТІК ПРОБЛЕМАТИКАСЫ

Еркін Байдаров

Андатпа. Мақала тұтас қазақстандық қоғаммен бірге тіршілік әрекетінің

барлық жағынан әлеуметтік өзгерісті басынан өткізіп отырған Қазақстан мұсылмандар уммасының (қауымы) этноәлеуметтік проблематикасына арналған. Қазақстанның мұсылмандар қауымы республиканың әлеуметтік-саяси, әлеуметтік-экономикалық және мәдени өмірінде маңызды орын алады, өйткені, елдің 70 пайыздан астам азаматы өздерін осы дүниежүзілік дінге жатқызады. Мақалада осы проблематиканы зерттеудің өзектілігі, оның мақсаттары мен міндеттері, ғылыми жаңалығы, зерттеудің тәжірибелік маңызы, сонымен қатар, оның әдіснамасы көрсетілген. Мемлекет – ислам қатынастары жүйесіндегі Қазақстан мұсылмандар уммасының рөліне, қазақстандық социумның әлеуметтік стратификациясындағы қазіргі жағдайына, елдің негізгі мұсылман этностарының діндарлық дәрежесі және т.б. назар аударылды. Мақалада Қазақстан мұсылмандары үшін бүгінгі күнде ислам дәстүрлері контексінен тыс бола алмайтын ұқсастылықпен өзара тығыз байланыста, өзара толықтырып отыратын, ажырамас құрамдасы болатын этникалық пен діндарлық деген қорытынды жасалады. Сан ғасырлар бойы қалыптасып, дамып келген исламның іргелі рухани құндылықтарына жүгіну — ұлтаралық бірлікті нығайтып, қазақстандықтардың этноконфессиялық бірегейлігін сақталуына себепші болуы мүмкін.

***Түйінді сөздер:** бірегейлік, ислам, Қазақстан, конфессия, әлеуметтік стратификация, умма, діндарлық, этникалық және діни бірегейлік.*

ETHNO-SOCIAL PROBLEMS OF MUSLIM COMMUNITY IN KAZAKHSTAN

Erkin Baydarov

Abstract. The article is devoted to the ethno-social problems of the Muslim Ummah (community) in Kazakhstan, which is experiencing as well as all Kazakhstan society as a whole, a complex period of social transformation in all aspects of their life. The Muslim community of Kazakhstan plays an important role in the socio-political, social, economic and cultural life of the country, which is not surprising, since more than 70% of citizens relate themselves to this world religion. The article discusses the relevance of the problem, its goals and objectives, novelty, practical significance of the study and its methodology. The role of the Muslim Ummah in Kazakhstan in the system of state-Islamic relations is examined, the current state of social stratification of Kazakh society is emphasized, and the level of religiosity of the country's main Muslim ethnic groups is discussed. The article concludes that ethnicity and religion for Muslims in Kazakhstan are closely related complementary inseparable components of identity, which is unthinkable outside the context of the Islamic tradition. Appeal to the fundamental moral values of Islam, developed over centuries of its development, can contribute to the strengthening of inter-ethnic unity and the preservation of ethnic and religious identity of Kazakhstan.

***Keywords:** identity, Islam, Kazakhstan, denomination, social stratification, the Ummah, ethnic and religious identity.*

Введение

Сегодня Казахстан является ярким примером страны, где существуют все предпосылки для превращения этнокультурного многообразия в позитивный фактор общественного развития. Как правильно отмечает Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «Каждый казахстанец, независимо от его национальной принадлежности, должен сознавать, что Казахстан — это плоть от плоти его, родное государство, всегда готовое защитить его права и свободы. Только в этом случае появляется корневая основа для взращивания и воспитания чувства казахстанского патриотизма, только в этом случае сограждане испытают чувство гордости за принадлежность государству, которое весь мир знает теперь как Казахстан» (Казахстанская правда. — 2008, 25 октября).

Большую роль в процессе модернизации всех сторон жизнедеятельности казахстанского социума играет мусульманская умма страны, осознающая себя гражданами независимого Казахстана, созидателями Страны Великой степи, поставившей перед собой амбициозные цели в достижении благосостояния и вхождения в число тридцати самых развитых государств мира.

Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Этносоциальный портрет мусульманской уммы Казахстана» (2015—2017 гг.), выполняемого по линии Комитета науки МОН РК — Институтом востоковедения им. Р.Б. Сулейменова.

Цель проекта — определить процессы социальной трансформации мусульманских этносов республики, исторические судьбы которых оказались связаны с Казахстаном.

Задачи проекта:

1. *Определение степени религиозности мусульманского населения РК.*
2. *Выяснение факторов, влияющих на трансформацию этноконфессиональной идентичности мусульманской уммы*
3. *Выявление социально-политических предпочтений мусульман Казахстана, степень их доверия к органам власти и различным государственным и общественным институтам.*

Реализация данных задач позволит провести анализ вовлеченности мусульманских этносов страны в процессы социально-экономической и культурной модернизации казахстанского общества и развития казахстанского патриотизма; самореализации мусульманских этносов в межэтнических и межкультурных взаимоотношениях.

1. Актуальность исследования

Казахстан является полиэтническим государством, где формирование новой идентичности — от «советской» к новой «казахстанской» идентичности — протекает по-разному в разных этнических и конфессиональных группах. Ее изучение имеет большое общественное и политическое значение, так как предполагает осмысление изменений, произошедших за годы независимости в социальной, экономической и культурной жизни республики на примере отдельных этносов, в том числе мусульманских.

Актуальность и необходимость изучения этносоциальной проблематики мусульманского населения, социальной типологии верующих и особенностей формирования их ментальности проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, возникает вопрос о свободе совести и равенстве возможностей в религиозных проявлениях, определении места верующих граждан в современном обществе, с другой стороны, определение крайних пределов развития религиозной ситуации, когда «в точках бифуркации» могут оказаться интересы общественной безопасности и стабильности общества из-за нарастания межконфессиональных противоречий, преобладания в общественном сознании разрушительных, иррациональных установок.

Эти вопросы неразрывно связаны с возможностями, предоставляемыми обществом для возрождения и развития религии, ее духовного потенциала, заложенного в сути религиозной философии и стратегии жизнеопределения, но вместе с тем и с готовностью религиозных институтов реализовать эти возможности в интересах дальнейшего прогрессивного развития социума.

В рамках указанного проекта в настоящий момент нас интересуют основополагающие социальные характеристики в среде мусульманской уммы Казахстана, выяснение социально-типических черт в их сознании и поведении. Нам представляется, что процесс формирования религиозности населения РК оказывается глубоко связанным с широкой областью социально-политических и духовно-культурных преобразований, идущих в Казахстане с первых лет независимости. В значительной мере он становится реальным отражением этих преобразований и процессов в этномусульманских общинах республики.

2. Научная новизна и значимость исследования

Изучение смыслообразующих, глубинных характеристик религиозности казахстанских мусульман, аккумулярование необходимой информации о модальности представителей различных этномусульман-

ских групп, оценка конфликтного потенциала в межконфессиональных отношениях могли бы стать основой для социального прогнозирования и проектирования развития казахстанского общества в направлении устойчивости (ризомности) и закрепления положительной социальной динамики.

Явная недостаточность имеющихся попыток проникнуть во взаимосвязь исторических, социальных, психологических, идеологических и политических сторон формирования и развития этноконфессионального сознания не позволяет увидеть за внешней стороной явлений сложный, противоречивый, но, вместе с тем, закономерно развивающийся процесс. Этим, на наш взгляд, во многом объясняются трудности в изучении различных сторон развития религиозных процессов в стране. Исследователи, пытающиеся разрешить эту проблему, сталкиваются с неадекватностью исследовательских методик базовым культурным нормам изучаемых этнических групп, а также с наличием элементарных коммуникационных барьеров.

Как нам известно, одним из базовых элементов личностной структуры этносов, определяющих стратегии их жизнеобеспечения, является его этноконфессиональная идентичность. Этноконфессиональная идентичность определяет базовые ценности этнических групп, их уровень восприятия иноэтничных культурных институтов, способность к адаптации, что в немалой степени влияет на политические взгляды и воспроизведение культурных норм и традиций. Причем процессы формирования религиозного сознания казахстанского общества составляют его неотъемлемую социальную бытийность, определяя условия стабильности общества сейчас, на ближайшую и дальнюю перспективы.

Практическое значение исследуемой проблемы дает возможность выработки эффективных стратегий, направленных на интеграцию казахстанского общества в процессе межэтнической коммуникации. Это создает перспективы более полноценной и достаточно гарантированной самореализации каждого этноса в условиях многонационального общества. Такого рода знания, безусловно, необходимы не только в сфере политики, но и экономики, образования, культуры и т.д. Формирование объективного представления о сложившихся в Республике Казахстан особенностях межкультурных взаимодействий мусульманских этносов будет способствовать созданию теоретической основы для дальнейшего продвижения по пути построения стабильно развивающегося и консолидированного общества.

Материалы проекта могут быть реализованы в научных и научно-популярных разработках казахстанских и зарубежных ученых.

Социально-экономический эффект исследования заключается в выявлении и введении в научный оборот новых материалов, отражающих

основные аспекты трансформационных процессов в среде мусульманских сообществ Казахстана, что в условиях нарастания глобальных вызовов, усиления межрегиональных связей, развития интеграционных процессов в мире приобретает особую актуальность.

В то же время данный научно-исследовательский проект инициирован в целях выработки практических рекомендаций для государственных структур, имеющих непосредственное отношение к проблемам, связанным с национальной безопасностью и этнической политикой.

3. Степень изученности

К настоящему времени в этнологии сложился целый блок литературы, посвященной изучению этноидентичности (этнического самосознания). Среди наиболее значимых работ западных авторов необходимо выделить исследования А. Аппадурои, Ф. Барта, Ж. Девосса, Р. Дженкинса, А. Ройса [1] и др. В этих работах основной упор делается на конструктивистский аспект этнической идентичности, а также на исследование ее роли в межкультурном взаимодействии.

В трудах современных российских авторов, таких как С.А. Арутюнов, О.Ю. Гусева, Л.М. Дробижева, Г.У. Солдатова, В.А. Тишков [2], используются междисциплинарные подходы, выявляются субъективные факторы формирования этноидентичности.

Следует отметить, что невысокий уровень политической культуры, огрехи в качестве образовательных услуг, недостаточная религиозная грамотность, нерешенность многих социальных проблем в Казахстане обуславливают вероятность широкого распространения в обществе крайних форм религиозности. И здесь снятие противоречий между целесообразностью религиозной сферы и опасностью радикализации религиозного сознания возможно за счет придания цивилизованных форм религиозной жизни с учетом историко-культурных традиций формирования казахстанского социума.

Изучение отдельных вопросов исследуемой темы проводилось известными зарубежными и отечественными учеными:

- нации и национализма, национализма и модернизма — С.Н. Абашии, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Э.Д. Смит [3] и др.;
- этничности и этносов — Э.Г. Александренков, Р. Брубейкер, Дж. Комарофф, В.А. Тишков, Б.Б. Абдыгалиев [4];
- казахстанской модели межэтнической и межконфессиональной интеграции — Е.У. Байдаров, В.Д. Курганская, Е.Л. Тугжанов, З.К. Шаукенова и др. [5];
- истории и культуры народов Казахстана — А.Н. Алексеенко,

А.К. Камалов, Р.Б. Каримова, Н.Э. Масанов, Г.С. Баратова, И.В. Ерофеева, Ж.Б. Абылхожин и др. [6].

– роли ислама в современном Казахстане — Е.У. Байдаров, З.Г. Джалилов, А.Б. Дербисали, А.К. Избаиров, Н.Д. Нуртазина, А.К. Султангалиева и др. [7];

В то же время комплексного исследования по рассматриваемой проблематике в Казахстане до сегодняшнего дня не проводилось.

4. Методология исследования

Методологической основой исследования является системный подход, где этносоциальный портрет мусульманских этнических общин Казахстана поставлен и изучен в общем контексте социально-экономической и культурной модернизации РК.

Теоретической основой исследования являются разработки современных ученых в области изучения этноса, нации и этнической/национальной и конфессиональной (религиозной) идентичности (работы Э. Геллнера, А. Смита, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, Р. Брубейкера, Ф. Барта и др.).

Эмпирической базой исследования послужили как статистические данные Комитета по статистике Министерства экономики РК, так и материалы социологических исследований, посвященных религиозной проблематике. Использование этих данных позволяет дать оценку характера и уровня вовлеченности мусульманских этносов в процессы социально-экономической и культурной модернизации казахстанского общества, определить интенсивность их экономического взаимодействия; выявить динамику и современное демографическое состояние мусульман Казахстана.

В то же время следует отметить, что научное исследование этносоциального портрета мусульманской общины страны предполагает осуществление комплексного исследования на междисциплинарном уровне при участии историков, философов, культурологов, социологов и др., имеющих непосредственное отношение к изучаемой проблеме.

5. Результаты исследования

5.1. Мусульманская умма Казахстана в системе государственно-исламских отношений

Несмотря на наличие в системе стратегического управления этнически неоднородного казахстанского общества четкой концепции управления, в осмыслении причин, произошедших перемен и обозначивших-

ся тенденций и процессов в Казахстане все еще недостаточно глубоко и полно учитывается роль ислама. Если и учитывается, то зачастую одно-сторонне и тенденциозно.

При этом проблема управления государственно-конфессиональными, в частности государственно-исламскими, отношениями является не вымышленной, а реальной. Несомненным является то, что управление обществом должно быть адекватно процессам, происходящим в нем. В связи с этим исследование управления и возможности прогнозирования государственно-исламских отношений должны считаться приоритетными задачами, связанными с наиболее адекватной организацией деятельности элементов казахстанского социума. Это становится не только важнейшим фактором эффективного развития Казахстана, но и критерием его выживания в непредсказуемых и хаотически изменяющихся условиях современности.

В данном контексте актуальным становится проблема создания методологии и общей концепции управления казахстанской уммой, рассматривающих мусульманское общество не просто как «верующих в Аллаха», а как равноправный социокультурный и неотъемлемый феномен казахстанского общества. Прогнозирование дальнейшего эффективного функционирования казахстанского общества и разработка путей этого развития требуют исследования сложных процессов развития казахстанского социума в контексте динамики эволюции ее мусульманской части. Организованность общества с точки зрения единства социального и природного исторических процессов выражает не столько собственное строение социума, сколько изучение специфики его элементов, коим выступает мусульманская умма РК.

Как показывает мировой опыт, если в одних государствах закрепляют в конституциях государственный (официальный) статус конкретной религии, то в других данный статус хоть и не закреплен, но положение о ее поддержке содержится в конституциях или законодательстве.

В данном случае в Казахстане, где религия отделена от государства (секулярное общество), тем не менее признана историческая роль ислама ханафитского мазхаба в развитии культуры и духовной жизни, что нашло свое отражение в Законе РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (2011).

Уже с первых лет независимости тактика официального руководства Казахстана по отношению к исламу: не отрицая его влияния на широкие массы населения, старалась использовать в своей деятельности все ценности исламской цивилизации и в то же время не дать радикальным силам возможности прибегнуть к исламу в политиче-

ских целях, как это происходило и происходит, например, в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Процесс исламизации Казахстана и других государств Центральной Азии в результате «исламского возрождения», начавшегося в период обретения суверенитета странами региона, был неизбежен, так как ислам никуда не уходил из духовной жизни народов Центральной Азии в годы господства советской атеистической идеологии. Он жил в традициях народа, несмотря на то, что произошел разрыв в цепи передачи религиозного воспитания от отца к сыну и т.д. И с возвращением ислама в общественную жизнь, ислам стал постепенно укореняться во многих сферах общественной и личной жизни населения региона [8, с. 67].

В то же время изучение процессов социальной модернизации мусульманской уммы Казахстана без учета его этноконфессиональной специфики страны невозможен. Как показывает анализ социализации мусульманских сообществ в западных обществах, игнорирование этноконфессионального фактора при проведении внутренней и внешней политики государства чреват дестабилизационными процессами в обществе. Поэтому процесс перестройки принципов бытия казахстанских мусульман и управления им не столько технический, сколько нравственный, духовный процесс.

Бесспорным является и то, что в результате многолетнего сосуществования, взаимодействия мусульманской культуры мусульмане Казахстана достаточно основательно и глубоко интегрировались в казахстанское общество, став неотъемлемой частью его исторического развития. Игнорирование и недооценка этого факта чреват взрывом общественно-политической обстановки, активизацией деятельности социально опасных и псевдорелигиозных мусульманских организаций, которые наносят духовному здоровью их последователей значительный ущерб. Эти обстоятельства требуют коренного изучения воздействия «исламского фактора» на систему государственной безопасности Республики Казахстан.

С другой стороны, и у самой мусульманской уммы должны быть обязанности — не вызывать проблем. То есть умма должна сама решать возникающие вопросы, а не перекладывать их на государство [8, с. 71].

Но мы также не должны забывать, что влияние ислама и казахстанской уммы в целом на общественную жизнь гораздо существеннее социальных факторов. В связи с этим в настоящее время необходимо глубже осмыслить место ислама в общественной жизни казахстанского общества, его связи с другими социальными явлениями, а также сочетание закономерностей и случайностей в их развитии.

5.2. Мусульманская умма как элемент функционирования мусульманского общества в Казахстане

Едина ли умма Казахстана? Что представляет собой мусульманская умма как элемент функционирования мусульманского общества в Казахстане? Эти вопросы интересуют сегодня многих казахстанцев не случайно. «Казахстан, — как справедливо отмечают авторы Аналитического доклада «Внутренние процессы в мусульманской общине Казахстана» (2010), — находится под очень пристальным вниманием серьезнейших мировых сил. Здесь и супердержава, и региональные державы, и просто крупные страны, и региональные союзы, и транснациональные компании, и всемирные религиозные центры. У каждого — свой интерес к Казахстану. Воздействовать на Казахстан с целью подвинуть его на проведение выгодной для себя политики — естественное желание всех «игроков» на мировой карте. В таком положении находится не только Казахстан, это общее на сегодня состояние почти всякого государства. Другое дело, что Казахстан, в силу своего геополитического положения и огромных запасов природных ресурсов, привлекает повышенный интерес, поэтому и воздействие на него идет более мощное. Среди действенных форм такого воздействия религии принадлежит особое место» [9]. Действительно, те процессы, которые происходят сегодня на Ближнем и Среднем Востоке, где этноконфессиональные противоречия служат едва ли не главной фигурой в «игре» мировой закулисы, яркое тому подтверждение.

Тем не менее мусульманская община Казахстана продолжает формироваться. За 1992—2016 гг. ею проделан большой путь от атеистически-обрядового отношения к исламу до самостоятельной структуры, разнообразной деятельности Духовного управления мусульман Казахстана, осознанного принятия ханафитского мазхаба в качестве богословской основы исповедания ислама.

Сегодня мусульманская община Казахстана — самая массовая религиозная организация Республики Казахстан, включающая в себя более 2400 мечетей, молитвенных домов и других религиозных субъектов. Возглавляет общину Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК). С февраля 2013 г. Председателем ДУМК, Верховным муфтием Казахстана является Ержан кажи Малгажыулы (Маямеров) (1972-го г.р.), профессиональный теолог, выпускник факультета Шариата и права Исламского университета «Аль-Азхар» (Каир, АРЕ).

Важным событием в жизни мусульманской общины страны с приходом нового Верховного муфтия стало проведение в феврале 2015 г. Первого республиканского форума имамов. На форуме Верховный

муфтий республики Ержан Малгажыулы отметил, что «ислам является религией мира и согласия, призванной укреплять духовные ценности казахстанского народа» (Первый республиканский форум имамов прошел в Астане. URL: <http://24.kz/ru/novosti2>. — 2015, 19 февраля [дата обращения: 25.05.2016]). По итогам форума единогласно были приняты «Платформа мусульман Казахстана», «Этика служащего Духовного управления мусульман Казахстана», а также наставления «Личностный образ имама» и «Личностный облик мусульманина». Основной целью этих документов стал призыв к мусульманам страны стремиться к разностороннему просвещению, добропорядочности, уважению светских устоев государства, недопущению фрагментации мусульманской общины, мирному сосуществованию с представителями других религий, внесению посильного вклада в сохранение межэтнической и межконфессиональной стабильности в стране.

Принятие этих документов значимо для всей общины мусульман страны. Несмотря на то, что казахстанская умма сегодня достаточно консолидирована, она не столь однородна. В ней присутствуют не только традиционные суннитские и шиитские направления, суфийские тарикаты (Ясавия, Накшбандия, Кадирия), но и такие нетрадиционные исламские течения, как «Салафия»¹, «Ахмадия» и др., что, естественно, вносит свои проблемы.

Во многом это обусловлено ростом различных нетрадиционных религиозных идеологических программ в Центральной Азии, которые все более вытесняют на периферию традиционные системы ценностей, характерные для данного региона. Существующие тенденции, к сожалению, ведут к росту радикальных религиозных движений, которые, главным образом, приходят в Центральноазиатский регион извне.

Одной из причин этого является сложившаяся на сегодняшний день ситуация в мусульманском мире, когда в некоторых мусульманских странах религию используют как политический инструмент. Религиозные экстремисты и террористы, не признающие общечеловеческих ценностей, показывают мирный ислам религией угрозы и опасности и, искажая тексты аятов и хадисов, считают себя мусульманами. Именно поэтому вопросы, связанные с дальнейшим развитием ислама в Казахстане и странах региона, в целом так актуальны.

В связи с этим определенным интерес представляет инициатива по формированию единой мусульманской уммы Казахстана и Центральной Азии, высказанная Председателем Духовного управления мусульман Казахстана, Верховным Муфтием Ержаном хазрат Маямеровым на

¹ После терактов в Актюбе и Алматы летом текущего года (июнь — июль) в Казахстане все чаще предлагают запретить идеологию салафизма.

прошедшей в Омске Международной конференции «Ислам и межрелигиозное сотрудничество» (27—29.01.2016 г.), на которой собрались представители духовенства не только из России и Казахстана, но и из Монголии, Татарстана, Кыргызстана. Для реализации этой инициативы глава мусульман Казахстана считает, что мы должны усилить роль центральноазиатских религиозных школ, которые близки к нашим традициям, сущности, нашему сегодняшнему положению.

Как нам представляется, инициатива по формированию единой мусульманской уммы Казахстана и Центральной Азии очень своевременна. Кроме того, Верховный муфтий предложил подготовить проект исторического документа, способного стать ориентиром для единой уммы, а также обозначить общие ценности мусульман Казахстана и Центральной Азии. Ведь в священном Коране умма определяется как «община единоверцев, последователей одной религии» [Коран 5: 48].

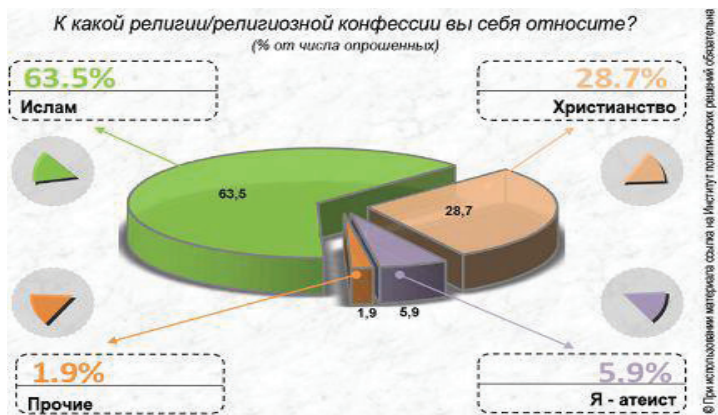
Формирование единой мусульманской уммы может облегчить регулятивную функцию в работе представителей мусульманских духовных управлений в странах Центральной Азии. Они могли бы принимать и выносить единые религиозные решения, касающиеся вероучительной системы, исключаяющей их различное толкование, что может заложить основы призыва к единству всех мусульман региона и создать новые возможности для еще большего укрепления единства мусульманской уммы Центральной Азии, повысить иммунитет верующих стран Центральноазиатского региона к идеологии радикализма, обеспечить знание по истории ислама и религиозных традиций, наглядно показав, что Ислам издавна и глубоко укоренен в культуре государств региона.

5.3. Мусульманская умма Казахстана в социальной стратификации казахстанского социума

Мусульманские этнические группы республики играют сегодня позитивную роль в решении проблем дальнейшего сохранения и упрочения гражданского мира, укрепления дружбы и межнационального согласия, создавая широкое пространство для своего духовного саморазвития, свободного от идеологических догм и стереотипов, создавая духовно-нравственный потенциал этнокультурных традиций и межкультурного диалога против распространения экстремистской идеологии.

В настоящее время мусульманская умма Казахстана, помимо казахов, составляющих в ней большинство, представлена более чем 15-ю другими тюркоязычными этническими группами: узбеки, татары, уйгуры, каракалпаки, турки, азербайджанцы, туркмены, башкиры и др.

Кроме того, к мусульманам относятся ираноязычные таджики, курды, а также дунгане и северокавказские этносы (чеченцы, ингуши, балкарцы...) и др. Так, согласно результатам социологического исследования «Религиозный фактор в современном Казахстане», ислам исповедуют 63,5% казахстанцев² (см. рис.).

Если же брать в расчет результаты последней переписи 2009 г., то свою принадлежность к исламу определило 70,2% мусульманских этносов Казахстана (11 239 176 тыс. чел.) (Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет. — Астана, 2011. — 65 с. [С. 25]). Согласно данным Комитета по статистике Министерства экономики Республики Казахстан, на начало 2015 г. в «десятку» самых крупных мусульманских этносов, помимо титульного казахского этноса (по результатам переписи 2009 г. — 9 928 705 тыс. чел. и 11 497 349 тыс. чел. — на начало 2015 г.), входят (Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет. — Астана, 2011. — 65 с. [С. 25]; Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2015 г. Серия 14. Демография. URL: <http://www.stat.gov.kz>)³:

- узбеки — 452 668 чел. (2009 г.) / 534 968 чел. (2015 г.);
- уйгуры — 221 007 чел. (2009 г.) / 251 525 чел. (2015 г.);
- татары — 162 496 чел. (2009 г.) / 202 977 чел. (2015 г.);

² Данное исследование было проведено Институтом политических решений (ИПР) летом 2011 г. в 14 областных центрах страны, а также в «северной» и «южной» столицах (Астана и Алматы), с количеством респондентов — 2302 человека.

³ В этой связи интересным вопросом задается казахстанский исследователь З.Г. Джалилов: «Не смотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, Казахстан формально можно считать мусульманской страной, более тщательное изучение религиозной ситуации в стране заставляет делать ряд оговорок и уточнений, а также поставить вопрос: кого именно считать верующими — только «истинного» мусульманина, соблюдающего все религиозные ритуалы и предписания, или тех, кто по рождению является мусульманином и принадлежит к той или иной этнической культуре?» [10, с. 99—100].

- турки — 96 172 чел. (2009 г.) / 106 373 чел. (2015 г.);
- азербайджанцы — 80 864 чел. (2009 г.) / 101 061 чел. (2015 г.);
- дунгане — 51 388 чел. (2009 г.) / 64 129 чел. (2015 г.);
- курды — 37 667 чел. (2009 г.) / 43 119 чел. (2015 г.);
- таджики — 35 473 чел. (2009 г.) / 43 366 чел. (2015 г.);
- чеченцы — 29 448 чел. (2009 г.) / 32 516 чел. (2015 г.);
- кыргызы — 22 500 чел. (2009 г.).

Здесь следует отметить, что данные официальной статистики часто основываются на более или менее приблизительных оценках и расходятся с подсчетами отдельных исследователей. Так, по оценке европейских экспертов, сделанной еще в начале 2000-х гг., мусульманское население Казахстана составляет 63% [11, с. 5], с чем оказались не согласны ряд казахстанских экспертов, считающих эти цифры завышенными. Известный казахстанский исследователь С. Кушкумбаев обращает внимание на то, что «здесь механически были отнесены к мусульманам представители всех этносов, исповедующих преимущественно ислам» [12, с. 95]. Поэтому трудно не согласиться с французским профессором Ж. Радвани, который считает, что «нельзя ни в коем случае просто экстраполировать этнические данные на конфессиональные» [13, с. 88].

Для того чтобы создать социальный портрет мусульманской уммы Казахстана, необходимо определить их социальный статус. Одним из главных факторов здесь выступает профессионально-отраслевая занятость представителей мусульманского населения Республики Казахстан.

Так, многочисленные мусульманские этносы Казахстана можно разделить на аграрные и индустриальные. Если в аграрном секторе из мусульманских этносов больше всего задействованы курды (36,6%), узбеки (29,9%) и уйгуры (24,3%), то в индустриальном — татары (15,4%). В свою очередь, в торговой сфере больше всех представлены турки (20,9%) и уйгуры (20%) (Комитет по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: <http://www.stat.gov.kz>). В финансовом секторе из всей мусульманской уммы страны наиболее хорошо представлены казахи (3,4%) и татары (3,3%). Доля же специалистов высшего уровня квалификации больше всего среди казахов — 14,5%. (Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. — Т. 2. — Астана, 2010. — С. 12—24).

Слабым местом у мусульманских этнических групп Казахстана является уровень образования. Анализ статистических данных свидетельствует, что из всех мусульманских общин Казахстана наиболее высокий уровень у казахов (30,2%) и татар (27,2%). Средний уровень образования (среднее специальное) в наибольшей степени также охватывает татар (37,0%), что, впрочем, неудивительно, так как татары всег-

да уделяли большое внимание образованию своих детей. Невысокий уровень образования (общее среднее) наблюдается у дунган (68,0%), таджиков (59,6%), узбеков (53,2%), турков (48,8%) и курдов (46,1%) (Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 г. — Т. 2. — Астана, 2010. — С. 12—24). Как мы видим, мусульманские этносы Казахстана по уровню образования как фактора социальной дифференциации казахстанского социума занимают самые низкие позиции.

Профессионально-отраслевая занятость и образовательный потенциал мусульманских этнических групп страны оказывает существенное влияние на их социальный статус. Подобные неравенства сказываются не только на культурном развитии этноса, но и на шансах их дальнейшего социального роста. Естественно, что это создает неравные условия для вхождения представителей этнических групп в рыночную экономику, для их участия в процессах приватизации, в формировании новых социальных слоев и групп, в возможности повышения своего материального условия, приобретения собственности [14].

Что же касается уровня образования мусульманских общин, то он служит основной причиной социального неравенства. Во многом это связано с тем, что большинство мусульманских этносов Казахстана проживают в сельской местности и лишены возможности для получения качественного образования. Все это вместе, соответственно, влияет на то, что этнические группы мусульман страны являются в основном аграрно-деревенскими, с низким уровнем образования и низкой квалификацией, что автоматически делает их неконкурентоспособными на рынке труда. Вместе с тем мы должны отметить, что мусульманские этносы Казахстана являются самыми молодыми и все больше определяют демографическую ситуацию в Республике Казахстан. Поэтому следует ожидать увеличения их численности в трудовых ресурсах страны [15].

5.4. Степень религиозности мусульманских этносов Казахстана (на примере узбекской этнической группы)

Исторически сложилось так, что большая степень исламизации среди мусульманских народов Казахстана присуща узбекской общине. Религиозное сознание узбеков в большей степени исламизировано, этническая и религиозная идентификация узбекского населения республики практически совпадает с исламом, исламскими традициями и обычаями. Это обуславливает большую степень религиозности и значимость ислама в жизни узбекской этнической общины республики. Причем этническая идентичность, находясь в тесном взаимодействии с конфессиональной идентичностью, превращается в «одну из многочисленных и часто про-

тиворечащих друг другу идентичностей, легко уживающейся — именно в силу своей виртуальности — в отдельно взятом человеке» [16].

Согласно данным социологических опросов, религиозность узбеков остается сравнительно высокой не только в Казахстане, но и в Центральноазиатском регионе в целом. Так, пятикратную молитву совершают 32% узбеков против 7,2% казахов, уступая только таджикам — 41,3% [17]. В этническом же разрезе наиболее активными верующими среди молодежи Казахстана по-прежнему остаются узбеки (в 2007 г. — 32,2%, в 2009 г. — 38%) [18].

Согласно данным Г. Телебаева, доля узбеков, указавших, что они являются верующими, составляет 67,2%, что позволяет им входить в первую группу наряду с уйгурами (78,8%) и казахами (70,7%).

Если 67,3% уйгур, 56,3% казахов и 47,4% татар отмечают, что они считают себя верующими, однако в религиозной жизни не участвуют, то среди узбеков, активно верующих, то есть тех, кто «состоит в общине и следует религиозным нормам» — 40,6%, в то время как среди казахов таких — 14,4%, уйгур — 11,5%, татар — 8,8%, то есть религиозность для этих общин имеет больше культурно-исторический смысл. Религия воспринимается узбеками Казахстана (36,2%), прежде всего, как национальная традиция, вера предков [19].

Стоит отметить, что узбеки всегда играли важную роль в религиозной жизни Казахстана. Так, например, в 1970—1980 гг. XX столетия большинство имамов мечетей не только в ЮКО, но и в республике были не казахами, а узбеками. Как известно, до получения независимости мусульманская община Казахстана была подчинена Духовному управлению мусульман Средней Азии (САДУМ) со штаб-квартирой в Ташкенте, где почти все руководящие посты занимали узбеки.

О сильной роли религии среди узбеков говорит и тот факт, что почти половина женщин-узбечек в селах Южно-Казахстанской области признают религиозный брак. Об этом говорится в совместном отчете Фонда «Евразия» и МИДа Финляндии, презентовавших результаты проведенного социологического опроса в четырех районах ЮКО в ходе работы круглого стола «Результаты и рекомендации программы «Равенство перед законом» в декабре 2013 г. в Астане (Почти половина женщин в селах ЮКО признают религиозный брак — опрос. URL:<http://newskaz.ru> [доступ: 25.02.2016]).

Так, на вопрос о том, признается ли респондентами религиозный брак, 45,3% ответили утвердительно, в то время как 53% не признают такой брак официальным (выборка составила 300 чел. — *Е.Б.*). Согласно опросу, в Туркестанском районе ЮКО абсолютное большинство опрошенных (78%) высказалось за признание религиозного брака в качестве официального.

Основной причиной вступления в религиозный брак женщины считают традиции (21,3%), религиозные убеждения (18%) и договоренность родителей молодоженов (17,7%).

Выводы

Начальные результаты исследования позволяют предположить, что этничность и религиозность для мусульман Казахстана являются тесно взаимосвязанными, взаимодополняющими, неотделимыми составляющими идентичности, которая, прежде всего сегодня, немыслима вне контекста исламской традиции. В то же время низкий социальный статус и низкий уровень образования нередко становятся фактором социального напряжения, подталкивая часть молодых представителей мусульманских этнических общин страны на проявление нетерпимости или же обращению за помощью к нетрадиционным исламским движениям, что приводит их впоследствии в ряды радикальных исламских групп. Но, тем не менее, и это стоит отметить, обращение к фундаментальным духовным ценностям ислама, формировавшегося на протяжении многих столетий его развития, может способствовать укреплению межнационального единства и сохранению этноконфессиональной идентичности казахстанцев.

Мусульмане Казахстана всегда стремились к взаимообогащающему культурному сосуществованию с представителями других этносов и конфессий. Все это во многом определяет национальное самосознание и самобытность мусульманской уммы Казахстана. Этому способствуют также такие черты этнического и конфессионального своеобразия мусульманских этносов Республики Казахстан, как: высокая нравственность, скромность, отзывчивость; сопереживание родным, близким и окружающим; почитание стариков, родителей и младших; уважение старших, больных, инвалидов; тяга к знаниям и почитание образованных людей; бережное отношение к традициям, обычаям своего народа; религиозность; трудолюбие; гостеприимство и др. Эти ценности ислама нам необходимо пропагандировать не только среди молодого поколения казахстанцев, но и среди всех граждан страны, которым необходима стабильность казахстанского общества.

Список литературы

1. Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Этнические группы и социальные границы / Под ред. Ф. Барта. — М., Новое изд-во, 2006; De Vos, G. *Ethnic Identity. Creation, Conflict, and Accommodation*. — London: AltaMira Press, 1995; Jenkins, R. *Social Identity*. — London: Routledge, 1996; Royce, A.P. *Ethnic Identity: Strategies of Diversity*. — Bloomington: Indiana University Press, 1982.

2. Арутюнов С.А., Рыжакова С.И. Культурная антропология. — М.: Вест Мир, 2004; Гусева О.Ю. Особенности развития этнической идентичности в процессе межкультурного взаимодействия и в ситуации моноэтнической среды // Журнал прикладной психологии. — 2003. — N 6. — С. 38—43; Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л.М. Дробижева. — М.: Асадемия, 2002; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. — М.: Смысл, 1998; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003; Абдыгалеев Б.Б. Политизация этничности: процессы, механизмы, последствия. — Алматы: Үш Қиян, 2003.

3. Абашии С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. — СПб.: Алетейя, 2007; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001; Геллнер Э. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991; Наумкин В.В. Концепция мусульманской уммы: от религии к национализму и глобализму // Минарет. — 2008. — N 4 (18). — С. 15—19; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. — СПб.: Алетейя, 1998; Smith A.D. Theories of Nationalism. 2nd ed. — London: Duckworth, 1983; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. — Oxford: Basil Blackwell, 1986; Smith A.D. Nationalism and Modernism: A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism. — London: Routledge, 1998.

4. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. — 1996. — N 3. — С. 13—23; Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012; Комарофф Дж. Национальность, этничность, современность: Политика самосознания в конце XX в. // Этничность и власть в полиэтничных государствах / Отв. ред. Тишков В.А. — М., 1994. — С. 35—70; Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003.

5. Байдаров Е.У. Межэтническая толерантность как фактор гражданской интеграции Казахстана в условиях глобализации // Казахстан-Спектр. Научный журнал. — 2009. — N 3. — С. 28—34; Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Казахстанская модель межэтнической интеграции. — Алматы: Центр гуманитарных исследований, 2003; Тулжанов Е.Л. Политика межэтнической толерантности и общественного согласия в Республике Казахстан: политологический анализ: Дис... д-ра полит. наук: 23.00.02. — Астана, 2010; Шаукенова З.К., Бурова Е.Е., Назарбетова А.К. Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность: монография. — Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014; Шаукенова З.К. Социальное взаимодействие этносов: мониторинг межэтнических отношений в Республике Казахстан: монография. — Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014.

6. Алексеенко А.Н., Романов Ю.И., Козыбаев М.К., Алексеенко Н.В. Этносы Казахстана: историко-демографический справочник. — Астана: Елорда, 2001; Katalov A. Uyghurs in Central Asian republics: past and present // China, Xinjiang and Central Asia. History, Transition and Crossborder Interaction into the 21st century. Ed. y C. Mackerras and M. Clarke. — London — New York: Routledge, 2009. — P. 115—132; Каримова Р.У. и др. Уйгуры. История и культура малочисленных народов Казахстана. Учебное пособие (в соавторстве). — Алматы: Дайк-Пресс, 2001; Масанов Н.Э., Баратова Г.С., Алексеенко А.Н., Ерофеева И.В., Абылхожин Ж.Б. История Казахстана: народы и культуры. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

7. Байдаров Е.У. Религия и Ислам в Казахстане: социокультурный аспект / Монография. — Saarbrücken (Germany): LAP Lambert Academic Publishing, 2014; Джалилов З.Г. Исламские традиции: культура поведения в семье и обществе. Монография. — Алматы: Дайк-Пресс, 2008; Джалилов З.Г. Ислам и общество в современном Казахстане. Монография. — Алматы, 2006; Дербисали А.Б. Ислам — религия мира и созидания. — Алматы: Дайк-Пресс, 2010; Избаиров А.К. Ислам в Казахстане. — Алматы, 2013; Нуртазина Н.Д. Қазақ мәдениеті және ислам. — Алматы, 2002; Султангалиева А. Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. — Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 1998; Султангалиева А. Возвращение ислама в Казахстан. — Алматы: Фонд А. Сарсенбаева, 2012.

8. Актуальные проблемы развития религиозной ситуации в Республике Казахстан / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. — Алматы: ИФПир КН МОН РК, 2013. — 137 с.

9. Дунаев В.Ю., Косиченко А.Г., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. Внутренние процессы в мусульманской общине Казахстана. Аналитический отчет. — Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2010.
10. Джалилов З.Г. Особенности состояния религиозности казахстанского общества: вопросы теории и практики (по материалам социологических исследований). — Алматы: Дайк-Пресс, 2013. — 168 с.
11. Зайферт Арне К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в ее Евро-азиатском регионе. — М., 2002.
12. Кушкумбаев С. Ислам в Казахстане и этническая идентичность // Казанский федералист. — 2005. — N 1 (13). Зима. — Специальный выпуск: Ислам, идентичность и политика на постсоветском пространстве. Материалы международной конференции. — Казань, 2005. — С. 91—100.
13. Радвани Ж. Несколько ответов на непоставленный вопрос: ислам и перепись населения 2002 г. в России // Казанский федералист. — 2005. — N 1 (13). Зима. — Специальный выпуск: Ислам, идентичность и политика на постсоветском пространстве. Материалы международной конференции. — Казань, 2005. — С. 82—90.
14. Асланов Ш.С. Субъективное измерение этносоциальной трансформации республик Северного Кавказа (на основе эмпирического материала) // Вестник Южно-Российского университета. — Ростов-н-Дону. — 2008. — N 2 (6). — С. 5—9.
15. Шайкемелев М.С., Ешпанова Д.Д. Этносоциальная структура казахстанского общества // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2016. — N 1 (305). — С. 90—94.
16. Байдаров Е. Оставаясь источником духовности и нравственности для многих людей, религия является инструментом регуляции глобальных тенденций мирового развития. URL: <http://www.inform.kz>. — 2016, 17 мая (дата обращения: 25.05.2016).
17. Yaacov, R. & Wainerb A. Muslim Identity and Islamic Practice in Post-Soviet Central Asia // Central Asian Survey. — Vol. 28, N 3, September 2009. — 303 — 322 pp. — P. 307.
18. Билялов С.А. Особенности религиозности современной казахстанской молодежи. URL: <http://e-history.kz> (доступ: 25.05.2016).
19. Телебаев Г. Ислам в современном Казахстане: тенденции и перспективы // XII веков развития исламской науки и культуры в Казахстане. — Алматы: ИВ КН МОН РК, 2014. — С. 213—216.

ХРИСТИАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Таисия Мармонтова

Доцент кафедры регионоведения Евразийского
Национального Университета им. Л.Н. Гумилёва,
кандидат исторических наук

Аннотация. В представленной статье анализируется роль и место христианства в религиозном ландшафте современного Казахстана. Основной тезис автора состоит в том, что среди верующих нашей республики христиане — вторые по степени распространения, абсолютное большинство из них относят себя к православию. Однако особенностью религиозного ландшафта Казахстана является его большая пестрота. И, помимо православных христиан, на территории нашей страны проживают исповедующие католицизм, разные направления протестантизма. По официальным данным, на территории республики существуют религиозные общины 11 направлений протестантизма. Несмотря на достаточно стабильную религиозную ситуацию, важен ее постоянный мониторинг. И это касается и представителей христианской религии, потому что, помимо традиционных направлений христианства, которое исповедуют граждане Республики Казахстан, в республике действуют общины так называемых нетрадиционных представителей христианства. Фактически происходит размывание традиционной религиозности, что представляет собой определенную опасность для общественной безопасности.

Ключевые слова: христианство, православие, протестантизм, традиционная религиозность, нетрадиционная религиозность, общественная безопасность.

ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ХРИСТИАН ДІНІ

Таисия Мармонтова

Аңдатпа. Ұсынылып отырған мақалада христиан дінінің қазіргі Қазақстан дін ландшафтындағы орны мен ролі талданады. Автордың негізгі тезісі: республикада саны бойынша исламнан соң екінші христиан дінін ұстанатын адамдардың көбісі өздерін православиеге жатқызады. Алайда Қазақстанның дін ландшафтының ерекшелігі — оның әркелкілігінде. Христиан дінінің православие тармағын

ұстанушылардан басқа республика аумағында христиан дінінің католиктік және протестанттық бағыттарын ұстанатын адамдар бар. Ресми деректер бойынша республикада протестанттық бағыттағы 11 діни қауым бар. Діни жағдайдың әжептәуір тұрақтылығына қарамастан, оны қадағалап отыру қажет. Бұл христиан дінінің өкілдеріне де қатысты, себебі республикада христиан дінінің дәстүрлі бағытын ұстанушылармен қатар, дәстүрлі емес тармағын ұстанатын қауымдар бар. Іс жүзінде дәстүрлі діншілдіктің өзгеруі байқалады, бұл өз алдына қоғамның қауіпсіздігіне қатер төндіруі мүмкін.

Түйінді сөздер: христиан діні, православие, протестантизм, дәстүрлі діншілдік, дәстүрлі емес діншілдік, қоғамдық қауіпсіздік.

CHRISTIANITY IN MODERN KAZAKHSTAN

Taisia Marmontova

Abstract. The article analyzes the role and place of Christianity in the religious landscape of modern Kazakhstan. The main thesis of the author is that Christianity is the second largest religion in Kazakhstan and the vast majority of the Christians identify themselves as Orthodox. However, the future of the religious landscape in Kazakhstan is in its great diversity: in addition to the Orthodox Christians, the followers of Catholicism and various Protestant denominations live in Kazakhstan. According to the official sources, to date, there are eleven Protestant communities in Kazakhstan.

The author argues in favor of constant monitoring of the situation, although she defines it as rather stable, as, in addition to the traditional denominations to which most of Kazakhstan's Christians belong, there are a number of communities related to so-called non-traditional Christianity. This, according to the author, may pose some challenges to the traditional religiosity and undermine social security.

Keywords: Christianity, Orthodoxy, Protestantism, traditional religion, non-traditional religion, social security.

Введение

Христианство сегодня — самая крупная из мировых религий, как по числу приверженцев (примерно 2,3 млрд чел.), так и по степени распространения. Христианские общины есть практически во всех странах мира. На территории Центральной Азии христиане появились в начале нашей эры. Территория Центральной Азии стала местом убежища для несториан, которых преследовали в Сирии и Византии. На территории Согда, в Самарканде, образовались несторианские метрополии. Позже, с началом процесса исламизации, влияние христианства

серьезно ослабло, к середине средневековья христианских общин в регионе практически не было. Вторично христианство на территории Казахстана стало распространяться уже в новое время в связи с вхождением казахских земель в состав Российской империи и начавшимся процессом переселения на эти территории русских, немцев, белорусов, украинцев, народов, традиционно исповедовавших различные направления христианства.

В советский период вопросы религиозной жизни, независимо от вида религии, были вытеснены на периферию общественной жизни. С распадом СССР начался настоящий религиозный ренессанс. К моменту образования независимого Казахстана в религиозном плане это был регион многоконфессиональный. С самого начала государство старалось минимально вмешиваться в религиозную жизнь, сохранять светский характер и при этом содействовать в удовлетворении духовных нужд и чаяний своих граждан.

В сегодняшнем мире проблемы, связанные с религиозностью, являются очень сложной проблемой, которая касается не только свободы совести, но и многих аспектов общественной безопасности, сохранения мира и стабильности в государстве.

Современная религиозная ситуация в поликонфессиональном Казахстане не проста и динамична, в ней постоянно происходят количественные и качественные изменения. Традиционные религии, ислам и христианство, явились важным культуuroобразующим фактором становления казахстанского общества [1].

Безусловно, ислам как господствующая религия на территории Казахстана исследуется гораздо более активно. На то, что вопросы ислама как религии, особенностей мусульманской идеологии бурно обсуждаются в экспертном поле, влияет общемировая тенденция.

Христианство как предмет научного дискурса сегодня не столь бурно обсуждается. Причины этого нельзя искать в том, что тема не актуальна и не заслуживает глубокого и пристального анализа. Безусловно, влияние на степень научного интереса оказывает то, что Казахстан — страна, с преобладающим мусульманским населением. Кроме того, уровень политизации христианства в современном мире неизмеримо ниже по сравнению с исламом. В данной статье предпринимается попытка показать то, какое влияние имеет сегодня христианство в Казахстане. Это важно для того, чтобы иметь возможность видеть религиозную ситуацию с разных сторон, анализировать позиции не только с точки зрения господствующей религии, но и с позиций тех учений, которые занимают не главные позиции. Это особенно актуально в контексте реше-

ния вопросов сохранения общественного спокойствия и безопасности. Угроза «тихого сепаратизма», которую несут в себе многие постулаты «нетрадиционного» христианства, может быть достаточно опасной, в частности для многоконфессиональных государств, где размывание традиционной религиозности является нежелательной тенденцией, способной повлиять на ситуацию внутри общества.

Различные аспекты религиозности в современном обществе довольно дискутируемы в экспертном поле Казахстана. Имеется достаточное количество литературы, посвященной анализу религиозной проблематики. К работам общего характера, оценивающим роль религии в жизни современного общества, можно отметить две работы, изданные Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. В работе «Актуальные проблемы развития религиозной ситуации в Республике Казахстан» Е. Буровой и А. Косиченко были проанализированы последние актуальные тренды, связанные с формированием современной религиозной ситуации в Республике Казахстан в контексте глобальных тенденций.

В светском государстве, которым является Республика Казахстан, важно знать то, как общество воспринимает религию, и то, как происходит ранжирование значимых функций, выполняемых традиционными и новыми религиозными организациями, на оценку их влияния и эффективность деятельности в обществе. Эта проблема — предмет исследования в монографии Е.Е. Буровой «Тренды новой религиозности в современном Казахстане (опыт социогуманитарного измерения)».

Несомненную ценность представляют работы исследовательницы из Усть-Каменогорска Л.А. Бургарт, которая исследует то, как миграционные волны повлияли на формирование католической общины Казахстана.

Большой пестротой и разнообразием отличается протестантизм на территории Казахстана. И, помимо традиционных, с давней историей направлений, таких как лютеранство, баптизм, сюда причисляют еще и новые, нетрадиционные формы религиозности, такие как пресвитерианство, харизматические направления христианства и пр. Оценивают роль и место указанных религиозных течений в современном казахстанском обществе А.Н. Жолдасбекова и Г.С. Жунусова.

Целью данной статьи является оценка влияния христианства на общественную жизнь независимого Казахстана, учитывая тот факт, что эта мировая религия не является господствующей в нашей стране.

Гипотеза, которой руководствовался автор при написании данной статьи, исходит из того, что необходимо четко разграничивать традиционную и нетрадиционную религиозность, причем в многонациональ-

ных и мультикультурных обществах это особенно актуально, для того чтобы оценивать степень влияния разных течений на общество и своевременно предотвращать нежелательные тенденции.

Цель и гипотеза определили *задачи* данного исследования:

- показать влияние разных направлений христианства на общественную ситуацию в Казахстане;
- выявить факторы, способствующие сохранению и развитию традиционных форм христианства на территории республики;
- оценить то, каким образом происходит распространение влияния нетрадиционных форм христианства, и то, насколько это необходимо нашему обществу.

Методы исследования

Для реализации исследовательских задач были использованы следующие методы исследования.

Исторический и сопоставительный анализ позволил показать этапы, сопоставить, как происходило распространение на территории Казахстана традиционных для христианства форм религиозности — православия, католицизма и лютеранства.

Ситуационный анализ был полезен в оценке того, каким образом заявляют о себе нетрадиционные формы христианства на территории Казахстана.

Также был использован СВОТ-анализ, который дал возможность выяснить, как христианство, вторая по степени распространения религия на территории Казахстана, влияет на общественную ситуацию.

Некоторые результаты были получены на основе полевых исследований автора, базировавшихся на методе включенного наблюдения.

Результаты исследования

Исследования, проводимые социологами в последние годы, показали, что казахстанцы, независимо от национальности и религии, которую они исповедуют, в большинстве своем не очень религиозны. Специфической особенностью религиозности казахстанцев является то, что религиозные нормы видятся в большей степени в качестве традиции, не имея в сознании людей характера обязательных предписаний. Однако год от года наблюдается постепенное увеличение доли верующих в общей массе населения и постепенное усиление роли религии в разных сферах общественной жизни.

Казахстан с высокой степенью уверенности можно назвать государством светским, и доля людей, ведущих религиозный образ жизни, невелика. По данным Комитета по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, численность верующего взрослого населения в Казахстане не превышает 15%. Это те люди, которые являются практикующими верующими. Около 70% населения причисляют себя к верующим, но активно не практикуют религиозные культы; атеистически настроено 10—12% взрослого населения.

В таблице 1 представлены официальные данные по поводу числа религиозных объединений в Республике Казахстан (Религиозные объединения Республики Казахстан [по состоянию на 10.04.2016 г.]. Официальные данные Комитета по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. — Астана, 2016. URL: <http://www.din.gov.kz> [доступ: 10.06.2016]).

Табл. 1. Религиозные объединения Республики Казахстан
(по состоянию на 10.04.2016 г.)

№	Конфессии	Количество
1	Ислам	2508
2	Православие	329
3	Пятидесятнические церкви	216
4	Евангельские христиане-баптисты	174
5	Католицизм	84
6	Свидетели Иеговы	60
7	Пресвитерианские церкви	107
8	Адвентисты Седьмого дня	42
9	Евангелическо-лютеранская церковь	13
10	Методисты	13
11	Новоапостольская церковь	26
12	Кришнаиты	8
13	Бахаи	6
14	Иудаизм	6
15	Буддизм	2
16	Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)	2
17	Меннониты	4
18	Церковь объединения Муна (Муниты)	1
	Итого	3601

Таким образом, число религиозных общин в республике равняется 3601, данные общины представляют интересы представителей 18

конфессий. Подавляющее большинство среди верующих казахстанцев составляют мусульмане, на втором месте — православные христиане. Представители этих двух конфессий в общей сложности составляют примерно 96% верующих. На оставшиеся 4% верующих христиан Казахстана приходится 11 видов различных христианских учений. Часть из них, такие как католицизм, лютеранство, представляют собой примеры традиционной религиозности. С другой стороны, такие религиозные учения, как Свидетели Иеговы, Пятидесятники и др., представляют собой примеры нетрадиционных для Казахстана религиозных верований.

Православие в Казахстане представляет собой второе по численности религиозное направление в республике.

В структуре Русской православной церкви (РПЦ) существуют 329 религиозных субъектов, 9 епархий, а также республиканское религиозное объединение — Митрополичий округ. Митрополичий округ является специфической формой объединения епархий. Данная форма существует только в Казахстане. Целью создания Митрополичьего округа стало улучшение координации религиозно-просветительской, издательской, социальной и другой общественно-значимой деятельности РПЦ в Казахстане. В 2003—2010 гг. округ возглавлял митрополит Мефодий (Немцов). В 2010 г. главой округа был назначен митрополит Астанайский и Казахстанский Александр (Могилёв). (Митрополичий округ в Республике Казахстан. Официальный сайт. URL: <http://mitropolia.kz> [доступ: 11.06.2016]).

Табл. 2. Православные епархии Казахстана

Епархия	Число приходов
Астанайская	70
Карагандинская	25
Кокшетауская	24
Костанайская	34
Павлодарская	20
Петропавловско-Булаевская	29
Уральская	22
Усть-Каменогорская	33
Чимкентская	28

Таким образом, данные, приведенные в таблице 2, показывают, что наиболее крупными епархиями Казахстана являются Астанайская, куда входят Астана — центр Казахстанской митрополии, Алматы, Алматинская область, Костанайская в составе Костанайской и Северо-Казахстанской областей и Усть-Каменогорская, географически включающая Восточно-Казахстанскую область.

Также в рамках православного поля действуют Армянская апостольская церковь и старообрядческие церкви.

Православная церковь Казахстана демонстрирует стабильную и конструктивную политику, главный вектор которой направлен на укрепление государственности и межконфессионального согласия. Православные священники принимают активное участие во всех мероприятиях, проводимых государственными органами, а также информируют власть об организации и проведении религиозных мероприятий. Место православия в жизни современного казахстанского общества справедливо отметил Президент РК Нурсултан Назарбаев, который высказался предельно емко: «...православие и ислам — два столпа, на которых зиждется духовность Казахстана» (Закон о религиозной деятельности и религиозных объединениях [16.11.2015 г.]. — Караганда: Карагандинский государственный технический университет — вуз Первого Президента Республики Казахстан, 2016. — 29 с. [С. 7]).

За последние годы в Республике Казахстан были построены и освящены храмы в гг. Алматы, Павлодаре, Экибастузе, Талдыкоргане, Костаное, Сатпаеве и ряде других городов и селений. В 2009 г. было завершено строительство Кафедрального Свято-Успенского собора в Астане, открыто несколько православных монастырей.

Православный праздник Рождества Христова (7 января) является праздничным днем в Казахстане. Русская православная церковь ведет большую благотворительную деятельность. Положительным моментом, связанным с деятельностью РПЦ в Казахстане, является ее активная гражданская позиция, которая выражается в сотрудничестве с рядом этнокультурных центров, общественных организаций, в том числе с фондом «Светоч», который активно работает в направлении развития и поддержания связей с общественными организациями и учебными заведениями России. В каждой православной церкви, помимо воскресных школ, работают молодежные группы, активность которых курирует специально закрепленный священник-руководитель. В феврале 2012 г. прошел I Съезд православной молодежи Республики Казахстан. По результатам его работы было организовано Православное молодежное движение Казахстана [2].

«Находясь на стыке цивилизаций, Казахстан играет заметную роль в сближении Востока и Запада, Европы и Азии, в сближении людей различных культур и религий. Ислам и православие представляют вероисповедание двух суперэтносов Евразийского континента, и мирное сосуществование этих религий в Казахстане является эффективным гарантом стабильности в его социальной и духовной жизни», — заявил в своем выступлении на II Съезде лидеров мировых и традиционных религий глава делегации Русской православной церкви митрополит Астанайский и Алматинский Мефодий [3, с. 189—191].

Православная церковь является постоянным участником всех мероприятий, которые проводятся для развития диалога религий и цивилизаций. Православные священнослужители постоянно участвуют в организации и проведении этнокультурных, межцивилизационных форумов, конференций, круглых столов, которые проводятся в республике.

Католицизм является пятой по числу религиозных общин религией в Казахстане. В 90-е гг. XX в., ставшие настоящим религиозным ренессансом в республике, стала возрождаться и Католическая церковь. В этот период стали регистрироваться католические общины, строиться новые церкви и часовни и оформилась церковная структура. 13 апреля 1991 г. Ватиканом была учреждена Апостольская администрация Казахстана. Существенную роль в развитии католицизма в современном Казахстане сыграли миссионеры, которые прибыли в Казахстан из таких стран, как Германия, Италия, Польша, Словакия и др.

Современная и ныне действующая структура Католической церкви в Казахстане действует с мая 2003 г. Вся территория Казахстана была включена в Католическую митрополию, в которую вошли архиепархия с центром в Астане, две епархии в Алматы и Караганде и апостольская администрация в Атырау. Также работают 40 женских и 12 мужских монашеских католических орденов и конгрегаций.

В Республике Казахстан имеется три официально зарегистрированные общины Украинской греко-католической церкви, а именно в гг. Астане, Павлодаре и Караганде.

Миграционный фактор долгие годы был одним из главных для многих католических приходов Казахстана. Важно отметить и то, что эмиграция польского и немецкого населения серьезно сократила число верующих католиков, с одной стороны, а с другой стороны, произошли важные изменения морального облика последователей католицизма. Потери, понесенные Католической церковью в результате эмиграции, остаются невозполнимыми. Католические общины современного Казахстана сегодня

многонациональны, в их составе не только лица немецкой и польской национальности, но и украинцы, корейцы, также есть незначительное число казахов, принявших католицизм [4, с. 54—61].

Огромную важность для Казахстана имел государственный визит Папы Римского Иоанна Павла II в Астану в сентябре 2001 г. В ходе визита Его Святейшество провел встречу с Н.А. Назарбаевым, посетил ряд мест в Астане, встретился со студентами и преподавателями Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва. Была отслужена месса в Кафедральном соборе Матери Божьей Неустанной Помощи.

Деятельность Римско-католической церкви на территории независимого Казахстана связана с активной работой в области различных социальных проектов. При всех католических храмах действуют разные кружки по изучению основ католического вероучения, подготовке к крещению, причастию, венчанию и др. Также при некоторых общинах имеются детские сады, летние лагеря, в которых молодежь принимает непосредственное участие, организовывая различные фестивали, походы. В с. Корнеевка Северо-Казахстанской области имеется христианская начальная школа Святого Лоренца, которую в настоящее время преобразовывают в среднюю школу. Школа действует с 1 сентября 1996 г.

Католическая церковь Казахстана ведет большую благотворительную работу. Активными благотворителями являются женские монашеские организации: Сестры Бедного Младенца Иисуса, Сестры служительницы Иисуса в Евхаристии, Сестры семьи Марии Соискупительницы, Школьные сестры св. Франциска, Сестры Евхаристического Иисуса, Служительницы непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии, Сестры кармелитки босые, Сестры Матери Божьей милосердия. С 1997 г. в Казахстане работает филиал международной благотворительной католической организации «Каритас». Миссия «Каритас» оказывает безвозмездную материальную помощь, организует бесплатное обучение итальянскому и английскому языкам [5, с. 605—609].

Таким образом, с анализом активности православной и католической ветвей христианства и оценкой их места в социальном ландшафте Казахстана все довольно ясно и предсказуемо. Данные церкви положительно оцениваются государством, активно идут с ним на взаимодействие, участвуя в разного рода мероприятиях, организуемых государством, для усиления межэтнического и межкультурного диалога. Сами церкви ведут активную социальную деятельность, участвуя в благотворительности, работая с молодежью и пр. Православные и католики Ка-

захстана представляют собой примеры традиционной религиозности. Развитие, сохранение, формирование устойчивого тренда, связанного с положительным восприятием наличия данных религий на территории Казахстана, — важный аспект сохранения мира и стабильности.

Протестантизм в современном Казахстане, второе религиозное течение после ислама по количеству религиозных объединений, имеет долгую историю. Сама специфика протестантизма состоит в его чрезвычайной пестроте. Самыми крупными протестантскими образованиями Казахстана являются пятидесятнические церкви, церкви евангельских христиан-баптистов, пресвитерианские церкви (Религиозная ситуация в Республике Казахстан. Официальная статистика Комитета по делам религий Министерства культуры и спорта РК // <http://mks.gov.kz>).

Первые лютеране на территории Казахстана появились в конце XVIII в., в Астане создание первой общины берет начало с конца XIX в. В независимом Казахстане дата первичной регистрации Евангелическо-лютеранской церкви (ЕЛЦРК) — 1993 г. Сегодня на территории республики имеются шесть областных филиалов: Акмолинский, Северо-Казахстанский, Костанайский, Павлодарский, Восточно-Казахстанский и Жамбылский. Кроме того, как юридические лица зарегистрированы: общины в Астане, Павлодаре и Лютеранская духовная семинария (в которой на настоящий момент образовательная деятельность не проводится).

Жизнь лютеранских общин, да и сама их организация претерпели серьезные изменения. В частности, практически исчезли так называемые «братские общины». Основной причиной этому явился массовый выезд членов братских общин в Германию. Кроме того, произошло расширение национального состава. Лютеранские религиозные общины перестали быть чисто немецкими, даже язык богослужения стал русским. По данным Юрия Новгородова, епископа Евангелическо-лютеранской церкви в Республике Казахстан, число немцев в приходах не превышает 40—45%. Из социальных проектов лютеран Казахстана важно отметить следующие инициативы. В разные периоды оказывалась гуманитарная помощь медикаментами и одеждой пациентам Купчановского (Акмолинская обл.), Алексеевского (Кокчетавская обл.) домов для психохроников, Астанинского психоневрологического диспансера. Оказывалась поддержка Дому престарелых в Новотимоевке, детским домам в с. Песчаное (Павлодарская обл.) и в с. Петровка (Акмолинская обл.). Оказывается посильная помощь организациям здравоохранения в г. Астане (городская больница №1 и НИИ травматологии и ортопедии) и пр. В общинах ведется работа с детьми и молодежью [6].

Баптизм является одним из самых распространенных направлений протестантизма в мире. К моменту распада СССР в Казахстане было зарегистрировано 109 общин евангельских христиан-баптистов. Среди баптистов сегодня насчитывается много русских, украинцев, белорусов, казахов, корейцев. В настоящее время в Казахстане действуют 174 религиозных объединения евангельских христиан-баптистов (Путеводитель религиоведа. — Астана: АДР РК, 2014. — 192 с. [С. 74]).

Говоря о том, как ЕХБ РК выстраивают свои отношения с государством и окружающими их другими религиозными общинами, стоит привести выдержку из официального документа «Вероучение Союза церквей ЕХБ Казахстана», принятого на Третьем съезде Союза церквей ЕХБ Казахстана: «... но всякий истинный христианин должен быть примерным гражданином своего государства, повинующимся власти «не только из страха наказания, но и по совести» [7].

И если верующие лютеране, баптисты появились на территории Казахстана давно — история существования этих религиозных общин тесно взаимодействует с историей самой республики, — то после распада СССР, в связи со снятием запрета на религию, широкое распространение получили нетрадиционные конфессии. К нетрадиционным религиям относятся обычно те учения, которые возникли в XX или XIX в. Такое вероучение не имеет глубоких связей с историей и культурой государства или отдельных этносов. Религиозные догматы подобных учений, согласно широкому распространенному мнению, находятся в глубоком противоречии с каноническими доктринами [8, с. 96—101]. Многие из таких учений относят себя к протестантскому направлению христианства. Для Казахстана это стало новым явлением в религиозной жизни. В Казахстане это такие направления, как пятидесятники, пресвитериане и ряд харизматических направлений. Эти общины появились преимущественно в 90-х гг. XX в.

Большая часть из названных религиозных общин были созданы при действенном участии иностранных миссионеров, получали существенную помощь из-за рубежа. В своей деятельности эти объединения ориентируются на активную проповедническую работу среди представителей различных национальностей.

Наиболее известны следующие объединения: «Грейс-Благодать», «Еммануил», «Новая жизнь», «Агапе», «Сун Бок Ым», «Церковь Полного Евангелия». Многие пятидесятнические и пресвитерианские церкви были созданы миссионерами из Южной Кореи и США. Эти объединения поддерживают прочные связи с единоверцами за рубежом.

Особое место занимают такие общины, как Новоапостольская церковь, «Свидетели Иеговы» и мормоны («Церковь Иисуса Христа святых последних дней»).

Пятидесятничество — третье по количеству религиозных общин в Казахстане — представлено различными течениями. Наиболее известны Евангельские христиане в духе Апостолов (единственники), самые крупные общины которых находятся в гг. Караганде и Алматы.

Пресвитерианство в Казахстане распространялось усилиями проповедников из США и Южной Кореи. На сегодняшний день число религиозных общин пресвитерианцев достигает 107. К наиболее крупным пресвитерианским формированиям относятся церковь «Грэйс-Благодать», Первая пресвитерианская церковь, Алматинская региональная пресвитерианская церковь. С точки зрения традиционных христианских учений пресвитерианские культы являются сектантскими [9].

И вот здесь возникает определенная проблема. Так, именно нетрадиционные направления показывают отсутствие диалога с властью. Весьма неоднозначна деятельность церкви «Грэйс». Формула, которая действует для привлечения последователей, именуется «Г 12». Расшифровать это можно так, первое поколение последователей — 12 человек, каждый должен привести в общину еще 12, так получается число 144 и т.д. Прихожанам рекомендуют уход от мирской жизни, движимого и недвижимого имущества в пользу церкви. В церкви осуществляется обязательный сбор десятины. Церковь «Грейс», начиная с 2008 г., постоянно фигурировала в криминальных хрониках. В течение 2010 г. в прессе появлялись материалы о противоправной деятельности ее адептов. Пасторы церкви «Грейс-Благодать» обвинялись в избиении прихожан, экономической контрабанде. В апреле 2012 г., в ходе проверки в РО ЕХМЦ «Благодать», были изъяты печатные материалы религиозного содержания. Анализ данной литературы признал ее направленной на возбуждение религиозной вражды и розни. 17 мая 2013 г. сотрудниками полиции г. Астаны был задержан руководитель религиозного объединения «Астанинская благотворительная миссия «Благодать». Были заведены уголовные дела по подозрению в шпионаже в пользу иностранных государств в отношении членов церкви «Грейс-Благодать» [10].

Харизматическое направление в Казахстане представлено такими религиозными объединениями, как «Агапе», «Новая жизнь», «Новое небо», «Благая весть», «Живая лоза» и т.д. Все эти объединения являются нетрадиционными, все они создавались при активном содействии западных миссионеров. Деятельность этих объединений также весьма неоднозначна.

С лета прошлого года в ДВД г. Алматы ведется работа по проверке деятельности церкви «Новая жизнь» по подозрению в мошенничестве. В этом году в сети Интернет появлялись ролики, на которых пасторы данной церкви просили прихожан дарить им «серьги и конину».

В Казахстане с 1996 г. действует религиозный центр «Свидетели Иеговы», расположенный в г. Есик Алматинской области. Несмотря на то, что в Казахстане религиозная община «Свидетели Иеговы» официально зарегистрирована, нужно заметить, что это объединение большим количеством специалистов-религиоведов относится к деструктивным объединениям. «Свидетели Иеговы» отрицают любое земное правительство и все, что с ним связано: службу в армии, присягу на государственные должности, государственные праздники, отдавание почестей флагу, голосование и избрание на выборные должности и т.п. Все члены секты считают себя гражданами единого теократического государства — «Общества Сторожевой башни» со столицей в г. Бруклине.

Обсуждение результатов

Для того чтобы оценить влияние христианства на общество Казахстана, проведем SWOT-анализ.

Табл. 3. Оценка степени влияния христианства на общественную ситуацию в Казахстане

Strength (Сила)	Weakness (Слабость)
Вторая по степени распространения религия в Казахстане. Православные, католики, лютеране — представители традиционной религиозности для нашего региона. Эффективно построенный диалог между властью и представителями традиционных форм христианства.	Тенденция к уменьшению числа верующих христиан среди баптистов, лютеран, католиков. Увеличение верующих, исповедующих новые, нетрадиционные формы религии. Влияние нетрадиционных, деструктивных направлений (Грейс, Свидетели Иеговы, Новая жизнь).
Opportunities (Возможности)	Threats (Угрозы)
Реализация духовных устремлений большой части неказахского населения республики. Активность конфессий, направленная на помощь социально уязвимым слоям населения, образовательные проекты.	Размывание традиционной религиозности «Тихий» сепаратизм.

Сделав обзор того, какую роль христианство играет в современном Казахстане, можно однозначно говорить о том, что такие его направления, как православие, лютеранство, католицизм, привычны и традиционны для нашего общества. А вот по поводу нетрадиционных форм христианства необходимо все-таки задаться вопросом о том, нужны ли нашей республике такие конфессии.

Многие из этих конфессий призывают, например, к отказу от службы в армии, неприятию государственной власти и т.п. Понятно, что для демократического государства принцип свободы совести и вероиспо-

ведания — один из основополагающих, но поощрять, способствовать распространению «нетрадиционных» форм религии просто опасно. Думается, что органы государственной власти в Казахстане занимают рациональную, взвешенную позицию по отношению к таким течениям. И если данные миссии не желают идти на компромисс и уважать законы тех стран, где работают, то их запрет, вероятнее всего, будет лучшим выходом из сложившейся ситуации, потому что сегодняшняя религиозная ситуация в Казахстане имеет явную тенденцию к усложнению. Угроза «тихого экстремизма», исходящая от деструктивных течений, должна быть своевременно предотвращена не только законодательным путем, но и силами общественности [11].

Выводы

Проведенный анализ позволил автору работы прийти к следующим выводам. Так, на территории Казахстана насчитывается 1070 христианских религиозных общин. Это около трети от общего количества всех религиозных общин республики.

На территории Казахстана существуют так называемые представители традиционного христианства, которыми являются православные, католики, лютеране. Анализ активности данных общин позволят положительно оценить их деятельность. Имеет место эффективно построенный диалог между властью и представителями традиционных форм христианства.

Изменения в национальном составе населения Казахстана, связанные с массовым выездом представителей немецкой национальности, привели к общему сокращению на территории Казахстана лиц, исповедующих баптизм, лютеранство, католицизм. Но, тем не менее, религиозная жизнь в данных общинах не остановилась. Хотя имеет место тенденция, связанная с увеличением числа верующих, исповедующих новые, нетрадиционные формы религии. Новым явлением в жизни независимого Казахстана стали такие религиозные течения, как церковь «Грейс», «Свидетели Иеговы», «Новая жизнь». Репутация данных религиозных учений неоднозначна, часть экспертов относят их к тоталитарным и деструктивным сектам. Нельзя считать их деятельность абсолютно безупречной и на территории нашей республики. Периодические громкие скандалы, уголовные дела — это не те события, которые должны сопровождать деятельность какой бы то ни было религиозной общины. Кроме того, в плане сохранения общественной безопасности такая активность влечет за собой размывание традиционной религиоз-

ности. Именно представители «нетрадиционного христианства активно работают на привлечение казахоязычной молодежи, тем самым содействуя размыванию традиционной религиозности, которая в многоконфессиональных общинах является одним из столпов, обеспечивающих мирную жизнь социума. Также нельзя упускать из внимания так называемый «тихий» сепаратизм. Не секрет, что именно в среде «нетрадиционных» христиан активно распространяются идеи о неприятии светского государства, о неслужении в армии, говорится о том, что нельзя уважать символы государственной власти, так как выше власть духовная. Несмотря на то, что, по сравнению с жителями Казахстана, последователями православия, католицизма и пр., число сторонников «Свидетелей Иеговы» или «Новой жизни» относительно невелико, важно не упустить ситуацию из внимания. Сегодняшнее межконфессиональное согласие в Казахстане — это наше большое достижение и любая, даже гипотетическая угроза этому не должна быть оставлена на самотек как со стороны власти, так и со стороны гражданского общества.

Подводя итог данной работы, отметим, что история христианства на территории Казахстана насчитывает несколько сот лет. Первые христианские общины на территории нашей страны появились еще в период средневековья. Православие пришло сюда в период вхождения в состав Российской империи, примерно тогда же, но уже с немецкими переселенцами, сюда пришло лютеранство, католицизм, баптизм. Каждая из названных конфессий внесла свой вклад в формирование уникального состояния стабильности, терпимости, взаимопонимания, которое сегодня характеризует общественную ситуацию в Казахстане. Однако важно понимать, что само по себе состояние мира не будет постоянным, только планомерная работа по его сохранению будет эффективным способом сохранения безопасного состояния общества. И одна из угроз — это распространение нетрадиционных форм религиозности. Понятно, что существенной и реальной опасности сегодня это не представляет ввиду того, что численно такие общины невелики и существенного влияния на религиозную ситуацию они не оказывают. Но упускать из внимания их активность нельзя. Именно в постоянном мониторинге, активном взаимодействии состоит главный способ поддержания стабильности в обществе.

Проведенное исследование показывает, что современное христианство в Казахстане является достаточно разнородным. Несмотря на то, что представители христианского вероисповедания не являются численно преобладающими, значение их в общественной жизни современного социума существенно. Вопрос выстраивания государственно-кон-

фессиональных отношений, с одной стороны, обеспечивает свободу вероисповедания, а с другой стороны, требует постоянного мониторинга, недопущения распространения деструктивных течений, формирования нормальных этноконфессиональных отношений, построенных на взаимоуважении и признании ценности любых религий, которые существуют в нашей стране.

Список литературы

1. *Нурманбетова Д.Н., Сандыбаева У.М.* Религиоведческий анализ религиозной ситуации в Республике Казахстан. — Астана, 2016. URL: <http://repository.enp.kz> (доступ: 10.06.2016).
2. История православия в Казахстане. URL: <http://e-history.kz> (доступ: 12.06.2016).
3. *Михайлова О.Н., Кенжетеева А.Б.* Духовное согласие — основа единства и консолидации народа Казахстана // Межвузовский вестник. — 2011. — N 1 (4). — С. 189—191.
4. *Бургарт Л.А.* Влияние миграционных факторов на формирование и развитие Католической церкви в Казахстане // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сб. науч. трудов VII международной научной конференции. — Усть-Каменогорск, 2006. — 408 с.
5. *Молдабекова Г.* Католицизм на территории Казахстана в историческом аспекте // «Ғылым және білім — 2014» атты студенттер мен жас ғалымдардың IX Халықаралық ғылыми конференциясы = IX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование — 2014» = The IX International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education — 2014». — 5831 с. URL: <http://www.enp.kz> (доступ: 09.06.2016).
6. *Епископ Юрий Новгородов.* Евангелическо-лютеранская церковь в Республике Казахстан. — Усть-Каменогорск, 2012. URL: <http://www.edinstvo.kz> (доступ: 11.06.2016).
7. Вероучение Союза церквей ЕХБ Казахстана. URL: <http://baptist.kz> (доступ: 11.06.2016).
8. *Жунусова Г.С.* Факторы распространения нетрадиционных религиозных течений на территории Республики Казахстан // Новые религиозные движения в Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Караганда, 8—9 апреля 2010 г.). — Астана: Международный центр культур и религий, 2010. — 256 с.
9. Христианство в Казахстане. К истории христианства в Казахстане. URL: <http://www.mckr.kz> (доступ: 11.06.2016).
10. Церковь Благодать — религиозное объединение или секта: Краткая история. URL: <https://zonakz.net> (доступ: 11.06.2016).
11. *Жолдасбекова А.Н.* Протестантизм в современном Казахстане // Новые религиозные движения в Евразии. Сборник материалов международной научно-практической конференции (г. Караганда, 8—9 апреля 2010 г.). — Астана: Международный центр культур и религий, 2010. — 256 с.

МИРОВОЙ ОПЫТ ВЫСТРАИВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Анатолий Косиченко

Главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения (ИФПиР) КН МОН РК, доктор философских наук, профессор

Аннотация. В современном мире религия играет противоречивую роль: с одной стороны, она относится к разряду внешне уважаемых феноменов, к чему-то высокому и значительному, а с другой — в реальной политике позитивная роль религии сведена к минимуму, ее рекомендациями не пользуются, ее ценности почти полностью вытеснены ценностями либерализма. Напротив того, разрастается религиозно мотивированный экстремизм и терроризм, не имеющий к религии никакого отношения, но прибегающий к псевдорелигиозной аргументации. Помимо этого, религия в современном мире превратилась в важнейший фактор геополитики. Это, с одной стороны, повышает ее статус, а с другой — искажает ее внутреннее содержание, смещая его от собственно внутрирелигиозного до радикально политизированных форм религии. Религия втягивается в стратегическое противостояние крупнейших держав современного мира, в процессы жесткого отстаивания национальных интересов, в цивилизационные, идейные и культурные противоречия современности. Под влиянием процессов секуляризации в большинстве современных государств религия перестала быть социально значимым феноменом, она вытеснена на периферию общественной жизни и общественного сознания, государство максимально дистанцируется от религии, превратив ее в субъект юридического права и феномен гражданского общества. В этом контексте актуальным представляется анализ мирового опыта выстраивания конкретных моделей религиозной политики зарубежными странами с последующей адаптацией этого опыта Республикой Казахстан. В свою очередь, Казахстан сформировал собственную модель государственно-конфессиональных отношений, которая признана мировым сообществом одной из самых эффективных в современном мире. Однако критически заимствовать зарубежный опыт всегда не лишне, тем более что угрозы и вызовы в религиозной сфере становятся разнообразнее и изощреннее. Поэтому задачи совершенствования государственной политики РК в области религии имеют все возрастающую актуальность. Сочетание отечественного опыта и опыта зарубежных государств поможет выработать конкретные формы развития государственно-конфессиональных отношений в нашей стране.

Ключевые слова: религия, государство, религиозная политика, мировой опыт, секуляризация, модели, светскость, свобода вероисповедания.

КОНФЕССИОНАЛДЫ САЯСАТТЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ӘЛЕМДІК ТӘЖІРИБЕ

Анатолий Косиченко

Аңдатпа. Қазіргі таңда дін карама-қайшы рөл атқарады: бір жағынан ол сырттай құрметтейтін, жоғары және маңызды құбылыстар қатарына жатса, екінші жағынан — шынайы саясатта діннің жағымды рөлі барынша төмендетіледі, оның кеңестерін ешкім қолданбайды, оның құндылықтарын либерализм құндылықтары толықтай ығыстырып шығарған. Керісінше, дінге ешқандай қатынасы жоқ, дегенмен жалған діни негіздемеге сүйенетін дінді жамылған экстремизм и терроризм дамып отыр. Сонымен бірге қазіргі таңда дін геосаясаттың маңызды құралдарының біріне айналған. Бұл бір жағынан оның мәртебесін көтерсе, екінші жағынан оның ішкі мәнін бұрмалайды, оны ішкі діни сипаттан саясиленған радикалды түрлерге ығыстырып шығарады. Дін қазіргі таңдағы ірі державалардың стратегиялық қақтығысына, ұлттық мүдделерді жүзеге асыру үрдістеріне, өркениеттік, идеялық және мәдени карама-қайшылықтарына тартылып отыр. Секуляризация үрдісінің ықпалының нәтижесінде қазіргі таңдағы көптеген мемлекеттерде дін маңызды әлеуметтік құбылыс болудан қалды, ол қоғамдық өмір мен қоғамдық сананың шетіне ығыстырылып шығарылды, мемлекет дінді заңнамалық құқықтың субъектісі мен азаматтық қоғамның субъектісіне айналдырып, барынша алшақтап отыр. Осы орайда, діни саясаттың нақты үлгілерін қалыптастыруда әлемдік тәжірибені талдау және оны Қазақстан Республикасына бейімдеу өзекті болып табылады. Қазақстан өз кезегінде мемлекеттік-конфессионалды қатынастардың өзіндік үлгісін құрды, ол әлемдік қауымдастық тарапынан әлемдегі ең тиімді үлгі ретінде мойындалды. Алайда, діни саладағы сын-қатерлер барған сайын күшейіп, қауіпті болған кезеңке шетелдік тәжірибеге сыни қарау артық болмайды. Сол себептен, ҚР дін саласындағы мемлекеттік саясатын дамытудың міндеттері аса өзекті болып отыр. Отандық және шетелдік тәжірибені салыстыру еліміздегі мемлекеттік-конфессионалды қатынастардың нақты түрлерін дамытуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: дін, мемлекет, діни саясат, әлемдік тәжірибе, секуляризация, үлгілер, зайырлық, сенім бостандығы.

WORLD EXPERIENCE IN DEVELOPMENT OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

Anatoly Kosichenko

Abstract. In the modern world, the role of religion is rather ambiguous. From the one hand, it is seen as something significant sublime, and worth of respect.

From the other, the role of religion in the actual political affairs is minimum, its recommendations are overlooked, and its values are almost entirely transplanted by the liberal values. Moreover, the religiously motivated extremism and terrorism are expanding. The latter, having nothing to do with religion per se, uses pseudo religious argumentation. Besides, religion today is becoming an important factor of geopolitics. This, although elevating its status, distorts its essential content shifting it from genuinely inner-religious one towards more radical politicized forms. Religion is increasingly present in the strategic rivalry of the major powers, in the processes of severe competition of the national interests, in the civilizational, ideological, and cultural clashes of the contemporary world.

Due to secularization of the majority of modern states, religion has lost its place as a significant phenomenon of social life having been forced to the periphery of public life and public consciousness. States distance themselves from religion leaving it in the realm of law and civil society. Thus, the analysis of the certain experiences accumulated in some foreign states in terms of building the relations between religion and state appears is relevant and necessary for Kazakhstan so that they could be adjusted and applied here. At the same time, the model of the relations between religion and state built in Kazakhstan has been internationally recognized and acclaimed as one of the most successful. This, however, shall not prevent Kazakhstan from accommodating some good experience especially given a more complicated and complex nature of threats and challenges in the religious sphere. Therefore, the task of enhancement of the government policy in the religious affairs is increasingly important and the combination of the domestic and international expertise shall contribute into its fulfillment.

***Key words:** religion, state, religious policy, international experience, secularization models, secularism, freedom of worship.*

Введение

Перед Республикой Казахстан в реально практической плоскости встала проблема конкретизации принципа светскости, заявленного в Конституции РК в качестве базового для выстраивания государственной политики в религиозной сфере. Без конкретизации этого стратегически верного для полиэтнического и многоконфессионального Казахстана принципа и доведения его содержания до уровня конкретной тактики государства в религиозной сфере дальнейшее развитие государственно-конфессиональных отношений невозможно. В этой связи становится предельно актуальной задача анализа мирового опыта религиозной политики, обращения к выработанным отдельными странами моделям этой политики с последующей адаптацией позитивных и приемлемых для Казахстана аспектов данных моделей. Такой анализ и является целью данной статьи.

В современном мире имеется большое разнообразие моделей государственной политики, реализуемых в том или ином государстве. Укажем на контекст этого разнообразия.

1. Современный мир подвергся секуляризации; характер и содержание веры в Бога и, соответственно, содержания религии изменились. В большинстве современных государств религия перестала быть социально значимым феноменом, она вытеснена на периферию общественной жизни и общественного сознания, государство максимально дистанцируется от религии. В лучшем случае религия является частным делом индивида, но свобода исповедовать религию путем реализации ее норм и ценностей в общественном пространстве большинства современных государств существенно ограничена [1].

2. Абсолютное большинство государств современного мира — светские. При этом светскость государства понимается крайне расплывчато и неопределенно. Имеются разные степени отделения религиозных объединений от государства, к тому же чаще всего, несмотря на светскость, государства сохраняют за собой возможность в той или иной мере вмешиваться в «дела религиозных общин» и контролировать религиозную ситуацию. Принцип светскости настолько обширен и в некотором отношении не определен, что для осуществления реальной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений государствам приходится конкретизировать этот принцип в соответствии с традициями государств. Так возникает многообразие моделей светскости и, соответственно, форм социально-политического разрешения проблем, встающих перед руководством и обществами различных государств в связи с необходимостью проведения конфессиональной политики.

3. Спектр конкретных моделей светскости чрезвычайно широк: от некоторого подобия теократии до скрытого атеизма. Конкретное содержание принципа светскости формируется под влиянием следующих взаимосвязанных факторов: традиций страны, в первую очередь религиозных традиций; уровнем развития политических систем; конфессиональной палитрой; уровнем и характером религиозности той или иной страны; социально-политической и экономической ситуацией, которая выступает общим фоном для конкретизации принципа светскости; наличных проблем, которые имеются в религиозной сфере. Безусловными критериями светскости являются: запрет партий на религиозной основе; непризнание юрисдикции религиозных судов; запрет религиозным организациям отправлять религиозные церемонии в государственных органах, учреждениях образования, здравоохранения; при этом

государственные служащие, исполняя свои должностные обязанности, не имеют права внешним образом демонстрировать свою религиозную принадлежность [2].

4. Религия в современном мире превратилась в важнейший фактор геополитики. Это, с одной стороны, повышает ее статус, а с другой — искажает ее внутреннее содержание, смещая его от собственно внутри-религиозного до радикально политизированных форм религии. Религия втягивается в стратегическое противостояние крупнейших держав современного мира, в процессы жесткого отстаивания национальных интересов, в цивилизационные, идейные и культурные противоречия современности.

5. Вносят свой вклад в содержание религиозной политики и сами религии. Религия как воссоединение человека с Богом — сфера уникальная. Политика в этой сфере должна быть очень тонкой. Но она таковой не является. Она остается, как и всякая политика, искусством возможного. Поэтому очень часто государство выстраивает не вполне удачную религиозную политику. Но и религии под воздействием многих из обозначенных выше процессов «сдают свои позиции». Так, сначала протестантизм, а затем и католичество в стремлении удержать паству, остаться публичной сферой, отступают от своих глубинных истин, снижают уровень требований к верующим, даже «заигрывают» с секулярным обществом. Евангельские нормы и ценности, безусловные по своей сущности, подвергаются деформациям. Религии постепенно соглашаются с либеральным пониманием сущности человека, его прав и свобод.

6. Чрезвычайно важен для содержания моделей религиозной политики законодательный аспект. Особо значимы международные документы, регулирующие отношения государств с религиозными объединениями (как внутри стран, так и на международной арене).

Таков концептуальный контекст, в который помещена проблематика нашей статьи. Исследованию этих проблем посвящено множество монографий и статей, некоторые из этих проблем обсуждены достаточно полно, ряд других дискутируются, но многое остается не проясненным. Так, стратегические: концептуальные, теоретические и теологические аспекты секуляризма глубоко и продуктивно исследуются в работах Хосе Казановы [3, 4], ставшими классикой. Вопросам взаимоотношения религии и светского государства посвящены статьи Хавьера Мартинеса Торрона и Коула Дарема [5], проблемы влияния секуляризма на международные отношения и геополитику детально анализируются в монографии Херда Шакмана [6], государственно-конфессиональные

отношения и отношение общества к различным проявлениям религиозного фактора изучаются Питером Бергером [7, 8].

Много занимаются проблемами взаимоотношения религии, государства и общества российские ученые. Из всего обилия публикаций на эти темы отметим второй номер журнала «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» за 2012 г., целиком посвященный этой теме. А. Карпов, А. Кырлежев и другие религиоведы высказали интересные мысли по тематике данной статьи. Здесь же были опубликованы известнейшие работы П. Бергера «Фальсифицированная секуляризация» и Б. Тернера «Религия в постсекулярном обществе». Впрямую цели описать модели государственной политики в западных странах эти авторы не ставили, но многие из проблем функционирования религии в государствах разного типа в этих работах анализировались [9]. Очень весомыми являются работы И.В. Понкина, на наш взгляд, самого глубокого исследователя проблематики государственно-конфессиональных отношений, типов светскости в современном мире и зарубежного законодательства в религиозной сфере [10]. Отечественные аналитики также не обошли вниманием исследуемую в статье тему, но надо заметить, что работа ими ведется в основном в практическом русле по заданиям различных ведомств, концептуально проблема исследуется мало.

Цель, которую мы ставим в данной статье, состоит в анализе конкретной религиозной политики ряда стран современного мира с последующей адаптацией (в последующей работе) этого опыта к Казахстану. Соответственно, задачи заключаются в исследовании истории развития зарубежной религиозной политики, в рассмотрении законодательной базы этой политики, в экспликации моделей конфессиональной политики ряда стран, в формулировании выводов, которые впоследствии лягут в основу рекомендаций по совершенствованию государственно-конфессиональной политики Республики Казахстан. Гипотезами, которые выдвигаются в статье, стали следующие: современная политика зарубежных государств в сфере религии базируется на истории этих государств, на тех формах демократии, которые присущи данным государствам, на религиозной ситуации в них, на общественном значении религии, на объемах и глубине веры населения. Важнейшим предварительным предположением для анализа явился тезис о доминирующей роли секуляризации в современном мире и как следствие этой доминанты — о формализации государственной политики в области религии, ситуативной тактики и отсутствии стратегии, что, как показывает опыт, делает многие зарубежные страны неспособными к эффективно-му решению встающих перед ними проблем в религиозной сфере.

Методы исследования

При написании статьи выберем следующую методологию. Будем анализировать мировой опыт конфессиональной политики в разрезах: по странам и регионам мира, по государственному устройству, по религиозной ситуации с акцентом на доминирующие религии в той или иной стране, по историческим традициям и системе ценностей. Для выполнения этой задачи прибегнем к методу исторической реконструкции, который необходим для воссоздания истории формирования социально-политических приоритетов в восприятии религии населением различных зарубежных стран, к методу единства исторического и логического, когда из анализа истории естественно вытекает содержание и логика исследования того или иного феномена — в нашем случае — процессов функционирования религии в обществе и государстве, к методу единства единичного и всеобщего, который позволяет увидеть всеобщие закономерности из анализа совокупности единичных фактов и событий. Компаративистский метод необходим при сравнении моделей религиозной политики различных государств (хотя это сравнение не входило в наши задачи, но косвенное присутствие разных моделей, а следовательно, и их соотнесение имеется в статье).

Герменевтика явилась одним из основных методов — проникнуть в имплицитно поднимаемые в статье системы традиционных ценностей обществ ряда зарубежных государств без герменевтики невозможно. Наконец, аксиологический метод, согласно внутренней логике статьи, — самый важный для нас: ценности выступают основой и источником отношения населения к религии или к отказу от нее, столкновение религиозных и либеральных ценностей пронизывает всю религиозную проблематику современности.

Результаты исследования

Международное законодательство в сфере религии

Для исследования конкретного содержания религиозной политики зарубежных государств в первую очередь надо обратиться к законодательствам этих государств в сфере религии — роль законодательства для формирования моделей религиозной политики трудно переоценить. Вследствие глобализации и большого значения межгосударственных союзов особо значимы международные документы [11].

Основополагающим международным документом, регулирующим право на свободу вероисповедания, является Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. Статья 18 этого документа гласит: «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. 2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (Международный пакт о гражданских и политических правах. URL: <http://www.un.org> [доступ: 11.05.2015]). По значимости приближается к этому документу Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая еще в 1950 г., но с тех пор многократно дорабатываемая. Статья 9 этого документа во многом повторяет принципы Международного пакта о гражданских и политических правах (Конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: <http://www.coe.int/tu> [доступ: 15.05.2016]).

Чрезвычайно важен и такой документ, как Международный акт о религиозной свободе. «Международный акт о религиозной свободе, принятый Конгрессом США в 1998 г., дает формулировку нарушения религиозной свободы: произвольное запрещение, наказание за или ограничение (1) мирных религиозных собраний, таких как: богослужение, проповедь и молитва, куда также относится и произвольное требование регистрации; (2) открытого исповедания веры; (3) изменения религиозных убеждений человека и принадлежности к той или иной религиозной группе; (4) владения и распространения религиозной литературы, включая Библию; (5) воспитания детей в соответствии с религиозными убеждениями и практиками родителей. Примеры нарушения религиозной свободы включают: жесткие требования регистрации, предпочтение конкретных религиозных групп, произвольное утверждение требований к деятельности религиозных организаций и групп, ограничение открытых и свободных выступлений, злоупотребление вопросами национальной безопасности».

Европейское законодательство в сфере религии имеет два крупных блока. Первый — национальные законодательства, которые достаточно

патронажны в отношении религии (согласно им, почти в каждой стране Европы на конституционном уровне или на уровне специального законодательства оговорено преимущественное право для той или иной религии). Второй блок — международный (общеевропейский или общемировой). Именно во втором блоке и принимаются законы и иные акты, в ходе реализации которых религия утрачивает свои права. Причем религии специально как бы и не подвергаются дискриминации, они, как и всякие другие объединения граждан, напротив, защищаются. Но меняется стратегическое видение сущности религии, и уже под это видение принимаются международные документы. Вот как, к примеру, определяются религии в концептуально значимом документе — Рекомендация ПАСЕ № 1804 «Государство, религия, светское общество и права человека» (2007 г.). «Парламентская Ассамблея отмечает, что религия является важной характерной чертой европейского общества. Это обусловлено исторически многовековым присутствием определенных религий и их влиянием на европейскую историю. Сегодня число религий на нашем континенте продолжает увеличиваться, растет число церквей и верований» (ст. 1). И далее: «За последние 20 лет религиозный культ претерпел заметный упадок в Европе. Менее одного европейца из пяти посещают религиозную службу не реже одного раза в неделю, тогда как 20 лет назад эта цифра была в два раза больше. В то же время мы наблюдаем усиление мусульманских общин практически во всех государствах — членах Совета Европы» (ст. 6). «Свобода религии защищена статьей 9 Европейской конвенции о правах человека и статьей 18 Всеобщей декларации прав человека. Однако эта свобода не является беспредельной: неприемлема религия, доктрина или обряды которой противоречат другим основным правам» (ст. 16). «Государства также не имеют права допускать распространение религиозных принципов, которые, будучи воплощенными в жизнь, нарушали бы права человека. Если в этом плане существуют сомнения, государствам следует потребовать от религиозных лидеров занять недвусмысленную позицию в пользу главенства прав человека, изложенных в Европейской конвенции о правах человека, над любым религиозным принципом» (ст. 17).

Укажем на другие документы ПАСЕ, оказавшие значительное влияние на религиозную ситуацию в Европе и на национальные модели государственно-конфессиональных отношений: Рекомендация 1556 «Религия и перемены в Центральной и Восточной Европе» (2002 г.), Резолюция 1464 «Женщины и религия в Европе» (2005 г.), Рекомендация 1720 «Образование и религия» (2005 г.), Резолюция 1510 «Свобода слова и уважение религиозных верований» (2006 г.), Рекомендация 1805 «Святотатство, ре-

лигиозные оскорбления и враждебные высказывания в адрес лиц в связи с их религией» (2007 г.), Рекомендация 1831 «Европейские мусульманские общины перед лицом экстремизма» (2008 г.) и др.

Несколько слов о «модели религиозной политики». Почти все государства сохраняют за собой возможность менять свою политику в сфере религии в соответствии с текущей ситуацией во внешнеполитической, международной, межгосударственной и внутривластной жизни. Модель религиозной политики предполагает достаточно устойчивую религиозную политику в течение длительного времени — иначе модель не успеет сложиться. По существу, модель есть формализованное содержание и спрессованная логика религиозной политики. Модель закрепляет практику и законодательные особенности в сфере государственно-конфессиональных отношений. Устойчивость модели религиозной политики состоит в том, что эта политика может эффективно реагировать на возмущающее воздействие. Для этого она не должна быть примитивной, одномерной, формальной, мало реальной, оторванной от реальности.

Модели государственной религиозной политики некоторых стран

Французская Республика

Франция, пожалуй, самая знаковая страна для Европы в отношении религии. Франция прошла огромный путь от абсолютно христианской (католической) страны — хроники фиксируют христианизацию Франции во II в. — до почти абсолютно атеистического государства сегодня. Вследствие глубочайшего секуляризма французского общества, нет достоверной статистики по вероисповеданиям в стране. Различные службы и социологические агентства приводят весьма различающиеся данные. Но все же приведем некоторые статистические данные.

Во Франции в настоящее время доминируют четыре конфессии: 86% от числа верующих — католики; 7,5% — мусульмане; 2,5% — протестанты, 1,3% — иудеи. В процентном отношении к населению страны католиками является 51%, атеистами — 31%, мусульмане составляют 11%, протестанты — 3%, иудеи — 1%. При этом только 5% населения Франции регулярно посещают молитвенные дома и мечети: 10% от числа верующих христиан и 20% мусульман (наряду с этим, около 80% мусульман соблюдают пост в рамадан и ряд иных столпов ислама). Еще один срез: 27% (в ряде опросов) заявили, что верят в Бога, 33% верят в некую надмирную энергию, 40% ни во что не верят.

И в то же время 45% считают себя христианами, 35% — атеистами, 5% — мусульманами. Разброс, как видно, велик. (Здесь и далее статистика по религиозности той или иной страны дана по усреднению множества источников — мы не даем ссылок, чтобы не загромождать статью.)

Первая волна иммигрантов-мусульман, как известно, пришла на годы Первой мировой войны, после Второй мировой войны и, особенно, в последние три десятилетия Франция приняла огромное число иммигрантов-мусульман, и сегодня ислам — вторая по численности религия Франции. Имеется около 2500 мечетей. Создан и функционирует Совет мусульман Франции (основанный в бытность Ф. Саркози министром внутренних дел), на который возлагали большие надежды в решении многочисленных проблем интеграции мусульман в культурную и политическую жизнь страны; надежды эти не сбылись, как стало ясно сегодня). В стране действуют свыше 2000 исламских ассоциаций, религиозных и культурных центров, имеется широкая сеть халяльных мясных магазинов, мусульманских книжных лавок. Функционируют 30 официальных мусульманских школ, для сравнения: католических школ — 8475, еврейских — 282.

Франция официально приняла христианство в V в. (хотя первые христиане во Франции появились уже во II в.). Вплоть до Французской революции XVIII в. страна оставалась оплотом католицизма. С XVI в. возникает и чрезвычайно развивается кальвинизм (во Франции кальвинисты именовались гугенотами), поддержанный в конце этого же века эдиктом Генриха IV. Через два столетия эдикт был отменен и гугеноты подверглись преследованиям. Только после Французской революции протестантизм получил статус одной из официальных религий Франции. В дальнейшем Франция прошла через ряд существенных трансформаций в области религиозной политики, и сегодня она — фактически атеистическая страна.

В законодательном отношении генез сегодняшней религиозной ситуации таков. В 1789 г. во Франции была принята Декларация прав человека и гражданина. «Национальное собрание признает и провозглашает перед лицом и под покровительством Верховного существа следующие права человека и гражданина <...> Статья 10. Никто не должен быть притесняем за свои взгляды, даже религиозные, при условии, что их выражение не нарушает общественный порядок, установленный законом» (Декларация прав человека и гражданина. Принята Учредительным собранием 26 августа 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. — М., 1989. — С. 26—29).

Следующим этапом стал Конкордат 1801 г. «Правительство Французской Республики признает, что Римская католическая апостольская религия есть религия огромного большинства французских граждан <...> Статья 1. Римская католическая апостольская религия будет свободно исповедоваться во Франции, ее культ будет публичным, согласуясь с установлениями общественного порядка, которые правительство сочтет необходимыми для общественного спокойствия» [12].

В 1886 г. был принят закон о лишь светских педагогах в школах, запрещающий духовным лицам работать в системе школьного образования. Большую роль сыграл Закон Франции о разделении церкви и государства от 9 декабря 1905 г.: «Статья 1. Республика обеспечивает свободу убеждений. Она гарантирует свободное исповедание религий с теми лишь ограничениями, которые предписаны далее в интересах общественного порядка. Статья 2. Республика не покровительствует, не дает ни содержания, ни субвенций никакой религии. Вследствие этого, начиная с 1 января следующего за датой обнародования настоящего Закона года, будут отменены в бюджетах государства, департаментов и коммун любые расходы, связанные с финансированием исповедания религии. Однако в указанные бюджеты могут быть включены расходы на функционирование капелланских служб и на обеспечение свободного исповедания религий в таких государственных учреждениях, как лицеи, колледжи, школы, богадельни, приюты и тюрьмы. Упраздняются государственные религиозные учреждения с учетом условий, установленных в статье 3» [13]. Закон закрепил практику государственно-религиозных отношений, сложившуюся к этому времени во Франции. Ватикан не принял этот закон. С большим трудом делилось церковное имущество. Ряд департаментов Франции продолжал выстраивать отношения с религией согласно Конкордату 1801 г. Поправками в закон (1908 г.) церковные здания Католической церкви освобождались от земельного налога.

В Конституции 1946 г. был закреплен принцип светского образования на всех его уровнях. В 1958 г. была принята Конституция Французской Республики (от 4 октября 1958 г.). «Статья 1. Франция является неделимой, светской, социальной, демократической Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания». Отметим, что статьи этого закона стали образцом для светских государств второй половины XX в. В 1996 г. в школах было введено преподавание истории религий. В 2004 г. был принят закон, запрещающий публичное проявление религиозности в школах. «В школах, колледжах и общественных ли-

цях ношение знаков или предметов одежды, которыми учащиеся явно проявляют религиозную принадлежность, запрещается». В 2010 г. был принят закон о запрете ношения паранджи и хиджаба в общественных местах, нарушение которого карается штрафом в размере €150. Те, кто принуждает женщину во Франции носить паранджу или хиджаб, подвергаются штрафу в размере €30 тысяч. Что интересно, закон был массово поддержан ранними мигрантами-мусульманами и вызвал демонстрации его противников из числа последующих мигрантов.

Франция, как упоминалось, пережила тектонические социальные сломы. Эти сломы, в совокупности с постоянно меняющимся законодательством в религиозной сфере, создали крайне либеральную модель религиозной политики. Вместе с тем французская модель государственной религиозной политики аморфна. Она не позволяет на стратегическом уровне решать встающие проблемы в области религии. Проблемы эти отчасти решаются «по ходу», в зависимости от развития негативной ситуации. Спецслужбы Франции — одни из лучших в Европе (их консультировали и Израиль, и США), но, как показали события 2015 и 2016 гг., они упускают ситуацию, реагируют неадекватно и с опозданием. Подчеркнем, что в этом нет ничего удивительного: политика в сфере религии во Франции (и, соответственно, ее модель) строится не на реальном понимании сущности религии, а на атеистическом ее прочтении. Атеистическое видение религии не позволяет предвидеть радикальные проявления «околорелигиозного фактора». Ориентация на атеизм подводит чересчур светскую Францию. Атеизм может быть агрессивен (как показывает опыт СССР), но он агрессивен принципиально иначе: агрессия исходит от властных структур. А агрессия радикальной религии имеет сетевой характер. Власти Франции считают, что по поводу религии атеизма (или атеистической религии) никто не станет рисковать жизнью, и это верно. Но ошибка французской модели государственно-конфессиональных отношений заключается в том, что религия не есть атеизм, за религиозные ценности (даже в их искаженном понимании) радикально верующие готовы отдать жизнь. То есть имеет место концептуальная ошибка: бороться приходится с радикальными проявлениями религии, в то время как ориентация силовых структур направлена на секулярную религию.

Великобритания

Религиозная палитра Великобритании чрезвычайно пестра: Англиканская церковь (18%), Католическая (около 6%), ислам (4%), Пресви-

терианская (3%), индуизм (1%), сикхи (0,9%), иудеи (0,6%), буддисты (0,3%), другие религии (0,2%). Следует иметь в виду, что число верующих всех религий, кроме ислама, быстро сокращается.

Религиозная ситуация в Великобритании признана одной из наиболее стабильных в Европе. Указывается на многовековой опыт эффективного регулирования в этой сфере и поэтапное принятие мер, направленных на снятие возникающей напряженности между конфессиями. Хотя нередко государственно-конфессиональные отношения регулировались предельно жестко (например, поголовная высылка иудеев в XIII в. или запрет на исповедание католицизма в эпоху Реформации — о чем ниже). Церковь Англии (англиканство) и церковь Шотландии (пресвитерианство) являются официальными государственными религиями при проведении религиозных церемоний (вступление на престол, венчание, похороны, крещение членов королевской семьи). Религиозное образование обеспечивается во всех школах за счет бюджета и общественных фондов. Программы по религии являются составной частью общегосударственных учебных планов.

В XVI в. оформляется Англиканская церковь. 26 иерархов Англиканской церкви заседают в Палате Лордов. Во главе церкви стоит королева, реально управляет ею архиепископ Кентерберийский. Всего на сегодняшний день священниками Англиканской церкви являются 12 тысяч человек. Имеются и женщины-священнослужители; их около 2 тысяч. Шотландская церковь была признана государственной в 1707 г. Количество священников Шотландской церкви — 1,1 тысяч человек.

В послеримский период Англия была православной, но еще до разделения церквей в XI в. католическое вероисповедание возобладало. С тех пор и до эпохи Реформации католическая церковь доминировала, а в Реформацию была запрещена и возобновила свою деятельность только в середине XIX в. Сейчас католики имеют в Великобритании около 40 епархий с 3900 приходами. Сильны протестантские течения: методисты, пресвитериане, баптисты. В современной Великобритании имеется около 700 общин буддистов и множество буддистских храмов. Присутствует около 100 индуистских групп. Менялось отношение в Великобритании к иудаизму. Иудеи появились в Великобритании в IX в., однако в XIII в. они были полностью выселены, а в XVII в. вновь допущены в страну. Число иудеев в Великобритании увеличилось уже в XX в. (в период нацистской оккупации Европы). Велика мусульманская община. Так, общее число мусульман в Великобритании составляет 3 миллиона человек. По данным на 2011 г., в стране функционируют 1,9 тысяч мечетей. Имеются православные церкви: русская, греческая, сербская.

Государство не финансирует церкви, только восстанавливает и поддерживает храмы, являющиеся памятниками культуры. Религиозное образование Великобритании демократично: во всех школах (кроме Северной Ирландии) преподают предмет «Основы мировых религий» (акцент делается на христианство, но по желанию можно углубленно изучать любую религию). Родители обладают правом освободить своих детей от изучения этого предмета.

Веротерпимость является официальной политикой государства с XVII в. Были приняты законодательные документы: «Акт церковной юрисдикции» (в XVII в.), «Акт о Терпимости» (в XVIII в.). В XIX в. поэтапно религиозные меньшинства получают не только возможность отправления веры, но и все политические права. Тем самым устранялась социальная основа межконфессиональных конфликтов. Великобритания показывает пример работы с межконфессиональными организациями. Британский Совет Церквей, Информационная сеть по религиозным движениям и иные религиозные организации смягчают противоречия и решают проблемы, возникающие в сфере церковно-государственных отношений. В Великобритании легко зарегистрировать религиозное объединение, но ему нелегко получить права юридического лица или права на благотворительную деятельность (которая дает многочисленные налоговые льготы).

Перечисленные решения в сфере религиозной политики стабилизируют религиозную ситуацию в Великобритании. Но имеется и множество проблем и негативных аспектов политики в сфере религии. Великобритания критически относится к ряду новых религиозных движений, известны скандальные процессы с саентологами и другими течениями. Вскрылись неприглядные факты поддержки властью радикальных исламистских течений, подобных «Хизб-ут-Тахрир», предоставления им права иметь свои центры и банковские счета в Лондоне. Лейбористы «закрывали глаза» на обилие радикальных исламистских проповедников в Великобритании в обмен на электоральную поддержку и обещание не производить теракты в Великобритании (и первое, и второе радикалы не сдержали). Кроме того, все более становится очевидным, что многое в положительном опыте Великобритании восходит не к эффективной политике в сфере религии, но к господству секуляризма, когда можно не реагировать на реальные проблемы, с которыми сталкиваются религии, считая религию рудиментом общественных отношений. Последнее начинает мстить за себя — религиозная ситуация в Великобритании ухудшается, накопившиеся проблемы не решаются.

Фактически «рассыпается» основная церковь страны — Англиканская: с 2012-го по 2014 г. число англикан в Великобритании снизилось с 23 до 17%. В немалой степени этому способствует либерализация самой церкви: после разрешения женского епископата в 2014 г. в ней с 2016 г. разрешены гомосексуальные союзы не только между верующими, но и между священниками. Большая группа англикан-традиционалистов вышла из Англиканской церкви и обратилась к Папе Римскому с просьбой принять их в лоно католической церкви, что и было сделано путем образования специальной Конгрегации.

В Великобритании нет устоявшейся модели государственной политики в сфере религии, политика эта строится, как и многое в стране, на основе прецедентного права. Регулирование носит «ручной» характер: возникла проблема — ищут решение. Стратегии нет. В чем-то это эффективно — в условиях нарастающей неопределенности и общей нестабильности. Но концептуально это проигрышно — перспективное видение необходимо.

Федеративная Республика Германия

Религиозная палитра ФРГ такова: при общем населении в 81 миллион 450 тысяч человек к Римско-католической церкви принадлежит 24 миллиона человек, протестанты составляют 23,8 миллиона, мусульмане — 4 миллиона, атеисты и неопределившиеся — 27 миллионов. Имеется региональная специфика вероисповедания: юг ФРГ с центром в Баварии — преимущественно католики, север и северо-запад — протестанты. Запад, юг и север — уровень религиозности от 60 до 75%, восток — лишь 15% верующих (исследователи связывают это с атеистическим наследием ГДР). В долевого разрезе (в %) расклад по религиям выглядит следующим образом: Римско-католическая церковь — 38% верующих, Лютеранская (Евангелическая церковь Германии) — 34% от общего количества верующих в стране, ислам — 1,7%, Новоапостольская церковь — 0,5%, Греческая православная церковь — 0,4%, Свидетели Иеговы — 0,2%, Сербская православная церковь — 0,2%, иудаизм — 0,06%.

Вследствие федерального устройства страны имеется широкий спектр государственно-конфессиональных отношений при стратегическом доминировании федеральных интересов. Считается, что население Германии «верит по традиции», в целом население Германии мало религиозно: по разным источникам, роль религии в жизни населения Германии на 7% ниже среднеевропейской. Доля атеистов за последние 25 лет выросла в 7 раз (с 2 до 15%). Однако, несмотря на общую секу-

ляризацию немецкого общества, существуют общественные сферы, в которых, согласно государственно-церковному праву ФРГ, государство и церковь активно сотрудничают: школьное воспитание, «военная духовная забота», социальная помощь. Следует отметить, что в Германии самый высокий уровень исламофобии на Европейском континенте (достигает 60%). Отношение к новым религиозным течениям настороженное, запрещены саентологи, под запретом Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства — Церковь объединения, самому Муну был запрещен въезд в Германию.

Законодательные основы религиозной политики Германии в новейшее время заложены Веймарской конституцией «Часть вторая. Раздел 3 (приводится выборочно — *А.К.*). Религия и религиозные сообщества. Статья 135. Все жители империи пользуются полной свободой веры и совести. Беспрепятственное отправление культа обеспечивается конституцией и находится под защитой государства. Общие государственные законы остаются при этом незатронутыми. Статья 136. Осуществление права религиозной свободы не может ни обуславливать, ни ограничивать частных и публичных гражданских прав и обязанностей. Статья 137. Государственной церкви не существует. Религиозные общества приобретают правоспособность соответственно общим постановлениям гражданского права» (Конституция Веймарской Республики 1919 г. URL: <http://www.labex.ru> [доступ: 27.06.2016]). Формально эта конституция действовала до 1945 г. Реально, после прихода к власти фашистов, в религиозном пространстве оставалось только христианство, преимущественно в форме протестантизма. С Католической церковью в 1933 г. был подписан Конкордат.

Конституция Германии 1949 г. утверждает: «Статья 4.1. Свобода вероисповедания, совести и свобода религиозных убеждений и мировоззрения ненарушимы. 2. Беспрепятственное отправление религиозных обрядов гарантируется. Статья 7. 1. Все школьное дело находится под надзором государства. 2. Лица, уполномоченные на воспитание, имеют право решать, будет ли ребенок получать религиозное воспитание. 3. Преподавание религии в государственных школах, за исключением неконфессиональных, обязательно. Без ущерба для права надзора со стороны государства религиозное обучение проводится в соответствии с принципами религиозных общин. Ни один учитель не может быть обязан против своей воли преподавать религию» (Основной закон Федеративной Республики Германия. URL: <http://lawyers-ssu.narod.ru> [доступ: 27.12.2015]).

Религия в Германии преподается в школах в обязательном порядке по конфессиональному признаку. В большинстве школ изучают основы

католицизма и протестантизма. Преподается также (для неверующих семей) внеконфессиональный предмет — основы духовности. Для детей из иудейских, мусульманских, православных и буддистских семей преподаются основы соответствующей религии, но предоставлено право отказаться от этого конфессионального обучения с заменой на этику или философию.

Общий принцип светскости конкретизирован в Германии таким образом, что имеются реальные привилегии Лютеранской, Римско-католической церквям и иудаизму. Первые две имеют право на 2-процентный налог (в рамках общего подоходного налогообложения), средства от которого идут на социально значимые программы, осуществляемые этими церквями. В последние два года этот налог снижен до 1,5%, что объясняется государством снижением количества верующих этих конфессий. Католики и протестанты (особенно священники) жалуются на вынужденное в этой связи сокращение социальных программ.

Итак, модель религиозной политики ФРГ в целом такова. При декларируемом равенстве религий имеются предпочтения в отношении католицизма и протестантизма. Вследствие заметной секуляризации общества, исповедание религии носит «традиционалистический» характер и не влияет на духовное состояние общества, потенциал духовности при этом снижается. Роль религии как субъекта публичного права законодательно обеспечена, но в пределах этого права и остается. Общественная роль религии снижается. Модель адекватна религиозной ситуации, но содержательно выхолощена.

США

Статистические данные по религиозности населения США таковы: христиане — около 78% населения (в основном католики и протестанты самых разных деноминаций), иудеи — 2%, мусульмане — 1,5%, буддисты — 0,8%, индуисты — 0,4%, агностики и атеисты — 15%.

Религиозная история США началась одновременно с колонизацией континента, что предопределило религиозную ситуацию в стране на столетия. Эмигранты в массе своей принадлежали к протестантским течениям и зачастую подвергались преследованиям в Европе. Поэтому дух религиозной свободы был органичен Северной Америке уже с середины XVII в. Все это задало тон религиозному сознанию американцев.

Большое значение для законодательного оформления деятельности религиозных объединений в США сыграла и продолжает играть первая поправка к конституции, являющаяся частью Билля о правах: «Конгресс не должен издавать никакого закона относительно установления

какой-либо религии, или воспрещающего свободное исповедание всякой религии, или ограничивающего свободу слова и прессы, или право народа — мирно собираться, а также просить правительство о прекращении злоупотреблений» (имеются несколько отличающиеся переводы, не меняющие сути — *А.К.*) (Зарубежные страны: Конституции и законодательные акты: Сборник документов / Сост. В.А. Мальцев. — Воронеж: Воронежский государственный университет. — 2000. — С. 23).

США — светское государство, они действительно привержены религиозной свободе, понимаемой как право каждого человека исповедовать ту религию, которую он пожелает или не исповедовать никакой. В этом смысле США — образец отношений государства и религии (что дает им основания считать себя примером для других государств в этом отношении). Но за этой свободой вероисповедания стоит не глубокая и истинная вера в Бога, а внешняя религиозность и убежденность в своей правоте. США — очень успешная страна во многих отношениях, и этот успех стал пониматься как истинность жизненной позиции и правильности веры. Такая позиция приводит к самодовольству и формализации веры, что и произошло с США. Именно формальным подходом к вере объясняется удивительный для других стран факт массовости веры и вместе с тем ее поверхности. Этим формализованным отношением к вере объясняется и другая, привычная для США, но странная для многих государств ситуация, когда любому заявившему о своем возникновении и новой религиозной группе сразу же предоставляют возможность функционировать. Регистрации как таковой нет, есть учет заявительным порядком. Поэтому США и негодуют, когда иные страны тщательно рассматривают заявление религиозных общин о регистрации и не спешат мгновенно их регистрировать. Однако следует отметить, что когда религиозная община в США желает получить статус юридического лица, вот тут-то ее заявку рассматривают скрупулезно.

Для понимания специфики религиозной политики США, помимо ряда специфических аспектов национальной религиозности этой страны, надо учитывать, что США превратили религию в важнейший фактор своей внешней политики. В 1998 г. в США был принят Закон о международной свободе вероисповедания. Этим актом религиозные свободы наделялись особым статусом, и США брали на себя ответственность за соблюдение свободы вероисповедания в мире. Президент США Б. Клинтон заявил во время подписания этого акта о том, что религиозная свобода — центральный элемент внешней политики США. При Государственном департаменте США была создана особая комиссия, в обязанность которой входит отслеживать нарушения в сфере свободы

совести и готовить ежегодные доклады о свободе вероисповедания в мире, рассматривая именно религиозные свободы в качестве основного критерия приверженности тех или иных стран свободе и демократии. Тем самым открыто признается, что религия выступает в качестве существенной формы влияния США на мир с целью реализовать национальные интересы этой супердержавы.

В 2010 г. США разработали новую стратегию вовлечения религии в выстраивание нового мирового порядка. основополагающими идеями стратегии явились: возрастание роли религии в мировой политике и в противодействии негативным проявлениям глобализации; консолидирующая роль религии в идентичностях разного рода; подмена религией легитимных идеологий в периоды нестабильности и конфликтов; привлечение внимания к религии как формы реализации свободы.

Итак, в основе модели религиозной политики США — массовая, но формальная и поверхностная религиозность, вытеснение религиозных ценностей из реальной, повседневной жизни, превращение религии в важнейший фактор геополитики США. Можно видеть, что модель крайне неустойчива и чревата распадом. Отчасти спасает устойчивость этой модели то обстоятельство, что в США более половины всех регламентирующих функций в отношении религии переданы в «ведение» общества. В США, в силу особенностей, отмеченных выше, религию давно и прочно считают феноменом гражданского общества. Поэтому и регулировать эту сферу должно гражданское общество, что оно и делает. Это характерный для США элемент модели религиозной политики, и США насаждают его по всему миру. Чем слабее внутренняя религиозность и глубина веры населения, тем легче страны соглашаются на такую политику. Но религия в принципе не может быть сведена к феномену гражданского общества, она есть средство воссоединения человека с Богом (чем и объясняется содержание термина «религия»). Поэтому, хотя на первых порах представляется удобным так облегченно относиться к религии, но любая проблема в этой сфере сразу демонстрирует неспособность ее решения, исходя из столь примитивного видения сущности религии. Что и демонстрирует нам неуклюжая политика США и в отношении радикальных течений ислама, и в отношении приверженности вере населения Греции или России (чересчур, по мнению США, серьезное отношение к вере и ее нормам).

Королевство Саудовская Аравия

Почти в 30 мусульманских странах государственной религией официально признан ислам. В конституциях и других конституционных

актах Пакистана, Марокко, Иордании, Бахрейна, ОАЭ, Ирана и других стран закреплена исламская форма правления и, соответственно, привилегированное положение ислама. Религия регулирует все стороны жизни общества посредством правовой системы, основанной на учении ислама, мусульманского права.

Обратимся к Королевству Саудовская Аравия и постараемся вычленить его модель государственной религиозной политики, так как КСА играет сегодня значительную и вместе с тем противоречивую роль. Конституция (Основной низам (положение) Королевства Саудовская Аравия). Данный Низам был принят в 1992 г. «Статья 1. Королевство Саудовская Аравия — суверенное арабское исламское государство. Его религия — ислам, Конституция — Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка, да благословит его Аллах <...> Статья 6. Подданные короля приносят присягу на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка в повиновении и верности ему в горе и в радости, в удаче и в бедствиях. Статья 7. Власть в Королевстве Саудовская Аравия основана на Книге Всевышнего Аллаха и сунне Его Пророка, которые являются основой данного Положения и других государственных актов» (Конституция Королевства Саудовская Аравия. URL: <http://migroz.ru> [доступ: 29.05.2016]).

Общеизвестно, что в КСА господствующей формой ислама выступает ваххабизм, являющийся официальной идеологией страны. На территории КСА находятся основные святыни ислама, среди них — Мекка и Медина. Высшее исламское духовенство КСА (30 улемов — Совет высших улемов) определяет практически все в политике и идеологии страны. Королевской семье приходится согласовывать с Советом основные аспекты жизни страны. Даже репрессии против радикальных имамов в 2007—2010 гг., на которые КСА вынуждено было пойти, мало что изменили в этом раскладе сил. Большую роль в общественной жизни играет религиозная полиция, наблюдающая за нормами общественной морали, как ее понимает шариат в ваххабитской интерпретации. Единственной религией в Саудовской Аравии является ислам (более 60 000 мечетей); все другие запрещены (имеется формальное право исповедовать другие религии не публично, но на деле все оканчивается высылкой из страны или арестом). В 2014 г. в Саудовской Аравии проживало 1,2 миллиона христиан — трудовых иммигрантов. Помимо этого, в Саудовской Аравии проживает крупнейшая в мире индийская диаспора — 1,5 миллиона человек. Большинство выходцев из Индии являются мусульманами, но имеются и индуисты — около 330 тысяч. Присутствуют буддисты — 90 тысяч и сикхи — 60 тысяч (подчеркнем,

что все представители других, кроме ислама, религий — иностранцы). Атеистов нет, так как атеизм в КСА приравнивается к терроризму.

Противоречия в религиозной ситуации в КСА, конечно, есть, но они скрыты и содержатся внутри ислама, внутри королевской семьи, в околовластных структурах. США долгое время игнорировали высокий террористический потенциал КСА (вследствие экономического партнерства и интересов в нефтяной сфере), но уже несколько лет спонсорство терроризма КСА ими признается (по иронии судьбы это спонсорство стало признаваться в то время, когда власти КСА стали реально бороться с терроризмом). Активизировались противоречия и в связи с Сирией (где КСА вступило в явное противостояние, включая вооруженное, с Ираном и поддерживаемой им «Хизбаллой»).

Модель государственной религиозной политики КСА концептуально проста: это территория ислама (дар аль-ислам), причем это — абсолютная истина для КСА (чему имеются и исторические, и догматические аргументы). Однако, будучи концептуально простой и для КСА предельно адекватной и содержательной, модель не выдерживает соприкосновения с иной действительностью, не только с «Западом», что можно понять, но и с любой идеологией, отличной от ислама. В некотором смысле ситуацию можно уподобить жизни истинно правоверных мусульман в Европе — они пугающе последовательны в исповедовании норм ислама и находятся в идейной и духовной изоляции настолько, что ни о какой интеграции в культуру и политику речи не идет — чего не могут понять либеральные, утратившие остатки веры европейцы. Но модель КСА интересна — посредством ее можно лучше осознать особенности «исламского мира» и его возможностей.

Аргентина

Религиозный состав населения: 85,2% населения — католики (34,5 млн), протестанты — 9% (3,6 млн), мусульмане — 1% (0,4 млн), иудеи — 0,5% (0,2 млн), буддисты — 0,05% (0,02 млн), более 1% — последователи местных языческих культов, 7% — атеисты. При таком высоком уровне веры только 16% католиков посещают церковь не реже одного раза в месяц, а 25% посещают церковь «от случая к случаю»: крупные праздники, торжественные церемонии. Пожилые люди посещают церковь чаще молодых, женщины чаще мужчин, образованные и имеющие высокий социальный статус посещают церковь реже. В Аргентине самая большая в Америке (после США) исламская и иудейская общины. В Буэнос-Айресе (столица Аргентины) расположена одна из самых больших мечетей западного полушария.

Конституция Аргентины является законодательной основой выстраивания государственно-конфессиональных отношений. «Статья 2. Федеральное правительство поддерживает культ Римско-католической апостольской церкви» <...> Статья 14. Все жители Республики обладают нижеследующими правами, осуществляемыми в соответствии с регламентирующими их законами: <...> свободно исповедовать свою религию; обучаться и преподавать» (Конституция Аргентинской Республики. URL: <http://worldconstitutions.ru> [доступ: 01.06.2016]).

Аргентина, принадлежа к региону Латинской Америки, является типичным примером выстраивания государственно-конфессиональных отношений. Все государства Латинской Америки возникли в результате колонизации этого региона Португалией и Испанией. Колонизаторы принесли с собой свою культуру и религию. Этой религией был католицизм. Католицизм, его социальное учение и принципы общественного устройства во многом легли в основу общества и государства Аргентины. Возникла, развилась и укрепилась глубокая связь католицизма, общества и государства. При этом в очень значительной степени коренное население сохранило свои пантеистические, анимистические и языческие верования. До сегодняшнего дня индейцы Латинской Америки сочетают католическую веру с рядом местных культов языческого и анимистического характера. После освобождения от колониальной зависимости и обретения самостоятельного статуса, государства региона практически не изменили религиозных предпочтений: католицизм в них доминирует, в небольшой мере присутствуют иные религии и конфессии (протестантизм, ислам, иудаизм, буддизм, православие). Католики Аргентины активно участвовали в движении «теологии освобождения», поддерживая концепцию социального партнерства и социальных реформ. Папа Римский Франциск длительное время служил именно в Аргентине, был Архиепископом Буэнос-Айреса, именно здесь сложилась его социальная доктрина поддержки беднейших слоев населения.

Аргентина официально не объявила себя светским государством (о таком статусе на континенте заявили: Бразилия, Гватемала, Гондурас, Эквадор, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор, Уругвай и Чили). Интересно, однако, то обстоятельство, что, заявляя в конституции об официальной поддержке федеральным правительством Римско-католической церкви, Аргентина не относится к католицизму как к государственной или официальной религии. Поддержка, заявленная в конституции, касается только финансовой стороны: содержание католических школ, зарплата епископату и священникам, незначительные пенсии

ушедшим на покой священникам и стипендии семинаристам. Причем после ряда принципиальных конфликтов с властью (отношения обострились с 2005 г.) католический епископат Аргентины выдвинул правительству предложение об отказе в финансовой поддержке Католической церкви. Опыт выстраивания государственно-конфессиональных отношений в различных странах показывает, что финансовая независимость религий является предпочтительной для церквей. Во всех иных отношениях в Аргентине де-факто все религии равны.

По этой причине модель религиозной политики Аргентины схожа с иными в Латинской Америке: при самом незначительном патронаже государства Католической церкви, соблюдается реальное равенство всех религий. *Модель носит полусветский характер (всегда остается возможность поддерживать католицизм), органична обществу и государству (в силу исторических причин, отмеченных выше), она устойчива к деформациям, слабо поддается воздействиям со стороны, объемы атеизма незначительны, позитивные возможности религии используются для консолидации нации.*

Российская Федерация

Статистические данные по вероисповеданиям в России существенно разнятся по разным источникам. Приведем следующие: православие — 74% (от общего числа верующих), ислам — 9%, католицизм — 1%, протестантизм — 1%, иудаизм — 1%, буддизм — 0,8%, индуизм — 0,7%, не принадлежат ни к какому вероисповеданию — 8,5%, атеисты — 4%.

Согласно Конституции Российской Федерации, Россия — светское государство. «Статья 13. 1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Статья 14. 1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Статья 28. Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (Конституция Российской Федерации: по сост. на 2016 г. — М.: ЭКСМО, 2015. — 32 с.).

В России все религии имеют равные права. Но действует принцип традиционности для страны тех или иных религий, согласно которому

православие и ислам обладают некоторыми преимуществами в сравнении с иными конфессиями, являясь традиционными для России религиями, оказавшими огромное влияние на процессы становления государства, на ее историю и культуру. Кроме того, на практике действует принцип массовости религии, православие и ислам являются самыми массовыми религиями в России, что по факту их массовости ставит их в преимущественное положение в сравнении с другими религиями. Последнее не лишено оснований, так как в зависимости от числа последователей религия способна оказывать заметное влияние на общественные процессы.

По факту православие доминирует в общественной жизни, большую роль играет также и ислам. Но ислам не консолидирован, в России имеются три исламских центра (Совет муфтиев России — Р. Гайнутдин, Центральное духовное управление мусульман — Т. Таджуддин, Координационный центр мусульман Северного Кавказа — И. Бердиев) и большое число региональных руководящих органов.

В настоящее время РПЦ имеет 34 764 храма, 455 мужских монастырей и 471 женский. В странах дальнего зарубежья действуют 891 приход и 56 монастырей Московского патриархата, включая приходы и монастыри Русской зарубежной церкви. Духовенство РПЦ состоит из 35 171 пресвитера и 4816 диаконов.

До революции в России существовало Оренбургское магометанское духовное собрание, в известной мере координирующее деятельность мусульман России. В начале XX в. в ведении ОМДС находилось 4,5 миллиона прихожан обоего пола, 5771 мечетей и 12 341 духовное лицо. Сейчас в России около двадцати миллионов мусульман, семь тысяч мечетей и десятки тысяч имамов.

В России нет государственного уполномоченного органа в сфере религиозной политики, но созданы и активно функционируют Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и Межрелигиозный совет России. В школах России ведется преподавание основ религиозных культур и светской этики по модулям: «основы православной культуры», «основы исламской культуры», «основы буддийской культуры», «основы иудейской культуры», «основы мировых религиозных культур», «основы светской этики».

Зарубежные аналитики, а также и внутренняя «пятая колонна» резко критикуют чересчур тесное, по их мнению, партнерство религии и государства, особенно РПЦ и государства. Сотрудничество, действительно, тесное. Однако кто может со всей ответственностью указать меру такого сотрудничества, особенно имея в виду историю России и роль

православия в ней? Светскость ни в коей мере не препятствует партнерству религии и государства, особенно в сфере реализации социальных проектов в образовании и нравственном воспитании — а именно в этих областях и осуществляется сотрудничество. Государство много помогает и исламу, и иудаизму, и буддизму.

Модель религиозной политики России на сегодня — одна из самых содержательных и продуктивных. Православие воспринимается россиянами в качестве государственно образующего стержня, причем с этим согласны и миллионы мусульман России. США в своих ежегодных докладах о свободе вероисповедания в мире постоянно критикуют Россию за нарушение ею прав и свобод верующих и включают Россию в список самых злостных нарушителей этой свободы. Это и понятно: во-первых, у России и США диаметрально противоположное понимание сущности религии и ее роли в обществе и государстве, а, во-вторых, геополитическое противостояние не способствует объективному взгляду на позиции друг друга. Сутью российской модели является позитивное отношение к религии и ее ценностям; признание ее роли для страны; согласие государства с тем, что религия — источник нравственности и основанной на этой нравственности общественной идеологии, способной консолидировать российское общество, что очень важно в условиях мировой нестабильности в политике, в экономике и нарастания вызовов и угроз современности. Модель России динамична, что существенно: способность к восприятию новых веяний и новых угроз, способность реагировать на изменения в религиозной сфере и на усиление роли религии в геополитике — важно для устойчивости этой модели. Не следует и абсолютизировать возможности российской модели, она имеет недостатки: она чересчур открыта критике и не защищена, как и все, что считает себя правым и справедливым, а данная модель так считает. При всем том основное достоинство этой модели — ее реализм, то есть соответствие действительности, а значит, все изменения в окружающем мире не станут разрушающими для модели.

Украина

Сложный, трагический, но и поучительный пример развития религиозной ситуации дает нам Украина. До весны 2014 г. на Украине религиозный расклад был таким: верующие Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) — 35%, Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП) — 13%, Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) — 4%, греко-католики — 11%, католики — 3%, протестанты — 28%, иудеи — 1%,

прочие — 2%, община мусульман была немногочисленна и в Крыму радикально настроена. Жесткое, с взаимными обвинениями, противостояние имелось между УПЦ МП и УПЦ КП, греко-католики требовали у Рима митрополии и строили кафедральный собор в Киеве, визиты на Украину патриарха Московского и всея Руси Кирилла поддерживались УПЦ МП и встречали протесты УПЦ КП. Затем греко-католики и УПЦ КП активно поддержали майдан. УПЦ МП, католики и иудеи держали нейтралитет.

Что теперь? Политическая элита современной Украины и УПЦ КП обвиняют УПЦ МП в сепаратизме. УПЦ КП пытается представить себя в качестве единственно законной Православной церкви Украины, захватывает храмы УПЦ МП и переводит их в свою юрисдикцию. В развитие этой ситуации во второй половине июня 2016 г. Верховная рада приняла обращение к Патриарху Варфоломею с просьбой предоставить УПЦ автокефалию под амфором Константинопольского патриархата. УПЦ КП и автокефалисты предприняли несколько безрезультатных попыток объединения. Греко-католики сочли предательством встречу на Кубе Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Религия стала играть большую политическую (чаще всего далеко не позитивную) роль на Украине: все конфессии Украины предельно политизировались, активно поддерживают одну из политических сил и освящают ее действия.

Какой урок можно извлечь из религиозной ситуации, сложившейся на Украине? Основной вывод таков: с религией нельзя «играть» в политических целях. Религия, с одной стороны, феномен, подчиненный политике, а с другой — не покрываемый политикой. Поэтому взорвать ситуацию в стране, используя религию, можно, а вот ввести все в нормальное русло после этого крайне затруднительно. Трудно говорить сегодня о модели государственной религиозной политики: ситуация взрывная. Но все же можно отметить, что произошла политизация религии на православный манер (до этого религиоведы говорили только о политизации ислама).

Республика Казахстан

Как и в отношении религиозной политики других стран, начнем с некоторых данных. В Казахстане функционируют 18 конфессий, объединяющих 3601 религиозное объединение. Ислам исповедуют 73% населения Казахстана, православие — 23,5% (это две самых крупных конфессии в РК), численность верующих других конфессий в совокупности составляет около 4%.

Конституция Республики Казахстан гласит: «Статья 1. 1. Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Статья 5. 5. Деятельность иностранных религиозных объединений на территории Республики, а также назначение иностранными религиозными центрами руководителей религиозных объединений в Республике осуществляются по согласованию с соответствующими государственными органами Республики. Статья 22. 1. Каждый имеет право на свободу совести. 2. Осуществление права на свободу совести не должно обуславливать или ограничивать общечеловеческие и гражданские права и обязанности перед государством» (Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изменениями и дополнениями от 7 октября 1998 г.; от 21 мая 2007 г.; от 2 февраля 2011 г.). — Алматы: Норма-К, 2012. — 43 с.).

За годы независимости были приняты два закона, регулирующие религиозную сферу. Закон РК 1992 г. «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях», по мнению отечественных и зарубежных экспертов, — один из самых демократических в мире, но оставляющий лакуны в области реализации национальных интересов страны. В 2011 г. был принят Закон РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», в котором были учтены некоторые недостатки прежнего закона.

В Казахстане имеется Комитет по делам религий Министерства культуры и спорта РК. Комитет осуществляет функции по формированию и реализации основных направлений государственной политики в религиозной сфере. Получили признание и уже стали традиционными съезды лидеров мировых и традиционных религий, проводимые с 2003 г. в Астане (состоялось пять съездов).

Принцип светскости в Казахстане реализуется достаточно четко: запрещены партии на религиозной основе; не признается юрисдикция религиозных судов; религиозные организации не имеют права отправлять религиозные церемонии в государственных органах, учреждениях образования, здравоохранения; государственные служащие, исполняя свои должностные обязанности, не имеют права внешним образом демонстрировать свою религиозную принадлежность. Вместе с тем государство активно взаимодействует с религиозными объединениями в сфере социально значимых программ, в частности в области духовного и нравственного воспитания, поддержания семьи, здравоохранения и т.д. Религиозные объединения также влияют на формирование модели светскости своими инициативами в данной области. Традиционные для

Казахстана религии имеют свои социальные концепции (Платформа мусульман Казахстана. Духовное управление мусульман Казахстана. — Астана, 2015; Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Архиерейский Собор 2000 г. — М.: Изд-во Московской патриархии, 2000; Компендиум социального учения Церкви. Libreria Editrice Vaticana. Русский перевод «Компендиума социального учения Церкви». Римско-католическая Архиепархия Божией Матери в Москве. — М.: Паолине, 2006). Из этих концепций и исходят традиционные для Казахстана религии в своих взаимоотношениях с Казахстаном как светским государством. В свою очередь, Республика Казахстан выстраивает достаточно эффективные формы взаимодействия с религиозными объединениями. Светскость государства не является препятствием для подписания договоров о сотрудничестве между различными государственными ведомствами и религиозными объединениями. Эти договоры позволяют устанавливать партнерские отношения государства и религиозных объединений по целому ряду приоритетных для обеих сторон вопросов: повышения уровня духовности и нравственности в обществе, религиозного просвещения и образования, социального служения и т.д.

Из других существенных моментов, влияющих на религиозную политику и содержание казахстанской модели этой политики, отметим заметное влияние на религиозную ситуацию из-за рубежа (чем в не последнюю очередь обусловлен спорадически прорывающийся радикализм религии), по-прежнему недостаточную грамотность священнослужителей всех конфессий (надо признать, что в самое последнее время лидеры конфессий сосредоточили свое внимание на этой проблеме и уже есть результаты), попытки крупных держав оказывать влияние на социально-политическую сферу Казахстана через посредство религии.

Если кратко сформулировать содержание казахстанской модели межрелигиозного согласия и религиозной политики страны, то она представляет собой сложную межрелигиозную конфигурацию, помещенную в социально-политический контекст государственно-общественного развития Республики Казахстан. Несмотря на абсолютное юридическое равенство всех конфессий Казахстана, реально в центре этой конфигурации находятся наиболее крупные религии Казахстана — ислам и православие, которые в своем взаимодействии и обеспечивают, по существу, межрелигиозную стабильность в стране. А уже на основе этой стабильности, как на стержне, выстраиваются отношения между всеми конфессиями Казахстана. Многообразие конфессий, специфика их функционирования, этнический состав их адептов, возрастной и

образовательный уровни верующих — все это в совокупности образует своеобразную, только Казахстану присущую систему межрелигиозных отношений. Каждая конфессия выстраивает свои собственные отношения с другими конфессиями и с государством. Во взаимодействии всех вышеперечисленных элементов государственно-конфессиональных отношений и возникает общее религиозное пространство Республики Казахстан, создается и поддерживается межрелигиозное согласие, согласие конфессий на мирное их сосуществование в Казахстане. Описанное взаимодействие конфессий не является статичным, заданным раз и навсегда: это, скорее, динамичная система, постоянно воспроизводящаяся и изменяющаяся в меняющихся условиях прогрессивного развития Казахстана. Такова казахстанская модель межрелигиозного согласия в кратком описании. Понятно, что эту модель надо развивать. Именно на эти цели направлена данная статья — зарубежный опыт при всей его концептуальной недостаточности полезен.

Выводы

1. В современном мире имеется большое многообразие форм государственно-конфессиональных отношений, и многообразие это связано с историей страны и конкретными обстоятельствами функционирования религий в тех или иных государствах. Страны выстраивают свою религиозную политику исходя из: своей истории, истории функционирования религий, политической системы, национальных интересов, международных обязательств, уровня религиозности населения, степени поликонфессиональности страны и т.д.

2. Религиозная политика государств встроена в общую канву внутренней и внешней политики страны. Отношения государства и религии во все большей степени формализуются, секуляризм привел к тому, что религия сегодня признается или субъектом публичного права, или феноменом гражданского общества — тем самым государства все менее считают с глубокой спецификой религии и не учитывают ее роли в духовном состоянии общества.

3. Достаточно продуктивное содержание моделей религиозной политики зарубежных государств вполне можно заимствовать, адаптировав их к Казахстану. Это, прежде всего, касается разделения ответственности за религиозный мир в стране между государством и самими религиями. Также можно иметь в виду практику закрепления в законах предельно сбалансированного отношения государства и религии (пример Аргентины).

4. В государственно-конфессиональной политике на всех ее уровнях Казахстан должен исходить преимущественно из своих национальных интересов и лишь затем иметь в виду мировой опыт в этой сфере, так как опыт этот не демонстрирует эффективности как раз по самым значимым направлениям религиозной политики: актуализации позитивных возможностей религии, снижения уровня угроз религиозно мотивированного экстремизма и терроризма, баланса религиозных и светских ценностей в общественной жизни.

Список литературы

1. *Косиченко А.Г.* Религия в конструктах нового мироустройства // *Косиченко А.Г.* Религия: сущность и актуальные проблемы / Под. общ. ред. *З.К. Шаукеновой*. — Алматы: ИФПИР КН МОН РК, 2012. — 220 с.
2. *Косиченко А.Г.* Светское государство: Республика Казахстан и мировой опыт // *Право и государство*. Научно-информационный журнал. — 2014. — N 4 (65). — С. 11—16.
3. *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. Un. of Chicago Press, 1994.
4. *Jose Casanova.* The Secular, Secularizations, Secularisms in Rethinking Secularism / Ed. by Craig Calhoun, Mark Juergensmeyer, Jonathan Van Antwerpen. — Oxford University Press, 2011.
5. *Javier Martínez-Torrón, W. Cole Durham, Jr.* Religion and Secular State. Interim National Reports. XVIIIth International Congress of Comparative Law. The International Center for Law and Religion Studies Brigham Young University. Provo, Utah. July 2010.
6. *Hurd Shakman E.* The Politics of Secularism in International Relations / E. Hurd Shakman, Princeton University Press, 2007.
7. *Peter L. Berger.* State, religion and society. — 2012. — N 2 (30).
8. *Peter L. Berger.* Further Thoughts on Religion and Modernity. Society, July-August 2012.
9. Журнал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». — 2012. — N 2.
10. *Понкин И.В.* Светскость государства. — М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования. — 2004; *он же.* Светскость государства: Словарь / Институт государственно-конфессиональных отношений и права. — М., 2003; *он же.* Типология государств по критерию светскости. URL: <http://lib.convdocs.org>. — 05.01.2013 (доступ: 24.06.2016).
11. Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести). Сборник статей / Под ред. Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. — М.: Институт религии и права, Университет Бригама Янга, 2010; Государства и религии в Европейском союзе / Под ред. М.А. Воскресенского, А.А. Красикова, Р.Н. Лункина, Р.А. Подоприморы, Л.С. Симкина и И.А. Шалобиной. — М.: Институт Европы РАН, ТЦ Юнеско, 2009; Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Нормативные акты. Судебная практика. Заключение экспертов / Сост. А.В. Пчелинцев, В.В. Ряховский, С.В. Чугунов; под общ. ред. А.В. Пчелинцева. 3-е изд., испр. и доп. — М., 2009; и др.
12. *Понкин И.В.* Конкордат 1801. — В кн.: Светскость государства. — М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования. — 2004. — С. 172—173.
13. *Понкин И.В.* Закон Франции о разделении церквей и государства от 9 декабря 1905 г. — В кн.: Светскость государства. — М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования. — 2004. — С. 174—189.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РК

Каиржан Абдыхалыков

Декан Высшей школы финансов и менеджмента (ВШФМ),
Алматы Менеджмент Университет, Ph

Аннотация. Статья посвящена развитию предпринимательского образования в Республике Казахстан. Рассматривается место и роль предпринимательского образования в системе вузов Казахстана.

Целью статьи является раскрытие основных проблем развития предпринимательского образования как инновации в высшем образовании РК.

При написании и содержательном построении статьи использован проблемно-ориентированный подход, применены элементы научного анализа.

Ввиду того, что в Казахстане до сих пор многие вузы ведут обучение студентов, излишне опираясь на теорию, без учета ориентации учебной программы на практический опыт, в статье обосновывается тезис, согласно которому обучение в вузах должно строиться, основываясь на реальных нуждах бизнеса, производства и всей экономики в целом. Исходя из этого, основным результатом статьи является обоснование тезиса, согласно которому только реальная кооперация вузов, бизнеса и государства сможет дать толчок к развитию и предпринимательского образования в вузах страны, а также в целом всего отечественного предпринимательства.

Ключевые слова: бизнес, бизнес-образование, бизнес-университет, бизнес-тренинги, бизнес идей и предпринимательских навыков.

ҚР ЖОҒАРЫ ОҚУ ОРЫНДАР ЖҮЙЕСІНДЕГІ КӘСІПКЕРЛІК БІЛІМ БЕРУ

Қаиржан Абдыхалықов

Аңдатпа. Мақала Қазақстан Республикасындағы кәсіпкерлік білім беруді дамытуға арналған. Онда Қазақстанның ЖОО жүйесінде кәсіпкерлік білім берудің орны мен ролі қаралған.

Мақала мақсаты Қазақстанда жоғары білім берудің жаңа бір жаңалығы ретінде кәсіпкерлік білім беруді дамытудың негізгі мәселелерін ашу болып табылады.

Мақала мәселеге бағытталу тұрғысынан қарастырылып, жазу кезінде ғылыми талдау элементтері қолданылды.

Қазақстанда әлі күнге дейін бірқатар жоғары оқу орындары оқу үдерісін баяғы теориялық тұрғысынан жүргізіп, практикалық тәжірибесіне бағытталған оқу бағдарламасын негізге алмағандықтан мақалада ЖОО-дағы оқыту бизнес, өндіріс пен экономика арасындағы ынтымақтастықтың қажеттілігі сияқты тезис дәлелденеді.

Түйін сөздер: кәсіпкерлік, кәсіпкерлік білім беру, кәсіпкерлік университеті, кәсіпкерлікке оқыту, кәсіпкерлік ой, кәсіпкерлік дағдысы.

EVOLUTION OF ENTREPRENEURIAL EDUCATION IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF KAZAKHSTAN

Kairzhan Abdykhalykov

Abstract. The article discusses the evolution, role and place of entrepreneurial education in Kazakhstan as a new innovative element in higher education. The author argues that entrepreneurial education, being relatively new for higher education in Kazakhstan, faces a number of problems. The article is based on a problem-solving approach and elements of theoretical analysis.

Given that the university curriculums in Kazakhstan is still heavily theory-oriented, the author argues in favor of a more practice-oriented approach that would take into account the needs of business, industry and national economy as a whole. The thesis is that a closer cooperation of universities, business and government may become a real stimulus for further development of entrepreneurial education in Kazakhstan that, in turn, shall boost entrepreneurship throughout the country.

Key words: business, entrepreneurship, entrepreneurial education, entrepreneurial university, business of ideas and entrepreneurial skills.

Введение

Предпринимательское образование, которое подразумевает обучение предпринимательству, овладение студентами навыками предпринимателя, формирование у студентов «предпринимательского мышления», создание студенческих предприятий, является новым и малоизученным направлением в высшем образовании Республики Казахстан и основывается на системе предпринимательских ценностей, на процессах и реальных примерах предпринимательского сектора экономики. Оно обосновывается принципами предпринимательского права и подразумевает различные формы деятельности граждан, которые направлены на получение прибыли и увеличение доходов. Здесь поощряется инициативность и заранее учитываются возможные ри-

ски. Управление рисками, правильное планирование, выработка общей стратегии компании являются неотъемлемыми признаками ведения предпринимательской деятельности.

Надо заметить, что специальных правил ведения предпринимательской деятельности нет. Однако существует ряд собирательных принципов, которые отображают суть предпринимательства:

- 1) свободное регулирование цен (в рамках действующего законодательства);
- 2) привлечение необходимого в деятельности имущества, человеческих ресурсов и денежных средств;
- 3) выбор вида и направления деятельности компании;
- 4) получение и самостоятельное распоряжение полученной прибылью;
- 5) самостоятельное формирование бюджета и общей стратегии развития компании;
- 6) установление партнерских отношений и формирование бизнес-консорциумов как с внутренними, так и с внешними организациями;
- 7) свободный поиск новых возможностей для увеличения доходов и прибыли.

Принципы предпринимательства отображают сущность всей деятельности компании. Обучение принципам ведения предпринимательской деятельности, получение как знаний, так и навыков овладения мастерством предпринимателя являются основными факторами, которые определяют суть и значение необходимости предпринимательского образования.

Методы исследования

Методологией исследования являются подходы социальной антропологии, менеджмента в образовании, личностного развития и карьеропостроения. Обучение предпринимательству воспринимается как дополнительная практикоориентированная инновационная технология обучения казахстанских студентов. При написании и содержательном построении статьи использован проблемно-ориентированный подход, применены элементы научного анализа. В статье выводы получены на основе методов наблюдения, опроса, научной эмпирики, а также методов описания, объяснения и прогноза.

Результаты исследования

Выявлено, что на данный момент для Казахстана остро стоит необходимость подбора наиболее квалифицированных кадров для пред-

приятий и организаций бизнеса и государства, в связи с чем имеется высокая конкурентность среди выпускников вузов на рынке труда.

Предположительно внедрение предпринимательского образования в систему вузов РК может дать в будущем толчок к быстрому развитию собственных отечественных инноваций. Это может произойти за счет формирования в казахстанских вузах нового поколения специалистов, управленцев и предпринимателей. Помимо этого, государству для дальнейшего развития отечественного МСБ необходимо внедрение предпринимательского образования.

Обучение предпринимательству может осуществляться посредством формирования нового компетентного подхода выпускника вуза, где основной упор делается на получение не теоретических, а практико-ориентированных знаний и умений, а также овладение навыками критического и предпринимательского мышления.

Таким образом, предпринимательское образование может стать хорошим выходом из затруднительного положения и помочь решить ряд социально и экономически важных задач как для государства, так и для бизнеса и вузов. В связи с этим необходимы совместные усилия университетов, крупных компаний и государства по развитию предпринимательства и предпринимательского образования в стране.

Отсутствие качественного предпринимательского образования может привести к нехорошим последствиям, которые могут тормозить дальнейшее развитие национального предпринимательства. Таким образом, только через реальную кооперацию вузов, бизнеса и государства мы сможем развить предпринимательское образование в университетах Казахстана, которые сами посредством создания студенческих стартапов и бизнес-инкубаторов смогут генерировать новые идеи, ресурсы, инновации и технологии. Тем самым будет усиливаться значение вузов для общества и возрастать их «экономическая» роль в диверсификации экономики страны.

Обсуждение результатов

Генри Ицкович, профессор Стэнфордского университета, автор концепции «тройной спирали» взаимодействия университетов, предприятий (бизнеса) и государства, известный в мире эксперт в области предпринимательства и предпринимательского образования утверждает что, не только бизнес, но и высшие учебные заведения и государство также являются предпринимателями. Так как в наше время вузы сами являются генераторами «предпринимательского мышления», то есть высшие учебные заведения обеспечивают трансфер технологий через

создание инкубаторов «взрачивания» стартапов¹ для новых компаний. Государство же непосредственно принимает участие в этом процессе, стимулируя различными способами быструю имплементацию сгенерированных в вузе в виде стартапов идей и предложений. Иногда развитие предпринимательства помогает государству развивать отдельные отрасли и выходить из экономического или иного кризиса. Так, в Африке предпринимательская модель получила сильное развитие тогда, когда государству потребовалось выйти из технологического кризиса, используя потенциал высшего образования. «Когда в Замбии несколько лет назад вышла из строя система телекоммуникаций, компьютерный центр Университета Замбии задействовал сеть обмена электронной почтой студенческого кампуса в масштабах всей страны» [1, с. 28—29]. Как мы видим, предпринимательская модель, при которой успешно взаимодействуют вузы, бизнес и государство, необходима для поступательного экономического развития любой страны и обеспечения роста как национальной экономики, так и новых технологий.

Таким образом, смысл концепции «тройной спирали» сводится к тому, что вузы, компании и государство работают вместе, кооперируя для получения быстрых результатов в технологической модернизации, для укрепления экономического роста и развития экономики. При этом вузы имеют доминирующее значение, являясь как бы цементирующей основой взаимодействия бизнеса и государства, так как в вузах аккумулируются идеи в виде создания и внедрения новых предприятий (стартапов), коммерциализации знаний. Тем самым студенты, преподаватели и сотрудники университетов, с одной стороны, генерируют предпринимательскую активность, а с другой — они помогают государству как в создании инноваций, так и в изыскании новых средств для стимулирования роста реальной экономики.

Стартапы как начальную и самую сложную фазу становления предприятия необходимо создавать на базе вузов в виде студенческих инновационных предприятий, так как всякий новый бизнес, создаваемый студентами на базе своего вуза или за его пределами, требует применения инноваций, опирающихся на новые идеи, которые должны быть «индивидуальными», то есть должны быть особенными, которых нет у других [2, р. 156.].

В развитых странах сравнительно давно знают и применяют принципы предпринимательского образования в вузах. Пионером внедрения предпринимательского образования по праву считаются США. К примеру, в таких всемирно известных американских университетах, как Массачусетский технологический (MIT), Беркли, Стэнфорд, Прин-

¹ Временное инновационное предприятие [Автор].

стон, Бэбсон колледж, созданы все условия для возвращения будущих предпринимателей. На основе внедрения предпринимательского образования указанные вузы считаются «предпринимательскими университетами», то есть университетами, где в прикладном плане активно применяется модель коммерциализации полученных знаний и умений и где происходит интеграция не только науки и образования, но и производства (бизнеса) с высшим образованием и наукой.

В вузах с моделью «предпринимательского университета» имеется необходимая материально-техническая база, достаточно на высоком уровне учебно-методическая обеспеченность дисциплин по предпринимательству, есть свободный доступ студентов к имеющимся в вузе формам предпринимательской деятельности (лаборатории, ресурсные центры от работодателей, кафедры, модули, фонды библиотеки и т.д.), имеется возможность открытия собственных предприятий на базе вуза или университетского технопарка (бизнес-инкубаторы или бизнес-акселераторы).

Через свободный доступ обучающихся к вышеперечисленным инструментам студенты могут начать аккумулировать и инкубировать свои бизнес-идеи. При этом важным является наличие программ предпринимательского образования. Для того чтобы создать и развить модель предпринимательского университета, необходимо, прежде всего, внедрение в учебный процесс вуза образовательных программ или академических курсов (дисциплин), направленных на изучение предпринимательства, практики стартапов и предпринимательской активности (как в локально-национальном, так и в международном контексте), овладение навыками предпринимательского мышления и т.д.

Однако, как известно, не у всех студентов есть врожденная способность предпринимчиво мыслить, в таком случае программы курсов по предпринимательству, которые формируются в вузах, должны быть направлены не только на общую систему знаний по предпринимательству, но и на овладение студентами практическими навыками, которые направлены на фактическое зарождение у них предпринимательского мышления. Так что предпринимательский университет должен постоянно уделять повышенное внимание на точечность, индивидуальность и доступность в обучении студентов предпринимательству [3, pp. 64—65]. Также университетом должны проводиться и другие мероприятия, направленные на популяризацию среди студентов и преподавателей идей предпринимательства и создание стартапов: олимпиады, конкурсы по разработке кейсов, соревнования социальных и бизнес-проектов, публичные выступления студентов с научными и прикладными докладами, написание статей и т.д.

На начальном этапе внедрения предпринимательского образования встречается много сложностей в правильном понимании и имплементации различных форм и инструментариев, посредством которых реализовывается модель обучения студентов предпринимательству и обеспечивается подготовка соответствующих данным навыкам специалистов широкого профиля с хорошим практическим опытом.

Во всем мире программы по предпринимательству развиваются как одно из составляющих бизнес-образования и представлены в большинстве бизнес-школ. Предпринимательские программы, такие как маркетинг, финансы, менеджмент и др., не являются специализированными направлениями подготовки кадров. Они в большей степени многофункциональны и формируются во многом на основе междисциплинарного подхода. Так как предпринимательские программы берут на себя весь объем бизнес-образования, то они имеют близкий контекст с программами менеджмента и структурно входят в состав кафедр менеджмента. Тем не менее в ряде вузов программы по предпринимательству достаточно хорошо развиты и имеют многочисленный контингент обучающихся. В таких университетах специально образованы отдельные кафедры внутри бизнес-школ или внутри университетских центров по предпринимательству, или даже как отдельные штатные единицы [4, p. 118]. Также программы по предпринимательству тесно связаны с прикладным применением полученных студентами знаний и их дальнейшей коммерциализацией, в связи с чем в системе западных вузов развиты специальные прикладные институты по предпринимательству, в которых синтезируются полученные знания, практические навыки и их прикладное применение в различных областях экономики.

В постсоветских странах, имея более чем 20-летний опыт рыночной экономики и ведения предпринимательской деятельности, до последнего времени не наблюдалось процесса внедрения стандартов предпринимательского обучения в вузе. В прошедшие десятилетия функционировало немало профессиональных курсов повышения квалификации в таких смежных к предпринимательству областях, как менеджмент, маркетинг, управление проектами, финансы, учет и аудит, бизнес-планирование и оценка. Однако прямой имплементации предпринимательских курсов и дисциплин в учебный процесс высших учебных заведений не наблюдалось. Только в 2009—2010 гг. сначала в России, затем и в некоторых других странах СНГ начался процесс формирования учебно-методических основ по обучению предпринимательству в системе вузов. Исходя из этого, также необходимо указать, что в Казахстане, России и ряде других постсоветских стран понимание предпринимательства как

научного направления, в котором можно и нужно проводить исследования, стало зарождаться только в последние два-три года, когда в ведущих бизнес-вузах появились самостоятельные научные исследования в сфере предпринимательства и стартапа.

Стоит отметить и то, что «на сегодняшний день доказан факт существования прямой зависимости между уровнем предпринимательской активности и предпринимательским образованием». Слабая корреляционная связь между предпринимательством и предпринимательским образованием, в свою очередь, вскрывает низкий уровень предпринимательской активности на локальном, национальном и региональном уровне. Согласно мнению президента центра предпринимательства ВШМ СПбГУ В. Седова, «международная практика демонстрирует проверенные временем технологии обучения предпринимательству — они учат основам предпринимательства, предпринимательскому образу мышления, основам маркетинга и финансов, стратегиям построения производства и управлению ростом компании» [5]. Такая специальная дисциплина, как «Предпринимательство» (или блок дисциплин), должна быть внедрена в учебные планы вузов в первую очередь по специальностям социально-экономического профиля, в дальнейшем возможна имплементация в программы инженерных и других технических специальностей. Только с внедрением данной дисциплины/блока дисциплин получится запустить механизмы развития предпринимательского образования в вузах. Таким образом, внедрение одной или нескольких дисциплин приведет к формированию необходимой среды для расширения предпринимательской активности в виде создания специальных программ, кафедр, центров, лабораторий, которые, в свою очередь, будут проводить прикладные исследования, методическую работу и коммерциализацию полученных знаний в сфере предпринимательства.

Стоит отметить, что в Алматы Менеджмент Университете (ранее Международная академия бизнеса) с прошлого учебного года уже были внедрены дисциплины и спецкурсы по предпринимательству (или обладающие предпринимательскими компетенциями) как обязательный элективный компонент на всех специальностях бакалавриата, начиная с первого семестра 1-го курса и заканчивая седьмым семестром 4-го курса. Так студенты могут овладевать предпринимательскими компетенциями в течение почти всего периода обучения в университете.

Также надо уделить особое внимание внедрению специального или углубленного изучения предпринимательства. В Казахстане на сегодняшний день, ввиду отсутствия в классификаторе специальностей высшего образования специальности «Предпринимательство», углублен-

ное изучение предпринимательства можно применять в бакалавриате и магистратуре на программах «менеджмент» и «управление проектами». Выходом из этого положения может быть включение в классификатор специальности «Предпринимательство». Для лучшего восприятия данной специальности возможно изменение или корректировка названия, вследствие чего остаются неизменными ее общая суть и образовательное направление. Также возможно создание дополнительной сертифицированной программы по предпринимательству в рамках действующих специальностей. При любом положении необходимо внедрять спецкурсы по предпринимательству, тем самым развивать у студентов предприимчивость и предпринимательское мышление.

Если исходить из стратегического подхода, используемого в западных вузах, то для увеличения количества молодых специалистов и выпускников вузов, обладающих предпринимательским мышлением, необходимо развивать у них предпринимательские компетенции еще тогда, когда они являются студентами, путем разработки курсов, в учебную программу которых интегрированы «практические элементы (оценка возможностей, нетворкинг, разработка бизнес-плана и стратегии, оценка и снижение рисков и др.)» [6].

Казахстан, Россия и другие страны СНГ сильно отстают от американских и западноевропейских вузов в деле построения необходимой «предпринимательской среды» в виде системы предпринимательской науки и образования, которая бы создавала условия для обучающихся по овладению как практическими навыками, так и теорией предпринимательства.

Проблема предпринимательского образования понимается в свете явного отсутствия или малочисленности изучаемых курсов по предпринимательству и отсутствием специальных кафедр и центров по предпринимательству во многих вузах РК и стран СНГ.

Предпринимательское образование в Казахстане — это применение практических навыков ведения предпринимательской деятельности в купе с внедрением инноваций. Инновационный подход в преподавании предпринимательских дисциплин, должен превалировать. Должно уделяться повышенное внимание поощрению предприимчивости и инициативности как студентов, так и преподавателей, должна быть постоянная обратная связь между студентами и преподавателями.

Наряду с теорией, необходимо внедрять практические составляющие. Так, дисциплины по теории предпринимательства должны занимать не более 40% всего учебного времени за весь академический период, в свою очередь, таким дисциплинам, как «Практикум по предпринимательству»/ *Entrepreneurship in Action* и «Стартап», необходимо

уделять больше внимания и фокусировать их на конкретный результат. Практическая составляющая учебных программ в предпринимательском образовании должна доминировать и быть ориентирована на конечный результат — создание студентом/студентами самостоятельного предприятия и его выход на самоокупаемость.

Выводы

В связи с актуальностью развития предпринимательства в Казахстане и современного этапа становления отечественного предпринимательского образования, были идентифицированы следующие принципы, способствующие развитию предпринимательского образования.

1. Образованность, интеллектуальность студентов. Современное общество — это общество потребителей, которые очень мало интересуются чем-либо выходящим за рамки их бытового восприятия мира. Такие люди не занимаются самопросвещением, мало или вовсе не читают книг, отказываются продолжать свое образование, останавливаясь на достигнутом. Необходимо воспитывать в студентах любовь к книгам не просто для того, чтобы они читали что-то, а для того, чтобы у них была тяга к познанию нового, чтобы они не останавливались на полпути, а шли напрямую к своей цели. Ведь если общий уровень образованности и интеллектуальности в обществе спадет, то будет очень мало по настоящему предприимчивых людей-созидателей, а если не будет таких людей, то и предпринимательство может трансформироваться из позитивной в иную, грубую, негативную форму.

2. В этой связи следует отметить, что такие качества, как образованность и интеллектуальность, в человеке воспитываются с самого рождения. И здесь решающую роль играют родители. Если родители сами не имеют образования или не уделяют должного внимания развитию в ребенке желаний к познанию окружающего мира, то и в студенческие годы, и во взрослой жизни такой человек обречен быть только потребителем, а не созидателем.

3. Университеты должны начать приносить выгоду обществу. И, по словам Бертон Кларка, автора многих научных трудов о предпринимательском образовании, «университеты должны понять и принять новую действительность, они должны обозначить для себя новые направления своей «необходимости» для общества и найти устойчивую нишу в новой индустрии знаний, выйдя за пределы традиционных рамок высшего образования» [7]. Таким образом, высшие учебные заведения не только должны заниматься образовательными услугами, но

и должны вносить свой вклад в позитивные изменения в обществе, поддерживать благие начинания, быть социально ответственными, быть вовлеченными в процесс взаимодействия государства и бизнеса, показывать нравственное превосходство, посредством которого служить обществу. Для этого вузы должны начинать выходить за пределы своих традиционных направлений деятельности. К примеру, в Алматы Менеджмент Университете, начиная с текущего учебного года, внедрен курс «Служение обществу»/Service learning, который читается на первом курсе бакалавриата и подразумевает как патриотическое, так и нравственное воспитание молодежи. Суть его в том, что по окончании часов теоретического обучения студенты направляются на практику в такие учреждения города, как дома престарелых, детские дома, НПО людей с ограниченными возможностями, где они видят реальные проблемы, с которыми сталкивается общество, помогают людям и начинают понимать свою гражданскую позицию, вовлеченность и социальную ответственность. Этим самым университет вносит свой вклад в воспитание молодых кадров как не только будущих профессионалов, но и социально ответственных специалистов.

4. Будущие специалисты (студенты) должны быть готовыми к восприятию новых знаний и умений, к пониманию неординарных вещей, уметь работать в команде, иметь широкий кругозор. Для этого в учебные программы желательно включить такие дисциплины, как «Критическое мышление», «Командообразование» и др.

5. С учетом опыта зарубежных вузов, в казахстанских университетах, главным образом, надо сфокусироваться на качестве преподавания, улучшить методику обучения по всем без исключения дисциплинам, усилить их предпринимательскими компетенциями. В этой связи интересен опыт «классического» предпринимательского университета — Бэбсон колледжа, штат Массачусетс, США. Бэбсон был основан в 1919 г. Согласно международным рейтингам, это ведущая американская бизнес-школа, которая специализируется на обучении предпринимательству.

6. Во всех отношениях уникальная культура Бэбсон колледжа акцентируется на подготовке студентов к реалиям делового мира, с фокусом на практический опыт. Такой подход связан с идеями основателя данного учебного заведения — Роджера Бэбсона. Он хотел создать колледж с радикально иной спецификой бизнес-образования, где обучение было бы направлено на сердца и умы студентов, смешивая реальное с идеальными формами. Данный подход получил название «практический идеализм». Преподавание идет путем воздействия на

эмоциональный интеллект студентов, обучение полностью базируется на практических свойствах различных процессов и явлений. Преподаватели Бэбсон колледжа готовы к постоянным изменениям, которые направлены на то, чтобы достичь совершенства в обучении. Материалы и процедуры обучения основываются больше на эмпирическом опыте преподавателей и подвержены изменениям в течение всего жизненного цикла любого конкретного курса: до начала курса, во время и после курса. Примеры предкурсовой процедуры включают в себя создание веб-сайта курса, дизайн программы курса, а также разработку целей обучения. Во время курса преподаватели ведут лекции, практические занятия и дают обратную связь студентам по заданиям. После проведенного курса преподаватели оценивают производительность студентов, а также свою собственную производительность [8, pp. 19—20].

7. Необходима позитивная конкуренция среди отечественных вузов, наличие которой может послужить хорошим признаком внедрения предпринимательского образования. У казахстанских вузов, независимо от их формы собственности, должны быть равные возможности влияния на принятие решений в сфере высшего образования, все вузы должны участвовать в разработке предложений по реформированию системы высшего образования. На повестке дня стоят актуальные вопросы взаимодействия между МОН РК и вузами: изменение устаревших нормативов, интегрирование национальных образовательных стандартов в глобальную систему высшего образования, автономность в деятельности вузов и пр.

8. В вузах должен быть «предпринимательский дух», причем не только среди студентов, но и среди преподавателей и сотрудников. Преподаватели должны уметь генерировать инновационные идеи, интегрировать свои знания и умения в прикладную плоскость, то есть начать заниматься так называемым «интеллектуальным предпринимательством». Однако не все преподаватели из академических кругов способны быть «инновационными», в связи с чем в вузе, прежде всего в бакалавриате, должны обязательно преподавать преподаватели-практики с производства. Таким образом, студенты будут воспринимать не только опыт действующих предпринимателей, но у них также появится эмпатия, то есть сочувствие или сопереживание к предпринимательскому делу.

9. Отношение эмпатии к обучению предпринимательству можно условно поделить на три составляющие. Во-первых, студенты, которые желают стать предпринимателями, должны сопереживать практикующим предпринимателям, посредством чего они могут развить в себе более

глубокое понимание сущности реальной предпринимательской жизни. Студенты должны понять, что предпринимательство — это не столько карьеропостроение, а во многом это просто стиль жизни, который отличается от стиля большинства населения. Во-вторых, умение общаться с другими людьми для студентов осуществляется более значимыми, эмпатийными путями, и это имеет значение для их дальнейшей работы по налаживанию коммуникаций с другими партнерами, лидерства и создания команды единомышленников. В-третьих, предприниматели создают ценности от создания и исполнения «чего-то» — это может быть новый продукт, сервис, предприятие или какой-то процесс. Предприниматели являются идентификаторами имеющихся проблем, но они же — и те люди, которые решают данные проблемы. Основа этого предположения заключается в том, что студентам, занимающимся предпринимательством, нужно развить набор навыков, который позволяет им выявлять неудовлетворенные потребности различных заинтересованных сторон. В свою очередь, определение потребностей начинается с эмпатии, то есть сочувствия. Если студент действительно желает быть предпринимателем, то он/она в любом случае будет соединяться с различными заинтересованными сторонами с целью создания новой организации (стартапа), а также создания новых продуктов и услуг, при этом опыт эмпатии является необходимым элементом [9, р. 43].

10. В ряде казахстанских вузов уже давно применяется практика приглашения преподавателей-практиков с производства или предпринимателей. Интересен опыт КазНУ им. аль-Фараби, Алматы Менеджмент Университета, КБТУ, КИМЭП и др. Также среди студентов, преподавателей и сотрудников вузов должна развиваться позитивная предприимчивость и инициативность.

11. Вовлеченность работодателей в учебный процесс вуза. В наше время работодателям желательно участвовать в процессе управления вузом, быть его попечителями, вкладывать в него различные средства. Так как работодатели получают потенциальные кадры из вузов, они должны участвовать в процессе обучения на уровне практической вовлеченности в разработку учебных программ. Иными словами, работодатели должны принимать участие в процессе формирования профессиональных компетенций у студентов, потому что они являются их будущими потенциальными работниками.

12. Опыт работы у студентов и поощрение его наличия со стороны вуза. Многие выпускники вузов начинают работать еще будучи студентами, и на это у них разные причины. Условно их можно разделить на три категории:

- 1) попытка приобрести опыт;
- 2) помочь родителям/родственникам в оплате за свое обучение;
- 3) низкий доход в семье.

Первая категория исходит из того, что обучение в университете необходимо и достаточно престижно, но оно нужно только для получения диплома и мало дает практического опыта. По их мнению, реальную конкурентоспособность на рынке труда им может дать только наличие опыта работы [10]. В связи с этим они начинают работать на стороне, что, непосредственно в негативном плане сказывается на их общей успеваемости.

Вторая категория исходит из необходимости оплаты за обучение, в ином случае данные студенты могли бы и не работать. Работа на стороне у этих студентов, так же как и у студентов первой категории, в негативном плане сказывается на их успеваемости.

Третья категория студентов учится не на платном отделении, они учатся на гранте, но из-за низкого дохода в семье, по причине многодетности или отсутствия одного из родителей, вынуждены работать и учиться в вузе одновременно. Такое совмещение также негативно сказывается на их успеваемости.

Согласно данным российского информационного портала, в качестве причин совмещения работы и учебы в вузе 85% студентов российских университетов дали ответ: «Чтобы зарабатывать на жизнь», что подразумевает нехватку денег в семье на оплату за обучение в вузе. И только 13% студентов заявили: «Чтобы получить практические навыки по будущей профессии» [11]. Ввиду схожести общего социально-экономического положения, уровня жизни населения и систем высшего образования Казахстана и России, можно предположить близкие к этим статистические значения причин совмещения работы и учебы казахстанских студентов. Причем 2-ю и 3-ю категории из классификации наших студентов можно полностью соотнести к причине, которая была озвучена 85% российских студентов.

Именно модель предпринимательского университета может дать всем этим категориям студентов то, что им всем необходимо. Так как предпринимательское образование подразумевает не только теорию, но и практику создания и функционирования студенческих стартапов, работа которых направлена не только на поиск креативных идей и каких-то инноваций, но и на трудоустройство студентов внутри университета на базе стартапа или бизнес-инкубатора. Открытие стартапа всегда подразумевает командную работу, помимо студента — генератора идей, туда может входить и успешно работать целая группа других студен-

тов-однокурсников или даже студентов из других вузов. Студенты не только получают бесценный практический опыт, но и формируют себе команды единомышленников, которые могут работать вместе над любыми проектами и в будущем, когда они закончат университет. Одновременно решается проблема студентов по зарабатыванию ими денег, фактически не выходя за пределы университета, что сильно в негативном плане не влияет на их успеваемость.

Также казахстанские вузы могут использовать опыт «программы частичной занятости студентов» Алматы Менеджмент Университета, которая подразумевает поддержку малообеспеченных студентов путем их частичной (на половину рабочего дня) работы в структурных подразделениях университета. В свою очередь, имеется опыт КазНУ им. аль-Фараби, где часть студентов направляется на практику во внутренние административные подразделения вуза.

Таким образом, принципы, которые способствуют развитию предпринимательской среды и предпринимательского образования, в казахстанских вузах достаточно обширны, но при желании легко выполнимы и не требуют больших капиталовложений. Имея вышеперечисленные активности, университеты могут без особых проблем создать благоприятную среду для формирования предпринимательской модели образования у себя в вузах.

Список литературы

1. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты — Предприятия — Государство. Инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А.Ф. Уварова. — Томск: ТомГУ СUIP, 2010. — 238 с.
2. *Harvard Business Review on Succeeding as an Entrepreneur.* — Boston, Harvard Business Review Press, 2011. — 195 p.
3. *Handbook on the Entrepreneurial University.* Edited by Alain Fayolle & Dana T. Redford. — Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2014. — 486 p.
4. *Entrepreneurial Learning. New Perspectives in Research, Education and Practice.* Edited by David Rae & Catherine L. Wang. — New York: Routledge, 2015. — 290 p.
5. *Седов В., Широкова Г.* Как в России учат предпринимателей. Электронный журнал. URL: <http://www.e-xecutive.ru>.
6. Там же.
7. *Burton R. Clark.* The Entrepreneurial University: Demand and Response // Tertiary Education and Management. Vol. 4, N 1, 1998, p. 14.
8. *Evolving Entrepreneurial Education. Innovation in the Babson Classroom.* Edited by Victoria L. Crittenden, Kathryn Esper, Nathaniel Karst & Rosa Slegers. — Bingley, UK: Emerald Group Publishing Ltd, 2015. — 505 p.
9. *Heidi M. Neck, Patricia G. Greene, Candida G. Brush.* Teaching Entrepreneurship. A Practice-based Approach. — Northampton, MA: Edward Elgar Publishing, 2014. — 341 p.
10. *Резник Г.А.* Студенческое предпринимательство в вузе: проблемы и перспективы развития // Проблемы современной экономики. Выпуск N 3, 2010. — С. 412.
11. Там же.

Рецензия

Кусаинов А.М. Экономика Казахстана: Новая экономическая политика. — Алматы, 2016 — 384 с.

Антон Морозов

Кандидат политических наук

Появление книги «Экономика Казахстана. Новая экономическая политика» за авторством Айдархана Кусаинова укладывается в актуальную информационную повестку дня: споры о том, достиг ли Казахстан дна кризиса или падение экономических показателей будет продолжаться — вопрос, волнующий всех. И если простых граждан волнует, когда же кризис закончится, то экспертное сообщество больше интересуется другая постановка вопроса — как избежать кризисных явлений в дальнейшем. Именно на это автор и пытается дать ответ. По сути, им предлагается новая модель экономических отношений, что, собственно, и следует из названия работы.

В предисловии к книге автор говорит, что одной из его задач было «сломасть металлические шаблоны» в отношении представлений о модели рынка, которые мешают объективной оценке и, соответственно, не позволяют принимать верные решения на уровне исполнительной власти.

Несомненным достоинством книги является легкость изложения. Автору удалось избежать перегруженности работы профессиональными терминами — своего рода «проклятья» множества работ на экономическую тематику. Там, где употребление профессионализмов представлялось неизбежным, А. Кусаинов смог изложить трудные для понимания понятия простыми, понятными словами.

Существует так называемое наблюдение Хонгрена, которое звучит так: «Среди экономистов реальный мир зачастую считается частным случаем». Рассматриваемая книга — не этот вариант. Особый характер ей придает то обстоятельство, что ее автором является не чиновник и не кабинетный ученый, а производственный, много лет проработавший «в поле», член Казахской и Российской ассоциаций независимых директоров, ныне специализирующийся на управленческом и стратегическом консалтинге. Безусловно, этот опыт позволил автору взглянуть на проблему развития экономических процессов под нетривиальным углом.

Интересна логика построения книги, состоящей из четырех частей. Два раздела являются вводными — в них дается разъяснение терминов и описывается состояние текущих экономических реалий страны. Третья часть — наиболее, на наш взгляд, интересная, содержит конкретные предложения по реформированию экономической модели. В ней рассмотрены проблемы валютного курса, налогообложения, развития отдельных секторов экономики, продвижения экспорта и дано авторское видение структуры государственного управления.

В данной рецензии мы хотим остановиться на 4-й части — «Информационное пространство и взаимодействие государства и общества».

На первый взгляд может показаться, что эта тема выходит за логику основной части повествования, но это не так, поскольку «никакая экономическая политика не может реализовываться и воплощаться без учета того, как она воспринимается массовым сознанием, коллективным разумом, потому что поведение людей, их привычки, потребительские предпочтения формируются этим коллективным разумом»¹.

Собственно, для Казахстана вопрос «нужна ли идеология и работа в информационном пространстве» не стоит. Множество экспертов отмечают, что для казахстанской модели реформирования характерна большая идеологическая надстройка. Автор, находящийся на аналогичных позициях, ставит на повестку дня задачу артикуляции идеологии в текущей экономической ситуации.

Автор выстраивает логику повествования исходя из теории информационного общества. При этом он использует как позитивистский подход (П. Лазерфельд, У. Липпман, Э. Багерстам), так и феноменологический (Г. Лассуэл). Вслед за классиками автор считает, что необходимо формировать дискурс, «повестку дня»: «Эффективное управление информационным пространством осуществляется последовательной идеологической работой, через формирование информационного фона»². С позиций феноменологического подхода автор рассматривает информационную политику страны, полагая, что информационные потоки обуславливают развитие всех социальных процессов.

Исходя из этого, А. Кусаинов полагает, что задачей государства является структурирование информационного пространства, формирование набора идей, выстраивания смыслов и создание понятных и разделяемых всеми «правил игры». Таким образом, автором предлагается этатистская модель информацион-

ной политики, поскольку ядром предусматриваемых в ней отношений является государственное регулирование различных процессов и явлений в информационной сфере. Позиция довольно интересная и популярная, хотя и не бесспорная.

Далее автор переходит к теме национальной идеи, очень популярной в последнее время. Полагаем, что в среднесрочной перспективе эта тематика останется «в топе» наиболее обсуждаемых вопросов. Это обусловлено тем, что если в обычной обстановке социально-экономическое развитие, как правило, совпадает с господствующей идеологией, то в транзитные моменты возникает острое столкновение различных идеологий. При этом вопрос о том, какая же из них больше отвечает потребностям текущего момента, может решаться исходя их двух подходов. Во-первых, абстрактно-теоретического, опирающегося на умозрительные «идеальные» теории реформирования общества и экономики. Во-вторых, исторического, исходящего из традиций и специфики развития каждой страны. При этом, казалось бы, «инструментальность» идеологии и ее приемлемость для общества должны совпадать. Однако на практике случаются значительные расхождения, тем более в обществе, где наблюдаются очевидные противоречия между масштабами и качеством национального капитала и уровнем благосостояния большей части населения.

Автор предлагает свое видение того, какой должна быть национальная идея, пунктирно обозначая ее контуры фразой «общество взаимного успеха», в котором государство и общество являются партнерами.

В целом данная книга будет полезна в первую очередь экономистам. Тем не менее эксперты, занимающиеся изучением социально-политических процессов, также прочитают ее с интересом.

¹ Экономика Казахстана. Новая экономическая политика. Кусаинов А.М. — Алматы, 2016. — С. 189.

² Указ. соч. С. 192.